

.....
определенный срок партийный комитет вновь заслушал того же коммуниста и констатиро-

.....
го коммуниста министерства. Большое внимание уделяется работе парторганизаций

АЛЕКСАНДР КОСТИН

**СТАЛИН
ПРОТИВ ПАРТИИ**

**РАЗГАДКА ГИБЕЛИ
ВОЖДЯ**

адреса сомнительной осторожности и выжидания. Правда, проблемы специализации, концентрации и кооперации обсуждались на двух собраниях коммунистов, но довольно поверхностно. И, что особенно удивляет, — ход выполнения директив партии по магистральному направлению сельского хозяйства, как быстрее решать проблемы специализации и концентрации производства, что могут

варищ «в принципе... соблюдает Устав партии».

Как повышать у каждого коммуниста чувство ответственности? Теперь, на заседании парткома, его члены сообщают думают об этом. Деловитость и оперативность твор-

.....
много хоро
по вопроса
экономики,
редового об
в республик
ми. Однако
специальст
нувшись в
ты, в так
ку, зачасту
этих рекон
по старинк
жене в объ
штаба отра
отдачу пере
жет быть,
этот вопро
парторгани
их?

В республи
оном, котор
ву продук
ют от сред
вы. По ин
партии рес
на комплек
оказанию п
Коммунист
должны ста
водниками

Выступан
ном собран
вер управ
ке кадров
рил, что не
поднявшис
врашают с
четы, при
ки. Надо г
ся в прич
считают ч
дино, пол
тикой и
смысл об

Идет за
Подытожи
ретарь па
Р. Валис
вить пере
боты на д
печивающ
ход к сам
просам.

«Каждо
ского апп
видеть св
решения
экономич
рил на т
ЦК КПС
Брежнев.
ниме оп
главные
ганизации
ского хоз

■ АЛЕКСАНДР
КОСТИН ■ СТАЛИН ПРОТИВ ПАРТИИ ■

Сканировал и создал книгу - vtaкhankov

АЛЕКСАНДР КОСТИН

**СТАЛИН
ПРОТИВ ПАРТИИ**

**РАЗГАДКА ГИБЕЛИ
ВОЖДЯ**

Москва
алгоритм
2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К 72

Оформление *Б. Протополова*

Костин А. Л.

К 72 Сталин против партии : Разгадка гибели вождя / Александр Костин. — М. : Алгоритм, 2013. — 336 с. — (Исторические сенсации).

ISBN 978-5-4438-0291-6

Смерть Сталина – это загадка, которой уже более полувека. Но, несмотря на пристальное внимание многочисленных исследователей, она так и осталась неразгаданной до сих пор.

Настоящая книга А.Л. Костина завершает монументальное исследование, в котором автор выдвинул собственную версию событий, как предшествовавших смерти вождя, так и последовавших непосредственно за ней. Он убедительно доказывает, что Иосиф Виссарионович Сталин пал жертвой многолетней борьбы с той партией, которую он возглавлял, а непосредственной причиной его смерти послужили попытки реформировать КПСС и систему государственного управления СССР.

Система всей мощью обрушилась на своего вождя, а тот попытался преодолеть собственное детище. Можно ли считать Сталина жертвой обстоятельств и трагической фигурой истории? Не все так однозначно. Это было суровое противостояние, полностью отразившееся на страницах этой книги.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-4438-0291-6

© Костин А. Л., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Забуть о нем хотели бы давно,
Чем только это имя ни обставив.
«Как умер Сталин» — даже есть кино.
Одна неточность: он не умер — Сталин...

*Русский поэт Евгений Нефедов,
из цикла «Наш Сталин».*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, история знаменательных исторических событий имеет тенденцию повторяться, сначала в виде трагедии, а впоследствии в виде фарса. «Отравление» И.В. Сталина, а вернее его агонизирующего тела, удивительным образом напоминает несостоявшееся «отравление» В.И. Ленина за тридцать лет до марта 53-го.

Днем 30 мая 1922 года товарищу Сталину позвонили из Горок и попросили срочно приехать к Владимиру Ильичу, который желал непременно и как можно быстрее переговорить с ним о чем-то. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) отправился за город немедленно, пригласив с собой за компанию Николая Ивановича Бухарина. Оба, разумеется, знали, что 25 мая самочувствие Ленина внезапно ухудшилось, а спустя три дня появились признаки паралича правых конечностей и затруднение речи. Похоже, Сталин первым понял, для чего он понадобился «Старику», и не удержался поделиться подозрениями со своим спутником.

В Горках автомобиль остановился во дворе усадьбы. До флигеля, где жил глава Советской России, пришлось идти пешком. Там генсек сразу же проследовал в комнату больного. Причем тот настоял, чтобы вошедший плотно затворил дверь. А Бухарин остался ждать итогов встречи посреди врачей и родственников Ленина. Однако не утерпел и все-таки

проломил интригующе: «Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина!»¹

Аудиенция у «Старика» «чудесного грузина» продолжалась не более пяти минут. Иосиф Виссарионович, покинув вождя, простился со всеми и, не проронив ни слова о беседе, заторопился с Бухариным назад к машине. Мария Ильинична Ульянова решила их проводить. На улице оба гостя несколько оторвались вперед, осуждая что-то вполголоса. Уже во дворе возле автомобиля Сталин вдруг повернулся к сестре Ильича и произнес: «Ей можно сказать, а Наде не надо». Затем кратко изложил суть дела. Товарищ Ленин напомнил о ранее данном им, Сталиным, обещании помочь ему уйти из жизни, если его разобьет паралич. И теперь, когда такой момент наступает, вождь попросил исполнить это обещание и привезти яд. Сталин, подчиняясь воле лидера партии, от тяжелой миссии не уклонился. Но по выходе из комнаты засомневался: а не воспримет ли Владимир Ильич готовность генсека раздобыть яд как полную безнадежность ситуации, без какого-либо шанса на выздоровление?! Взвесив все «за и «против», Сталин, Бухарин и Мария Ильинична сошлись на том, что Иосифу Виссарионовичу нужно вернуться к Владимиру Ильичу, чтобы отговорить его от отчаянного намерения, сославшись на консультацию с врачами, якобы не считающими болезнь неизлечимой. Сталин встретился с Лениным повторно и сумел его разубедить. «Старик» согласился не спешить с самоубийством и немного приободрился, услышав о мнении докторов. Впрочем, совершенно в искренность лукавого грузина не поверил, заметив на прощанье: «Дипломатничаете?!»²

Если бы И.В. Сталин был в состоянии общаться со своими соратниками после случившейся катастрофы, то он наверняка бы повторил просьбу В.И. Ленина о совершении в отношении него акта эвтаназии, чтобы избавиться от тяжелых физических страданий, в любом случае заканчивающихся смертельным исходом. Нельзя исключить и тот факт, что Сталин мог, подобно своему предшественнику, заранее предусмотреть

---

¹ К.Н. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923—1953 гг.). М., 2006. С. 3.

² Известия ЦК КПСС, 1991. №2. С. 134—135; №3. С. 185—188.

подобный вариант своего ухода. Наконец, эту последнюю волю вождя можно было и «предугадать», тем более, что у его ближайших соратников для решимости на такой шаг были и другие, куда более веские причины, чем освобождение смертельно больного человека от мучительных страданий.

Ответ на вопрос, что за причины подтолкнули наследников Сталина на этот шаг, читатель найдет на страницах настоящей книги.

Причиной для ее написания послужили следующие обстоятельства. 17 января 2011 года скончался В.М. Жухрай, общивший перед смертью автору некую информацию. Однако при этом Владимир Михайлович поставил одно условие по срокам публикации его свидетельских показаний — не ранее 2 лет после его ухода из жизни.

Другим обстоятельством, подтолкнувшим к написанию этой книги, послужила публикация в середине 2011 года труда академика А.Л. Мясникова «Я лечил Сталина» (с участием академика Е.И. Чазова). В это же время автору в руки попала книга замечательного российского историка Константина Анатольевича Писаренко, вышедшая около пяти лет тому назад и ставшая к тому времени библиографической редкостью.

По прочтении книги К.А. Писаренко: «Тридцатилетняя война в Политбюро (1923—1953 гг.)» стало ясно, что начало трагедии, случившейся в марте 1953 года, нужно поискать в первой половине 20-х годов, когда столь же трагически для судеб многострадальной России уходил из жизни предшественник Сталина — Владимир Ильич Ленин. Этим объясняется столь обильное цитирование текста книги К.А. Писаренко, за что, пользуясь случаем, мы приносим автору свои извинения с чувством глубокой признательности за его поистине подвижнический труд.

Вот при таких обстоятельствах и возникла идея книги-исследования таинственных событий, сопровождавших последние дни жизни Иосифа Виссарионовича Сталина.

Глава 1

«ЛЕНИНСКИЙ» ЭТАП БОРЬБЫ И. В. СТАЛИНА С НЕВИДИМОЙ УГРОЗОЙ

Упрощенный взгляд на итоги исторического XIX съезда КПСС, провозгласившего начало широкомасштабных реформ, задуманных Сталиным, сводится к следующему. Семидесяти-трехлетний Генсек (в то время уже просто секретарь ЦК КПСС) и Председатель Совета Министров СССР решил отстранить руководимую им всемогущую партию коммунистов от непосредственного управления государством, передав всю власть Советам как в центре (Верховный Совет СССР), так и на местах, оставив партии идейно-воспитательную роль и работу с партийными кадрами. Партноменклатура из-за боязни потерять свое лидирующее положение, когда можно было всем управлять, все контролировать, но ни за что не отвечать, немедленно вынесла вердикт: «Или мы — или Сталин», поскольку при живом Сталине они теряют все, а при его немедленном устранении все остается так, как и было в течение 35 лет Советской власти. Следовательно, Сталин был обречен.

Эта, сколь нехитрая и столь же неверная версия скоропостижной смерти Сталина стала краеугольным камнем в построении многочисленных версий насильственной смерти реформатора. Несмотря на отсутствие хотя бы малейших аргументов в пользу «заговора» ближайшего окружения по устранению вождя, если не считать всерьез «саморазоблаченный» Хрущева, Микояна и даже Берия, правда, со слов других лиц, версии о загадочных убийствах, отравлениях, неоказании своевременной медицинской помощи вождю, возникают как грибы после теплого летнего дождя и конца-края этим версиям нет, и не ожидается в ближайшем будущем.

Долгоживучесть версии «заговора» партаппарата против Сталина объясняется неординарностью задуманных Сталиным реформ, основу которых, составила объявленная, фактически открытым текстом, война вождя с той самой партией, которую он возглавлял без малого тридцать лет. Что же случилось с вождем на старости лет, неужели он, как однажды высказался Ю. Жуков, уже «ничего не соображал», поскольку был безнадежно больным человеком? Больным-то он действительно был, причем тяжело больным, хотя ни в какую в это не хотел верить, но вот насчет того, что он «не ведал, что творил» — это не о нем.

Прежде чем «озвучить» свой план широкомасштабных реформ, он глубоко проработал теоретический базис этих преобразований, учтя неудавшийся опыт проведения подобных реформ в середине 30-х годов. Начавшийся вскоре период подготовки к войне и сама война, а затем восстановление разрушенного войной народного хозяйства более чем на 10 лет отодвинули замыслы Сталина по реформированию политической системы страны, в основе которой был изначально заложен замедленного действия разрушительный механизм — **принцип коллективного руководства**. Этот механизм, исподволь разрушающий Советскую власть, был заложен В.И. Лениным, чем, в первую очередь, объясняется трудность его искоренения, трудность, стоившая жизни многим тысячам ни в чем не повинных людей.

Политической «слабостью» В.И. Ленина было два момента: во-первых, создание коллегиальных органов управления, все члены которых наделялись равными правами при решении любого более-менее значащего вопроса и, во-вторых, создание многочисленных комиссий для разрешения возникших трудностей в коллегиальных органах власти. В результате живая творческая работа управленческих звеньев сводилась к многочисленным заседаниям и бесплодным дискуссиям (памятное «Прозаседавшиеся» пролетарского поэта).

Основным коллегиальным органом управления партией, а значит и всей страной, поскольку РКП(б) была не только правящей, но и единственной партией, было Политбюро ЦК РКП(б). Формально все члены Политбюро были равно-

правны, и судьбу законопроектов и распоряжений определяло простое большинство во время голосования. По этой причине число членов Политбюро было нечетным: до апреля 1922 года — 5 человек, а после 3 апреля 1922 года — 7 человек. Увеличение произошло вопреки требованиям Устава по личному предложению Ленина. Лишь в августе 1922 года XI партконференция узаконила новую норму численности Политбюро. Историки полагают, что Владимир Ильич неспроста пошел на прямое нарушение уставных норм. В «пятерке» прежнего состава Политбюро наметился раскол, когда «тройка» в составе Каменева, Зиновьева и Сталина серьезно «потеснила» главных политических кумиров: неистового Троцкого и безнадежно больного В.И. Ленина. Дополнив «пятерку» персонами «со стороны», то есть не симпатизирующих означенной выше «тройке» — Рыковым и Томским, Ленин на время утихомирил страсти и раскол миновал.

Таким образом, по состоянию на 3 апреля 1922 года в состав Политбюро вошли: В.И. Ленин, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков и М.П. Томский. Кандидатами в члены Политбюро Пленум ЦК РКП(б) утвердил Н.И. Бухарина, М.И. Калинина и В.М. Молотова. «Семерка» обладала правом решающего голоса, а три кандидата — совещательным.

Однако «равноправие» членов Политбюро было лишь декларацией, ибо «коллективное руководство» в чистом виде возможно лишь теоретически. В любом подобном «коллективном органе», как бы он не именовался (Политбюро, Комитет общественного спасения, директория, хунта, Верховный тайный совет, наконец, ГКЧП), сразу же стихийно или осмысленно начинается поиск лица, на взгляды и суждения которого, в конечном итоге, будут ориентироваться остальные члены органа. Одной из причин поражения ГКЧП в августе 1991 года было как раз отсутствие такого харизматического лидера в его составе.

Если «коллективный орган» не выдвинет из своей среды лидера, способного подчинить своей воле мнения остальных коллег, то подобный орган вместо эффективного административного рычага управления неизбежно превратится

в недееспособный дискуссионный клуб. Избежать подобной опасности можно лишь в одном-единственном случае: если среди членов этого органа найдется авторитетная, всеми уважаемая личность, которая естественным образом становится верховным арбитром.

До весны 1922 года в Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о лидере не возникал, поскольку таковым заслуженно являлся основатель партии В.И. Ленин, который, однако, предпочитал управлять Россией в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров, как бы игнорируя собственный статус самого влиятельного члена Политбюро. Не будь Ленин создателем «партии нового типа», а также вдохновителем и организатором Октябрьского переворота, ему бы не простили демонстративного пренебрежения членством в Политбюро. Однако, учитывая сделанное Ильичем для партии, соратники до поры до времени не заостряли внимания на его тяготе к государственным структурам в ущерб партийным. Тем более что, несмотря на склонность первого советского лидера управлять страной из зала заседаний Совнаркома, реально там собирались не советские министры, а все те же члены Политбюро, правда, в несколько расширенном составе.

Кто же входил в число «расширяющих» состав Политбюро? Для этого следовало бы заглянуть в Устав партии, принятый на VIII партконференции в декабре 1919 года, но предварительно несколько существенных замечаний.

В любой республике, то есть в политической системе, где глава государства избирается, а не наследует «трон», властные полномочия делегируются ему либо всем населением данной страны, либо частью населения, объединившегося в некую политическую структуру — партию. В зависимости от того, кто — рядовые избиратели или члены партии формируют властную вертикаль, определяется и порядок, по которому та начинает функционировать. А прописан он будет либо в Конституции страны, либо в партийном Уставе.

В октябре 1917 года Россия перешла под контроль руководства РКП(б). Этого права лидеры большевиков добились не по итогам общероссийских выборов, а в ходе государственного переворота, а три года кровопролитной Граждан-

ской войны подтвердили статус-кво, сложившийся осенью семнадцатого года. На правах победителя руководство РКП(б) имело полное право продиктовать свою волю проигравшим и равнодушным, в результате чего Устав компартии автоматически превращался в главный закон страны.

Не имея управленческого опыта и ориентируясь на опыт Великой французской буржуазной революции, большевики «сконструировали» оригинальную управленческую модель «коллективного руководства». Партия большевиков становится руководящей и направляющей силой, то есть «коллективным руководителем» страны, который строится по территориальному признаку «...организация, обслуживающая какой-либо район считается высшей по отношению ко всем организациям, обслуживающим части данного района (ст. 11 Устава РКП(б)) ...Высшим руководящим органом каждой организации является общее собрание, конференция или съезд (ст. 13) ...Верховным органом партии является съезд..., который избирает ЦК РКП(б)..., который образует для политической работы Политическое Бюро, для организационной работы Организационное Бюро и Секретариат во главе с секретарем, членом Организационного бюро ЦК (ст. 13; 20; 22; 25). С точки зрения подчиненности и наличия властных полномочий трех вышеназванных «коллективных органов» Уставом предусматривалось следующее: «Всякое решение Секретариата, если оно не опротестовано никем из членов Оргбюро, становится автоматически решением Оргбюро, а всякое решение Оргбюро, не опротестованное никем из членов Политбюро, становится решением Политбюро, то есть решением Центрального Комитета. Всякий член ЦК может опротестовать решение Политбюро перед Пленумом ЦК, но это не приостанавливает его исполнения».

Таким образом, согласно Уставу партии, роль выборных центральных органов партии возрастает по следующей «вертикали» власти — Секретариат ЦК, над ним Оргбюро, еще выше — Политбюро, которое принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательства. Над ним Пленум ЦК партии, который собирается не реже двух раз в месяц для решения наиболее важных вопросов, не требующих спешного реше-

ния, ну а дальше — ежегодно созываемый съезд партии, нормы представительства на котором устанавливаются ЦК и очередной предсъездовской партконференцией.

В августе 1922 года XII партконференция утвердила новый Устав РКП(б) со следующими изменениями и дополнениями в ранее действующий Устав. Отныне количество членов ЦК не конкретизировалось, а «устанавливалось съездом», число членов Политбюро могло варьировать от пяти до семи; Пленум ЦК собирается не два раза в месяц, а один раз в два месяца; периодичность созыва партконференций сокращалась с четырех до одного раза в год.

А теперь, глядя на «конструкцию» партийной власти, зададимся вопросом, что же так обеспокоило В.И. Ленина, который в своем знаменитом «Письме к съезду», давая характеристики вождям, в отношении Сталина писал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Какой такой «необъятной властью» обладал генеральный секретарь ЦК РКП(б)? Судя по партийной иерархии, закрепленной Уставом, в компетенцию генсека входило налаживание эффективной деятельности аппарата ЦК (подготовка проектов повестки дня к заседаниям и постановлений Политбюро и сопутствующих им материалов; рассылка принятых решений по центральным и провинциальным партийным и советским учреждениям; аккуратное ведение архива). Скрупулезный кадровый учет нарождающейся партноменклатуры всех уровней, инспектирование региональных комитетов и бюро. Конечно, возможности для сбора информации и завязывания нужных знакомств — обширные.

Однако аналогичные преимущества имелись и у тех, кто занимал иные должности — и в ЦК РКП(б), и в Совнарком, и во ВЦИК. Увы, генсеку, для того чтобы превратиться в ключевую в партии фигуру, не хватало главного — права назначения своих выдвиженцев на важнейшие посты в губкомах, обкомах, областных бюро ЦК, наркоматах и т.д. Этим правом обладало Политбюро, которое ни Оргбюро, ни Секретариат, без санкции свыше, подменять не могли.

О чем тогда печаль Владимира Ильича? А вот, например, еще пишет бывший технический секретарь аппарата Политбюро Б.Г. Бажанов: «Секретариат ЦК — орган, находящийся в состоянии быстрой эволюции, и именно он способен гигантскими шагами идти к абсолютной власти в стране. Правда, к власти он идет не сам по себе, сколько в лице своего Генерального секретаря...»¹ Откуда проистекает впечатление о всевластии сталинского Секретариата, о котором в один голос твердят и современники тех событий и историки?

Все очень просто объясняется, если вспомнить, кто возглавлял Секретариат до 3 апреля 1922 года. Секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК Вячеслав Михайлович Молотов. А кого Пленум ЦК избрал ему в преемники? Генерального секретаря ЦК, члена Политбюро ЦК Иосифа Виссарионовича Сталина. Вот и вся разгадка феномена! Пока Секретариатом командовал человек, участвующий в заседаниях Политбюро с правом совещательного голоса, тот не имел никакого политического значения. Стоило Секретариату перейти под управление лица, наряду с другими шестью коллегами управляющему страной, политическое значение сразу же появилось.

Ленин прекрасно понимал основной изъян своей системы «коллективного руководства», который может проявиться в том случае, если он вынужден будет отойти от дел по состоянию здоровья. Изъян этот — неминуемая схватка вождей в борьбе за лидерство в Политбюро. Тенденцию к такому исходу он уже уловил, поскольку складывающийся альянс «тройки» (Каменев, Зиновьев, Сталин) был направлен против Троцкого, которому Ильич безусловно доверял и в том же «Письме к съезду» дал такую характеристику: «Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Именно в двух этих фигурах (Сталин и Троцкий) В.И. Ленин «предугадал» возможность раскола, губительного для стра-

---

¹ Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 2002. С. 76.

ны: «Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

О «качествах» Троцкого в письме сказано, а вот какие отрицательные качества Сталина имел в виду Ленин? Пассаж о «необъятной власти» генсека был явно натянутым. Ленин брал делегатов съезда на испуг. Но те могли и не испугаться, и тогда претензии к Сталину превратились бы в пустой звук. Спустя десять дней Ленин диктует «добавление» к «письму», в котором дает краткую характеристику вождям партии (Каме-неву, Зиновьеву, Троцкому, Сталину, Бухарину, Пятакову), где привел более «объективное обоснование» для отставки Сталина: «...Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом. Именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»¹.

Характерно, что вождь упорно муссирует слово «мелочь», чем с головой выдает себя: уж не «мелочится» ли он сам? Попробуем разобраться. Напирая на это слово, он явно чувствует слабость своей аргументации, оправдывающей требование о выводе Сталина из состава Политбюро. Поэтому он не рискнул без обиняков продиктовать свой вердикт: предлагаю исключить Кобу из Политбюро. Он рассчитывает на свой непререкаемый авторитет, на послушание избранных съездом членов ЦК (прежде всего новичков из рабочей среды), которые непременно сообразят, что персоне, осужденной са-

---

¹ В.И. Ленин. ПСС. М., 1964. Т. 45 С. 343—346, 389, 474.

мим «Стариком», не место в высшем исполнительном органе. А изгнание с властного Олимпа одного из двух соперников — единственный способ предотвратить грядущий раскол.

Не слабоваты ли аргументы вождя для столь радикальной расправы со своим ближайшим соратником, которому еще полгода тому назад он мог поручить выполнение столь деликатной просьбы, как привести ему яд с целью ухода из жизни, если его разобьет паралич? Мало того, за время болезни вождя Сталин чаще других соратников навещал его, выполняя поручение Политбюро — постараться оградить больного от излишних волнений и забот. Только в июле и августе 1923 года Сталин побывал в Горках 8 раз, реализуя, прежде всего, свою задумку — выдвинуться в первые конфиденты «Старика» или, по крайней мере, сравняться по влиянию на него с Львом Борисовичем Каменевым. На исходе августа план-минимум оказался выполненным. Ленину понравилось общаться с «чудесным грузином». Он не без удовольствия выслушивал его пусть грубоватые и резковатые, но точные, емкие и по сути вопроса верные оценки, замечания и предложения. Чувство меры в споре, пунктуальность и педантичность московского гостя также выглядели привлекательно. Короче говоря, если весной у Ильича был «любимчик» Каменев, то к осени «любимчиков» стало уже двое — Каменев и Сталин.

И вдруг такая резкая перемена в отношении к Сталину, с чего бы это? Совершенно очевидно, что давая своему новому «любимчику» столь убийственную характеристику, Ленин руководствовался не государственными интересами, в нем возобладал простой обыватель, смертельно обидевшийся на человека, оскорбившего его супругу — Надежду Константиновну Крупскую.

Здесь требуется несколько отступить назад и напомнить о разыгравшейся интриге, связанной с отношением членов Политбюро к проблеме внешнеэкономической деятельности России, вошедшей в историю под названием «монополия внешней торговли».

А дело происходило следующим образом. На Пленуме ЦК, проходившем 6 октября 1922 года в отсутствие В.И. Ленина, было принято решение о некоторых послаблениях в

отношении монополии внешней торговли путем поручения СТО (Совет Труда и Оборона, возглавляемый Л.Б. Камневым) «...провести ряд отдельных постановлений ...о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам... Для наблюдения за выработкой в СТО в течение ближайших двух недель списка портов, границ и товаров, как для ввоза, так и для вывоза, создать комиссию в составе т.т. Сокольникова, Богданова, Фрумкина, Пятакова и Лежавы с обязательным привлечением представителя НКВД (Народный Комиссариат Иностранных дел. — А.К.)»¹.

В этом распоряжении практически не фигурирует Наркомвнешторг, если не считать упоминание Фрумкина (замнаркома Красина) в составе комиссии, призванной контролировать реализацию серьезной реформы внешнеторговой деятельности России. Нарком Красин усмотрел в этом решении ЦК действие, серьезно «...угрожающее коренным изменениям экономической жизни Республики и... отменяющее один из основных законов Советской Конституции». И за разъяснением ситуации немедленно апеллировал к Предсовнаркому, зная о том, что Ленин не участвовал в работе Пленума 6 октября. 11 октября он добивается встречи с Лениным, который «...признал положение очень серьезным»: «Надо действовать!» «С этого момента я понял, что монополия внешней торговли спасена», — вспоминал позднее герой назревавшего скандала»². Скандал разразился, и не шуточный. В.И. Ленин буквально метал громы и молнии, потребовал отстранить на два месяца исполнение этого решения ЦК до очередного Пленума ЦК, на котором он обязался присутствовать лично. Однако случилось непредвиденное обстоятельство, не позволившее Ленину присутствовать на очередном Пленуме ЦК, назначенном на 18 декабря, поскольку в ночь с 12 на 13 декабря его разбивает паралич. В то же время Ленин сумел предварительно провести большую работу по отстаиванию своей точ-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 84, л. 1. Цит. по: К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923—1953). М., 2006. С. 23.

² Там же. С. 24.

ки зрения на монополию внешней торговли, поручив Троцкому отстоять эту точку зрения на Пленуме.

Троцкий блестяще справился с задачей, и 18 декабря Пленум единодушно одобрил резолюцию о монополии внешней торговли в ленинском варианте. Однако Ленину стало известно о том, что «тройка», формально согласившись, с позицией вождя, готовилась совершить на Пленуме отвлекающий маневр. А именно, триумвират намеревался пойти на хитрость: добиться новой отсрочки на месяц или даже на два, сославшись на болезнь и повышенный интерес Ильича к обсуждаемой проблеме. Уповали они на явно прогрессирующий недуг вождя, который вот-вот нейтрализует активность лидера партии и тем самым избавит прочих членов Политбюро от его навязчивой опеки.

Ленин был шокирован, узнав об этом явном предательстве со стороны триумvirата. Если они не постеснялись вести подковерную борьбу сейчас, то им ничто не помешает возобновить ее позднее и взять реванш на партсъезде. Болезнь Ленина лишь сыграет им на руку, а значит, нужно предотвратить эту потенциальную угрозу. Как это сделать в условиях строжайшей изоляции Ленина от внешнего мира, в связи с обострением болезни? При чем контроль за соблюдением этого режима Политбюро поручило Сталину, который охотно взялся исполнять это поручение, памятуя при этом, что нужно предотвратить какие-либо шаги вождя по дезавуированию замысла триумvirата, отыгаться за свое поражение на предстоящем XII съезде партии.

Ленин нашел выход из этого положения, призвав на помощь Надежду Константиновну, которая 21 декабря напишет записку на имя Троцкого следующего содержания:

«Лев Давидович! Проф. Ферстер (лечащий врач В.И. Ленина. — А.К.) разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам:

«Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении мо-

нополии внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции ...В.И. просит также позвонить ему ответ. Н.К. Ульянова»¹.

Троцкий просьбу Ленина исполнил, но оригинальным способом. Он позвонил ночью Л.Б. Каменеву с тем, чтобы в повестку дня предстоящего съезда Советов включить его доклад на фракции съезда. А поскольку комиссию ЦК по проведению съезда Советов возглавлял Сталин, то ему уже на следующий день стало известно о «нарушителе спокойствия» В.И. Ленина. Сталина не смутило, что «блокаду» Ильича прорвала его жена, и он тотчас набрал номер телефона кремлевской квартиры Ульяновых и попросил позвать к аппарату Надежду Константиновну. В состоявшемся телефонном разговоре Сталин в довольно грубой форме отчитал Крупскую за самоуправство, напомнив ей о существовании партийной инквизиции — Центральной Контрольной Комиссии.

К.А. Писаренко дал следующую интерпретацию этому бытовому конфликту, возведя его в ранг высокой политики:

«Сталин не со зла нахамил женщине. И нервы тут тоже ни при чем. Это была демонстрация силы. Генсек, осыпая бранью супругу первого большевика, метил не в нее, а в мужа. У члена Политбюро просто иссякло терпение. Ведь с момента припад-ка 13 декабря и особенно после заметного ухудшения 16 числа всем стало ясно, что Старик выдохся и отныне совершенно не способен заниматься управлением страны, четко, быстро и адекватно решать партийные, экономические, международные и прочие вопросы. Хотя надавить на соратников собственным колоссальным авторитетом пока еще мог. Между тем, кто будет спрашивать с больного за те или иные политические промахи и неудачи? Верно, счет предъявят не Ленину, а осиротевшим шести членам Политбюро. Они — подлинное правительство, им и нести ответственность за все. Но как ее нести, если главный пациент республики стремится по-прежнему диктовать партийной элите свою волю? Только с помощью его глухой изоляции от внешнего мира. Сталину — наи-

---

¹ Там же. С. 30.

более твердому большевику — и поручили возвести спасительный заслон.

К сожалению, Владимир Ильич не понял, что 18 декабря 1922 года совсем буднично, без шума и помпы произошла смена главы государства. Торжество абсолютной монополии внешней торговли оказалось лебединой песней Ленина. Он в тот же день распрощался с властью. Жизнь заставила коммунистов найти для Политбюро нового арбитра, и Каменев, как неформальный первый заместитель Ильича в партийном ареопаге и официальный в Совнаркоме и СТО, автоматически превратился в лидера, на мнение которого отныне ориентируется большинство членов ЦК.

Лев Борисович, естественно, не желал, да и не имел права руководить Россией с постоянной оглядкой на рекомендации безнадежно больного кумира. Правда, ему не хватило храбрости честно и откровенно поговорить с Лениным о печальных обстоятельствах, побуждающих партию отстранить вождя от процесса управления. Впрочем, трудно назвать имя того, кто бы на это отважился. В итоге тяжкую миссию невольно исполнил Сталин, выплеснувший на Крупскую раздражение от постигшего триумвират поражения в споре с Красным. Нормально, по-человечески потолковать с Ульяновыми не получилось. Вот и произошло неизбежное столкновение: генсек обругал того, кому не повезло попасть под горячую руку, — Надежду Константиновну. Ну а за бесцеремонной руганью скрывалось то, что никто не осмеливался произнести вслух: «Уважаемый Владимир Ильич, уgomонитесь! Отдыхайте, лечитесь, только не мешайте нам работать! Вы более не можете подменять собой Политбюро!!!»¹

Мог ли предполагать И.В. Сталин, что история сыграет с ним аналогичную злую шутку. Через тридцать с небольшим лет он будет также отстранен своими соратниками от власти, правда, не за год с небольшим, как это они сделали с Лениным, а лишь за несколько часов до смерти 5 марта 1953 года.

Однако ни Крупская, ни Ленин не догадались об истинной причине сталинской выволочки. А посему Надежда Кон-

---

¹ Там же. С. 31-32.

стантиновна на утро 23 декабря пожаловалась на грубияна Каменеву. Нашла кому жаловаться, человеку, который вероятно потирал руки в знак благодарности «грубияну», который выполнил за него самую «грязную работу» по отстранению Ленина от власти. Откуда ей все это было знать, а посему она искала защиты: «Лев Борисович ... Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова. Интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину... О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет ... Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Г.Е. Зиновьеву. — А.К.), как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз... Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности»¹.

Днем того же 23 декабря Надежда Константиновна поведала о скандале мужу, сообщив при этом, что Сталин уже извинился перед ней, и она, простив его за эту выходку, уже помирилась с ним. Но на этом конфликтная ситуация не завершилась. Во-первых, Ленин направил «обидчику» гневное письмо с фактическим ультиматумом о прекращении с ним каких-либо отношений. А во-вторых, он в этот же день ближе к вечеру надиктовал цитируемое выше «Письмо к съезду», где Сталин из «любимчика» и «чудесного грузина» вдруг превращается в грубияна и зловещую фигуру — источник возможного раскола партии: «Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек»².

Предложение Ленина об увеличении членов ЦК чуть ли не до 100 человек объясняется просто — новые члены ЦК, и

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 190—192.

² В.И. Ленин. ПСС. М., 1964. Т. 45. С. 381.

прежде всего, представители рабочих «от станка», единогласно проголосуют за предложения вождя о неизбрании Сталина в Политбюро ЦК РКП(б). Так что единственной причиной резкого «охлаждения» Владимира Ильича к «чудесному грузину» является простая человеческая обида за оскорбление, нанесенное Кобой Надежде Константиновне.

Однако существует иная точка зрения на реакцию Ленина по поводу грубости Сталина: «Сказанное ею (Надеждой Константиновной. — А.К.) подтолкнуло Ленина к размышлениям над причинами конфликта. Помня о том, что Коба недолголюбит Троцкого, вождь решил, что «грубейшую выходку» спровоцировал политический альянс Предсовнаркома с наркомвоенмором. Сопоставив данный факт с вежливостью и предупредительностью грузина летом во время дружеских посиделок на свежем воздухе в Горках, Ильич не мог не прийти к логическому выводу: Сталин лелеет далеко идущие честолюбивые планы; своим соперником считает второго по популярности человека в стране — Троцкого; одолеть конкурента надеялся при поддержке Ленина, но размежевание с желаемым союзником вследствие борьбы вокруг Внешторга испортило генсеку всю игру; отсюда — нервный срыв и обструкция «Н.К.».

Из первого заключения закономерно вытекало второе: партию ожидает поединок двух видных большевиков за власть; угрозу внутреннего раздора нужно немедленно предотвратить, и спасти РКП от беды по силам только Ленину»¹.

Даже если принять за истину вышеприведенную точку зрения на возникший конфликт в отношениях между Лениным и Сталиным, то в любом случае нужно признать за истину и то, что Владимир Ильич глубоко заблуждался, увидев опасность раскола, по линии Сталин — Троцкий. Заблуждаются и те историки, которые с большим вдохновением описывают борьбу Сталина с Троцким и, судя по всему, не догадываются, что будущий генералиссимус всерьез никогда не считал Троцкого врагом номер один.

---

¹ К. Писаренко. Указанное сочинение. С. 32—33.

Троцкий для Сталина был только удобным инструментом, с помощью которого генсек намеревался сокрушить истинного соперника, взошедшего на властный Олимп после отрешения от власти Ленина. В отличие от нынешних политологов и политэкспертов, товарищ Сталин хорошо разбирался в том, каким образом функционирует структура, скрытая под приятным для слуха слоганом «коллективное руководство».

Итак, что же собой представляет ленинская система «коллективного руководства»? На этот вопрос мы постараемся ответить ниже, а здесь ответим на другой вопрос: какова судьба знаменитого ленинского «завещания», т.е. «Письма к съезду», которое намечалось обнародовать весной 1923 года на XII съезде РКП(б)? Однако этого не произошло, и вот по какой причине. В конце декабря 1922 года по оплошности, допущенной Л.А. Фотиевой, о первой части письма стало известно практически всем членам Политбюро за исключением Зиновьева, который 21 декабря отбыл в отпуск и лечился в Сухуми. Зато именно ему в апреле 1923 года, накануне съезда, Надежда Константиновна «по дружбе» позволила ознакомиться со всем текстом ленинского «завещания». Зиновьев раскрыл секрет Каменеву и Бухарину. Хорошо понимая, какие причины побудили Сталина наглубить Крупской, коллеги генсека по Политбюро не восприняли всерьез пророчества Старика, и в принципе правильно сделали, поскольку никакой раскол по линии Сталин — Троцкий партии не грозил. Опасность для нее, равно как и в целом для страны, таилась в другом, и эту опасность ни Ленин, ни члены Политбюро предотвратить были не в силах.

Сталин о существовании «завещания» Ленина узнал лишь в августе 1923 года.

Глава 2

СУЩНОСТЬ И СКРЫТЫЕ УГРОЗЫ ЛЕНИНСКОЙ СИСТЕМЫ «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»

Данная система сложилась в качестве антипода монархии и отличается от последней только тем, что страной вместо одной персоны руководят несколько равных между собой лиц. Возникновение данного советского типа решения государственных проблем обуславливается не чьим-либо капризом или стечением обстоятельств, а полным разочарованием общества в самодержавии по причине неумения или нежелания конкретных августейших, и не только августейших особ управлять народом с учетом его интересов и настроений. Ответная реакция населения вполне естественна — необходимо заменить неэффективную монархическую модель управления коллективным органом. Ведь сообща вершить дела куда сподручнее: каждый свободен в высказывании собственного мнения, критике чужого и не утверждению целиком или отчасти ошибочных инициатив товарищей. Совет опытных администраторов как фильтр гораздо меньше пропустит через себя плохо продуманных проектов постановлений, чем любой монарх-умница, не говоря уже о бестолковом эгоисте.

Посыл, безусловно, верный, однако, увы, неприемлемый на практике из-за фактора времени. Оно стремительно летит, и поспеть за ним, пусть и не без оплошностей, по плечу лишь одному человеку — монарху. Здесь под словом «монарх», понимается не только некий венценосный правитель государства, как-то царь, король, шах и т.д., а единовластный руководитель (правитель) в более широком смысле, напри-

мер, президент, глава государства, глава правительства и т.п., избираемый совершенно демократическим путем всенародно и на определенный срок. Антипод монарха — многоголовый Совет — по самой природе обречен на безнадежное оставание. Конечно, коллегиальный орган, состоящий из талантливых представителей элиты общества, способен найти самый лучший выход из десяти затруднительных положений. Зато сто других «тупиков» так и останутся не рассмотренными из-за дефицита времени. И чем дальше, тем больше накопится «хвостов», усиливая в геометрической прогрессии всеобщее раздражение и недовольство медлительностью собрания советников. Хочешь не хочешь, а придется подражать единоличному властителю, который за час санкционирует столько распоряжений (более или менее удачных, но изученных и получивших санкцию), сколько членам консилиума не обсудить и за сутки.

Признание кого-либо из своих рядов неформальным лидером, чей голос в прениях, особенно затянувшихся, превращается в решающий, ускоряет работу Совета. Правда, до оптимального уровня ей не дотянуться никогда. К тому же к прежнему изъяну — волоките — прибавится новый — угроза скрытого или явного соперничества советников за пальму первенства: статус неофициального арбитра ведь нигде никак не прописан и не узаконен. Посему имя главы Совета в зависимости от колебаний сиюминутных симпатий и антипатий большинства может меняться сколько угодно раз, хоть ежечасно. В итоге высший орган власти, скованный взаимной подозрительностью «сопредседателей» и их длительными дебатами, утратит всякую мобильность, да и авторитет — персональный — тоже.

Рассмотрим процесс принятия государственных решений коллегиальными органами ЦК РКП(б): Политбюро, Оргбюро и Секретариата — этими тремя ленинскими «коллективными руководителями». Между прочим, впоследствии, уже по инициативе Сталина, была создана четвертая коллегиальная структура, так называемое «Совещание заведомыми ЦК РКП(б)». Зачем Сталину — непримиримому борцу с феноме-

ном «коллективного руководителя», потребовалось создание еще одного подобного монстра, выясним немного позже.

Итак, заседания Политбюро обычно проводятся по четвергам еженедельно и по понедельникам раз в две недели с 12.00 до 16.00, максимум до 18.00. Как правило, раз в неделю около 19.00 собирается Оргбюро. В тот же час и с той же регулярностью заседает Секретариат. Как вы полагаете, много вопросов успевают проработать семь членов Политбюро за четыре-шесть часов? Пятнадцать — двадцать пять от силы. За тридцать, тем более сорок список зашкаливает редко. И, понятно, лучше всего на свежую голову решаются пункты, возглавляющие повестку дня. А чем дальше очередь, тем реже уставшие члены ареопага дискутируют, тем чаще голосуют за любую более или менее приемлемую формулировку. Вот почему у Г.В. Чичерина, М.М. Литвинова и Л.М. Карахана (наркома и замнаркомов НКВД) — привилегия являться в зал Совнаркома одновременно с «коллективным руководством». Иные наркомы и чиновники вынуждены ожидать вызова в приемной

Отчего товарищи Каменев, Зиновьев, Сталин, Троцкий, Рыков, Томский, Бухарин, Калинин, Рудзутак и Молотов не могут видаться ежедневно, не секрет. У каждого есть дополнительная нагрузка. Каменев с утра до вечера пропадает в СТО, СНК или Моссовете. Зиновьев разрывается между Москвой и Петроградом (Коминтерном и Петросоветом). У Сталина, Рудзутака и Молотова полно дел на Воздвиженке, 5 (в аппарате ЦК). По соседству, на углу Воздвиженки и Моховой, в помещениях ВЦИКа общается с посетителями Калинин. Поблизости, на Знаменке, 23 Реввоенсоветом и Военно-морским наркоматом командует Троцкий. Рыков страхует в Совнаркоме и СТО вечно занятого Каменева. Томский увлечен профсоюзной работой во Дворце Труда на Солянке, 12. Бухарин помогает Зиновьеву в Коминтерне и заведует центральным печатным органом партии «Правдой». Чтобы состыковаться на полдня хотя бы четверке вождей (таков кворум), нужно еще договориться друг с другом, выкроить «окошко» в перенасыщенном совещаниями, выступлениями и встречами рабочем графике, про-

бежать глазами по материалам, подготовленным к заседанию, и, по крайней мере, не захворать в условленный день¹.

Согласимся, что ситуации патовая. Проблемы, которым требуется санкция высшей государственной инстанции — Политбюро, — растут, как снежный ком. Однако «коллективный руководитель» функционирует не более шести-восьми раз в месяц, сорок-пятьдесят часов из примерно пятисот возможных (за вычетом 240 часов необходимых человеку на сон), которыми располагают в течение того же месяца. Монарх, даже за трапезой или слегка приболев, в состоянии подумать и принять решение по тому или иному неотложному вопросу.

Таким образом, десятикратное преимущество во времени заранее гарантирует единоличному властителю победу в соревновании с властителем коллективным. И никакие ухищрения не способны помочь аутсайдеру нагнать лидера. Между прочим, без этих ухищрений не обойтись, поскольку они могут существенно сгладить главное противоречие (временной цейтнот) и обеспечить пусть относительную, но некую стабильность процессу коллективного управления.

Ухищрение первое — телефон. 3 февраля 1922 года Политбюро распорядилось членов руководящей пятерки опрашивать по телефону с трех до четырех часов дня, предварительно разослав им для прочтения «голосуемые предложения». Результаты голосования опросом по телефону секретарь ЦК вносил в протокол следующего заседания Политбюро.

Ухищрение второе — курьер. Нарочный с проектом документа на руках за два-три часа обегал всех членов Политбюро и возвращался с резолюцией каждого на нем, после чего секретарь ЦК оформлял голосование «вкруговую», как решение Политбюро, и вносил его в протокол ближайшего заседания ареопага.

Ухищрение третье — делегирование полномочий Политбюро нижестоящим структурам, каковыми были Оргбюро и

---

¹ Политбюро ЦК РКП(б). Повестки дня заседаний. М., 2000. Т. 1. С. 215—225 (май-июнь 1923 г).

Секретариат. Именно эта уловка и позволяла неуклюжей системе «коллективного руководства» держаться на плаву. Под расплывчатую «организационную» сферу компетенции обоих инстанций подвели ряд важнейших «политических» вопросов в первую очередь кадровые и финансовые. На Секретариат возложили основную задачу подбора кандидатур на ответственные посты; оценки смет (например, по резервному фонду СНК), циркуляров (например, об интегрировании кооперативов) и разного рода административных инициатив (например, преобразование области Коми в автономную республику). Малозначимые пункты повестки Секретариат решал самостоятельно, отсылая прочие на одобрение Оргбюро, которое имело право распоряжаться судьбой статей средней значимости, в том числе определять, кому в каком непромышленном губкоме по рекомендации ЦК секретарствовать или в какой стране быть консулом. Главных партийных аппаратчиков национальных ЦК, областных Бюро ЦК, ключевых региональных (промышленных) губкомов (Московского, Петроградского, Нижегородского и т.д.), коллегии наркоматов, редакции газет, полпредов, советников и секретарей в заграничных миссиях и иных высших чиновников утверждало Политбюро. Контроль за «правильностью» разрешения второстепенных проблем члены Политбюро осуществляли посредством знакомства с протоколами Оргбюро и Секретариата. Если что-то не нравилось, накладывалось вето, после чего вердикт, не удовлетворивший кого-то, пересматривался. Однако и этот громоздкий трехступенчатый механизм управления не поспевал за жизнью, часто буксуя (по многим вопросам формировались комиссии) и теряя много времени на трехкратных апробациях одних и тех же постановлений¹.

Похоже, что первым, кто осознал, насколько опасно для будущего Республики сохранение подобного стиля руководства, был генеральный секретарь ЦК РКП(б). Сталин участвовал в заседаниях всех трех коллегиальных органов. На его глазах проблемы обсуждались, нередко впусую, не раз и не

---

¹ РГАСПИ, Ф. 17, оп. 112, дл. 444—451 (протоколы заседаний Оргбюро и Секретариата за май 1923 г.).

два то в Секретариате, то на Оргбюро, и наконец, в Политбюро. Случались и отсрочки по разным причинам или топтания на месте, когда комиссии затягивали с внесением предложений. При таком неповоротливом режиме власти государство неминуемо рано или поздно свалится в хаос и новую смуту, либо агрессия извне (при отсутствии яркого, объединяющего людей вождя, «второго Ленина»), либо стихийное возмущение изнутри в клочья разнесут не только систему «коллективного руководства», но и само государство (что, в конце концов и случилось в начале трагических 90-х годов XX столетия). Но попробуй укажи соратникам на коренной изъян советско-партийной управленческой системы — демократизм — и необходимость реставрации официально узаконенного единоначалия! Тебя мигом обвинят в бонапартизме и снимут с должности, оставив все, как есть. Что же делать? Ничего. Ждать, пока партийные и народные массы не поймут, по краю какой пропасти разгуливают. Правда, прозрение может наступить слишком поздно — в момент военной или революционной катастрофы.

Впрочем, один фантастический выход имеется: Сталину надо, во-первых, завоевать большинство в Политбюро, сместив Каменева; во-вторых, подмять под себя Политбюро, ЦК и саму партию, превратив детище Ленина в покорную безропотную машину; в-третьих, провести через эту укрощенную «машину» конституционную реформу и реформу избирательной системы, чтобы затем, с помощью выборов, передать власть из коллегиальной партийной структуры (Политбюро) официальному главе государства — Председателю правительства или Президенту (Председателю Президиума Верховного Совета (ВЦИК) и т.п.), с четко прописанными в основном законе полномочиями и сроками их исполнения. При этом реализация столь фантастического плана должна идти под благозвучными коммунистическими лозунгами.

Этому фантастическому плану, замышленному Сталиным еще при жизни В.И. Ленина и впервые «озвученному», правда, в весьма своеобразной форме — в виде клятвы у гроба усопшего вождя, к сожалению, не суждено было осуществ-

виться в полном объеме. Но согласитесь, что-то до боли знакомое где-то осуществилось? Правильно, в Китае.

Такова идеальная перспектива, которую Сталин шаг за шагом начнет воплощать в жизнь. Но пока до воплощения этой мечты в жизнь очень далеко, генсек старается найти некие рычаги, чтобы снизить давление на перегруженное делами Политбюро. Уже 24 апреля 1922 года Оргбюро разрешает «единственные постановления Секретариата, не опротестованные в течение 24 часов с момента вручения протокола заседания Секретариата ни одним из членов Оргбюро, считать постановлением Оргбюро», о чем и уведомлять заинтересованных лиц.

К сожалению, данная мера оказалась не очень эффективной, и тогда 16 июня 1922 года Сталин реорганизует трехступенчатую модель управления в четырехступенчатую:

«Протокол №30

Заседания Секретариата ЦК РКП от 16/VI-22 года.

§ 50. О работе Секретариата ЦК (т. Сталин).

1. Перенести день приема т. Сталина с[о] вторника на понедельник, а т. Куйбышева с понедельника на вторник.

2. В отмену прежнего постановления назначать заседания Секретариата ЦК раз в неделю по пятницам в 7 час[ов] вечера.

3. Для разгрузки повестки дня заседания Секретариата и Оргбюро от вопросов мелкого, текущего характера установить при Секретариате постоянное совещание ведущих отделами ЦК под председательством секретаря ЦК РКП т. Куйбышева. (Выделено мной. — А.К.).

4. Совещание просматривает все вопросы, поступающие для внесения в Оргбюро или Секретариат ЦК, определяет, какие из них и куда (Оргбюро или Секретариат) должны быть внесены, и подготавливает материал к вносимым в Оргбюро или Секретариат вопросам.

5. Вопросы мелкого, текущего характера, в отношении которых в совещании не возникает разногласий, решаются совещанием и при единогласии решения совещания счита-

ются постановлениями Секретариата, и как таковые заносятся в протоколы Секретариата.

б. Заседания совещания назначить 1 раз в неделю по вторникам».

Совещания завотделами начинались также около семи часов вечера. Участвовали в них заведующие или замы заведующих Бюро Секретариата (т.т. Назаретян и Товстуха), Организационного отдела (т.т. Каганович и Охлопков), Агитационно-пропагандистского (т.т. Бубнов и Яковлев), Учредительно-распределительного (т.т. Сырцов и Кнорин), Управления делами ЦК (т.т. Ксенофонтов и Поскребышев, Савин), отдела Работниц (т.т. Смидович и Мойрова), Статистического (т.т. Струмилин и Смиттен), Сметно-финансового (т.т. Раскин и Донсков), Истории партии (т.т. Ольминский и Лепешинский). Те же «завы» и «замзавы» отделов регулярно посещали заседания Секретариата и Оргбюро (с 28 сентября 1923 года в обязательном порядке). Вот Сталин и воспользовался тем обстоятельством, что персоны, руководившие отделами ЦК, своими консультациями содействовали более эффективной работе трех секретарей. Генсек подумал: почему бы тому же аппаратному ядру не позволить санкционировать единогласно что-то из мелочевки, тем самым увеличивая число принятых Секретариатом решений?! Идея Молотову и Куйбышеву понравилась, и в результате завотделами ЦК обрели соответствующее право»¹.

«Производительность труда» государственной машины по принятию жизненно необходимых решений значительно возросла, но естественно, вышеприведенные проблемы этим не могли быть решены окончательно. Теперь уже четыре партийных «двигателя» советской власти трудились «в поте лица», едва поспевая за событиями и частенько дублируя друг друга. Вынужденная процедура прохождения многих инициатив и предложений через три «вспомогательных» фильтра у стороннего наблюдателя порождало иллюзию аппаратного все-

---

¹ Цит. по: К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923—1953). М., 2006. С. 59—60.

могущества, которую усиливало «кураторство» над ними одного из членов Политбюро — Сталина! У кое-кого могло возникнуть опасение, что генсек намерен потихоньку перевести центр власти из Политбюро в «подшефные» ему структуры. А раз могло возникнуть, то оно и возникло ... у товарища Зиновьева, который после Каменева был на втором месте по рейтингу популярности среди членов ЦК.

Опасаясь, что Сталин «перехватит» его рейтинг и выдвинется на первые роли в Политбюро, пока только после Каменева, Зиновьев предложил несколько «укоротить» аппетиты Кобы следующим образом. С одной стороны, он предложил усилить политически роль Секретариата путем введения в его состав двух членов Политбюро (Зиновьева и Троцкого) и кандидата в члены Политбюро Бухарина, с другой стороны, ликвидировать Оргбюро. Этим самым политические возможности Сталина будут значительно «урезаны», чего и добивался глава Коминтерна.

Никто не уловил опасности в инициативе главы Коминтерна. Только Сталин сообразил, что ликвидация Оргбюро немедленно увеличит нагрузку на Политбюро и Секретариат, которые и без того едва успевали принимать срочные решения, постоянно откладывая неспешные. И, несомненно, зиновьевское желание «сделать как лучше» поставило бы обе структуры перед риском полной утраты дееспособности. Но сказать об этом соратникам Иосиф Виссарионович не мог, ибо произнесение: а) «сообща мы не в силах угнаться за временем» — неминуемо вынуждало огласить и б) «необходимо вернуться к единовластию», к чему ни партия, ни страна, еще не позабывшие самодурства Николая II, не были готовы. Оттого Сталин парировал проект коллеги не возражением по существу, а окольным путем, сведя дискуссию к дилемме персонального доверия или недоверия генеральному секретарю ЦК.

Сталина поддержал Каменев, который, не в пример Зиновьеву, мыслил глубже и смотрел дальше. Уже при первом же знакомстве с «проектом Зиновьева» он указал, что этот план представляется ему сомнительным, ибо подобный состав Секретариата (Сталин, Зиновьев, Троцкий) обозначал бы

фактически ликвидацию Политбюро. То есть, Льва Борисовича не могла обрадовать затея, умалявшая политическую роль Политбюро, а значит и самого Каменева, который пока лидировал в нем. В итоге Сталин и Каменев дали дружный отпор членам ЦК, которые подпали под влияние инициативы Зиновьева и обеспечили сохранение статус-кво системы «коллективного руководства». При этом Сталин закономерно выдвинулся на второе место после Каменева по рейтингу влияния, как на других членов Политбюро, так и ЦК в целом. Этот эпизод еще раз доказал, что система «коллективного руководства», как кислород для жизни организма, нуждается в харизматическом лидере.

Болезнь, а затем и смерть Ленина лишили Политбюро авторитетного лидера, одно слово которого — закон для всех, а значит, способного по примеру монарха на свое усмотрение быстро решать любые проблемы, превращая «равноправие» иных членов ареопага в фикцию. Ведь пока Политбюро возглавляет харизматическая фигура, цейтнот времени минимален и почти не ощущаем. Однако стоит кумиру сойти с дистанции, «равноправие» моментально материализуется. Харизмы-то нет ни у кого из прочих членов. Посему без общего собрания, дискуссий и голосований не обойтись. А на это требуется время. Много времени. Процесс управления непременно замедлится, рассмотрение вопросов затормозится или застынет, угроза их стихийного (во вред окружающим) или неверного (от спешки) разрешения возрастет (это уже будут ошибки объективные, неизбежные).

Компенсировать отсутствие монарха или харизматической персоны в какой-то степени может наличие нескольких вспомогательных коллегиальных органов, оттягивающих на себя часть забот высшей инстанции. Чем больше филиалов, образованных законным путем, тем прочнее хрупкая стабильность всей системы. Но повторимся: она не вечна, и рано или поздно под воздействием революции или войны коллегиальная система рухнет, как карточный домик, и похоронит под собой любое государство, невзирая на строй, — и капиталистическое, и социалистическое, и всякое другое. Правда, появившись вовремя в «коллективном руководстве» очередной

непререкаемый авторитет, и «советская» власть опять обретет под ногами твердую почву. На срок не больший, чем продлился его правление.

Летом 1923 года российская компартия харизматической особы не имела, возвращаться к монархии не желала, вследствие чего предохраняла ее, а заодно и страну от скоротечного срыва в пропасть исключительно сеть коллегий, важнейшими из которых были Политбюро, Оргбюро, Секретариат, Совещание заведомыми ЦК и СТО, распутывавшие экономические и хозяйственные «узлы». При таком раскладе упразднение Оргбюро — самоубийственно. Вот поэтому Сталин категорически и воспротивился близорукой инициативе т. Зиновьева

К счастью, генсек с помощью Каменева сумел отстоять Оргбюро от недальновидных посягательств, и, в конце концов, все сошлись на разумном компромиссе: Оргбюро не разгонять, но пополнить Троцким и Зиновьевым в качестве членов, а Бухарина ввести туда в ранге кандидата. Пленум ЦК санкционировал данный вариант 25 сентября 1923 года.

Сталин первым отметил, что в партийных кругах частенько фигурирует слоган «диктатура партии» и что это не только искажение одного из основных догматов марксизма, но и чревато серьезными последствиями. Так, выступая, перед секретарями уездных комитетов, командированных в Москву на партучебу, 17 июня 1924 года с разъяснением итогов XIII съезда РКП(б), состоявшегося 23 мая в Москве, он обратил внимание на снижение теоретического уровня партийцев и, в частности, сказал:

«Нередко говорят, что у нас «диктатура партии». Я говорю, за диктатуру партии. Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется даже в резолюции XII съезда, было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру. Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не класса. Но это же чепуха, товарищи. Если это верно, то тогда неправ Ленин, учивший нас, что советы осуществляют диктатуру, а партия руководит советами. Тогда неправ Ленин, говоривший о диктатуре пролетариата и не [го-

воривший] о диктатуре партии. Если это верно, тогда не нужно Советов, тогда нечего было говорить Ленину на XI съезде о необходимости **«размежевания партийных и советских органов»**. Но откуда и почему проникла эта чепуха в партийную среду? От увлечения «партийностью», которое приносит больше всего вреда именно партийности без кавычек, от беззаботности на счет вопросов теории, от отсутствия привычки продумать лозунги раньше, чем они пущены в ход, ибо стоит на минуту подумать, чтобы понять всю несообразность подмены диктатуры класса диктатурой партии. Нужно ли доказывать, что эта несообразность способна породить в партии путаницу и неразбериху?»¹

Отметим, что в этом выступлении Сталин меньше всего хотел уличить партийную элиту в слабой теоретической подготовке. Если внимательно вчитаться в эти строки, то можно уловить, что генсек «подправляет» самого Ленина, который в данном конкретном случае противоречил сам себе. С одной стороны: «...Советы осуществляют диктатуру, а партия руководит Советами». То есть истинным диктатором и является как раз партия, которая «...руководит Советами». То есть, о «диктатуре партии» впервые высказался Ленин. Но на XI съезде партии Ильич, осознав свою ошибку, решительно заявил о необходимости «размежевания партийных и советских органов». Вот на эту самопоправку Ленина и обратил внимание Сталин, будучи решительным сторонником такого размежевания, за что он боролся всю свою оставшуюся жизнь, так и не решив до конца эту проблему. Результат известен — канули в Лету и партия, и Советы.

19 июня Бухарин, будучи шеф-редактором центрального органа партии, по просьбе Сталина опубликовал в «Правде» на второй и третьей полосах газеты первую половину доклада генсека с его «ревизионистскими» подходами к вопросам марксистско-ленинской теории, что вызвало резкий протест со стороны сначала Каменева, а затем и Зиновьева. С этого момента началась позиционная война между двумя лидерами Политбюро за первенство, закончившаяся, в ко-

---

¹ Там же. С. 127—128.

нечном итоге, «сокрушительной» победой Сталина 6 января 1925 года. Именно этот день вошел в историю партии и страны, как день восхождения на политический Олимп «второго Ленина». Однако рассмотрим все по порядку.

Каменев и Зиновьев с «примкнувшим» к ним Сталиным повели атаку на Троцкого еще при живом Ленине. С уходом вождя из жизни эта атака усилилась, приняла системный характер, но... только со стороны «Каменюги» и «Григория». Сталин сообразил, что в этой борьбе можно «использовать» Троцкого в качестве оружия против дуумвирата, в котором таилась истинная угроза раскола в Политбюро. Сменив тактику борьбы, он выиграл потом стратегически, предотвратив не только раскол, но на долгие годы исключил его принципиальную возможность, став «монархом».

Выход Сталина из «триумvirата» и его усилия по предупреждению раскола в связи с непрекращающимися нападениями «дуумвирата» уже на самого Сталина имели неожиданные последствия, поскольку Коба предпринял решительный, но опасный своими последствиями шаг, заявив об уходе со всех постов, которые он занимал.

Такая реакция Сталина последовала сразу же после состоявшегося «товарищеского суда» над ним 18 августа 1924 года в ходе работы Пленума ЦК 15—19 августа. «Товарищеский суд», состоявшийся по инициативе Каменева при поддержке Зиновьева, единодушно осудил Сталина за его июньский экспромт, хотя до оргвыводов дело не дошло.

На следующее утро Сталин направил участникам Пленума письмо следующего содержания:

«В Пленум ЦК РКП

Полуторагодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу (в подлиннике зачеркнуто — «освободить меня». — *К. П.*) считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген[еральным] секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока отпуска прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком[мунистическим] прив[етом] И. Сталин.

19/VIII 24 г.

Т. Куйбышев! Я обращаюсь к Вам с этим письмом, а не[к] секретарям ЦК потому, что, во-первых, в этом, так сказать, конфликтном деле я не мог обойти ЦКК; во-вторых, секретари не знакомы с обстоятельствами дела, и не хотел я их зря тревожить»¹.

Как видим, Сталин не просто угрожает отставкой с должности генерального секретаря, о чем говорится во всех учебниках истории того периода, а заявляет о снятии с себя полномочий члена Политбюро. Безусловно, что причина столь решительного демарша Сталина кроется не в обиде за вынесенное ему порицание, это, скорее всего, лишь послужило поводом. Судя по тону письма «дуумвират» здорово «достал» генсека и он решил действительно уйти из Политбюро, видя всю беспомощность своих усилий по предотвращению грозящей катастрофы.

Иосиф Виссарионович уклонился от объяснений истинных причин своего демарша — умные поймут, а для помешавшихся на «коллегиальности» — это крик вопиющего в пустыне. Как им иначе растолковать, что восхваляемый ими

---

¹ Там же. С. 137.

принцип рано или поздно приведет к гибели Республики, что попытки расправиться с Троцким — опасны, ибо способны резко приблизить момент катастрофы? Ведь не поверят, пока гром не грянет... Между тем Сталин устал в одиночку бороться с проклятой системой. Неизвестно, какой зигзаг сделала бы история России, если бы Пленум ЦК удовлетворил просьбу Сталина, которому в таком случае уже никогда не стать «Монархом», диктатором, который спас Россию на, без малого, целых тридцать лет от катастрофы, по своим последствиям куда более грозной, чем трагедия 37-го года.

Благодаря усилиям Куйбышева, Орджоникидзе, Ворошилова и Рудзутака удалось убедить Сталина в пагубности для судеб страны его столь мужественного, честного, но, тем не менее, опрометчивого шага. Опрометчивого, потому, что летом 1924 года из всех «выдающихся вождей» РКП(б) лишь Сталин обладал политическим талантом, необходимым для успешного противодействия надвигавшемуся краху советской власти. И спасибо четверке медиаторов, сумевшей в течение 19 августа помирить Кобу с «Григорием» и «Каменюгой»: «товарищеский суд», возобновивший свою работу поздним вечером после очередного заседания Пленума, склонил-таки обе стороны начать движение навстречу друг другу. Зиновьев согласился исключить из статьи «К вопросу о диктатуре пролетариата и диктатуре партии», намеченную к публикации по завершении Пленума, главу «Об ошибке т. Сталина». Генсек, в свою очередь, не настаивал более на собственной отставке.

«Таким образом, на исходе августа 1924 года в коллективном руководстве установился худой мир, обещавший быть продолжительным. Ведь и Каменев, и Зиновьев теперь поостерегутся вновь провоцировать войну с Троцким, имея за спиной независимого Сталина. Троцкий сам без причины на дуэт не нападет, и, кажется, у генсека будет время, чтобы поразмышлять на досуге над тем, как «худой» мир превратить в «вечный» и что делать дальше с неуклюжей сетью коллегий. Ни Сталин, ни Зиновьев, ни Каменев еще не знали, что в ту последнюю августовскую неделю в Москве, в доме № 7 по Никитскому бульвару разыгрывается трагедия, которой вско-

ре суждено опять поднять на дыбы огромную страну и перечеркнуть с таким трудом и такой дорогой ценой добытое 19 августа всеобщее умиротворение»¹.

А случилось вот что. Второго сентября 1924 года, секретарь Предреввоенсовета М. С. Глазман покончил жизнь самоубийством, судя по всему из-за вердикта Московской Контрольной Комиссии, исключившей его на днях из партии якобы за недостойный коммуниста образ жизни, а именно: пользование превышающее норму жилплощадью (в коммунальной квартире) с интерьером бежавшего буржуа, протекцию родственникам, наем прислуги и занятие спекуляцией.

Обвинения — из разряда клеветнических передергиваний завистливых соседей по коммунальной квартире. Партколлегии МКК, конечно, надлежало тщательно разобраться с жалобой жильцов. Однако пролетарии, заседавшие в комиссии, рубанули с плеча, даже не поинтересовавшись анкетой с легендарным революционным прошлым помощника Троцкого и мнением тех, кто подсудимого знал не понаслышке. Сам же Михаил Соломонович из скромности постеснялся хвалиться перед партийным трибуналом чинами и дружбой с членом Политбюро.

Каменев сразу понял, какой будет реакция Наркомвоенмора, отдохавшего в Кисловодске. Троцкий, памятуя о предыдущих провокациях Зиновьева с Каменевым, разумеется, расценит изгнание Глазмана из РКП(б) как продолжение политики давления на «выдающегося вождя» со стороны потерявшего чувство меры дуэта. В феврале неразлучная пара расправилась с первым заместителем Председателя РВС — Склянским. Теперь довела до самоубийства секретаря главы РВС, человека большой «нравственной силы, революционного долга, честности, высшего бескорыстия». И если с увольнением первого Троцкий, скрепя сердце, смирился, то за смерть второго, несомненно, предъявит Политбюро счет. Назревал грандиозный скандал, который Каменев, чувствуя за оппонентом моральную правоту и безусловную поддержку партийного общественного мнения, постарался предотвратить.

---

¹ Там же. С. 139—140.

4 сентября он, Молотов, Дзержинский и Калинин постановили от имени Политбюро:

«а) Признавая ошибкой исключение из партии т. Глазмана, просить ЦКК произвести тщательную проверку этого дела и сообщить на следующем заседании Политбюро.

б) Похоронить т. Глазмана, как члена РКП»¹.

Президиум ЦКК, разобравшись в сути дела, квалифицировал решение партколлегии МКК «совершенно неправильным», а «тов. Глазмана, как члена партии, считать неопороченным». Виновных в драме завистливых жильцов, двух партийных и одного беспартийного, строго наказать (исключить из партии и привлечь к суду за клевету). 11 сентября Политбюро в составе: Каменев, Молотов, Калинин и Дзержинский резолюцию ЦКК приняло к сведению. Однако усилия двух коллегий по предупреждению конфликта Троцкого не удовлетворили. Он требовал полной статисфакции — оргвыводов в отношении бездушных членов МКК и обнародования в прессе всей правды о трагической гибели своего ближайшего товарища. Троцкий лично написал некролог на смерть Глазмана, в котором указал на истинную причину трагедии — верного партии большевика погубила «чудовищная ошибка» судей из партколлегии МКК. Члены редколлегии газеты «Правда», куда была направлена рукопись статьи, обратились в Политбюро за советом: печатать или не печатать, некролог. Высшая инстанция своим решением от 11 сентября статью опубликовать позволила, но «за исключением тех строк, которые могут подать повод к созданию, по мнению Политбюро, толков вокруг признанной уже ЦК и ЦКК ошибки». Таким образом, Каменев предпочел защищать честь мундира. Троцкого, защищавшего честь друга и соратника, позиция тезки возмутила и в Политбюро была направлена гневная телеграмма Троцкого:

«Политбюро признало исключение Глазмана ошибкой. Но партия об этом не знает. Если постановление Политбюро не будет напечатано, то его значение будет равно нулю. Предупредить «толки» можно только гласным наказанием виновных в заведомо преступном исключении Глазмана из партии.

---

¹ Там же. С. 141.

Только этим можно предупредить повторение подобных исключений. Печатать мою статью с умолчанием о причинах самоубийства, значит бросать тень на Глазмана вместо того, чтобы открыто и точно сказать, кто и как довел до самоубийства этого прекрасного партийца, работника и человека. На это я не могу согласиться. Если Политбюро не сочтет возможным пересмотреть свое решение, о чем я ходатайствую, то прошу мою ненапечатанную статью разослать всем членам ЦК и ЦКК с приложением настоящей моей телеграммы. 12/IX/24 Л. Троцкий».

Каменев упрек Предреввоенсовета проигнорировал. 17 сентября члены Политбюро, прибегнув к опросу, санкционировали: «Ввиду телеграммы т. Троцкого от 12/IX с.г. статью не публиковать, разослав ее, согласно просьбе т. Троцкого, всем членам и кандидатам ЦК и ЦКК вместе с его телеграммой»¹.

Коллегиональное большинство равнодушно отмахнулось от проблемы, совершив тем самым непоправимую ошибку, стоившую в конечном итоге Каменеву статуса лидера, а Троцкому кресла Наркомвоенторга. Ограничившись посмертной реабилитацией несправедливо осужденного, Политбюро не стало привлекать к партийной ответственности столичных инквизиторов. Видимо, столь откровенное, хотя и негласное, заступничество за лиц, повинных в смерти Глазмана, и побудило Троцкого дать звонкую пощечину испугавшемуся правды наследнику Ленина.

Тем самым Лев Давыдович совершил свою главную политическую ошибку, которая расчистит Сталину путь наверх, к статусу неформального лидера Политбюро. Впрочем, пенять за нее Троцкому вряд ли стоит. Да, как политик он, конечно же, оплошал. Зато как человек и искренний друг, оказался на высоте.

«Звонкая пощечина» заключалась в следующем:

12 октября 1924 года на четвертой полосе «Правды» читатели обнаружили средних размеров рекламу Госиздата: «Собрание сочинений Л.Д. Троцкого. Вышел из печати т. III, ч. I. 1917. От Февраля до Октября со специальным введением

---

¹ Там же. С. 143.

(3 печатных листа) «Уроки Октября», написанным для данного тома.

Ч. II. От Октября до Бреста выйдет из печати 22 октября».

Особо анонсированное предисловие попало на глаза тому, кому предназначалось, в считанные дни, и эффект произвело тот, который автор, несомненно, и ожидал. Товарищ Каменев разгневался не на шутку. Троцкий за сокрытие от партии малой неприглядной правды отомстил ему публичным напоминанием о неприятной для того правде большой. Увы, попытка замолчать трагедию М.С. Глазмана дорого стоила Льву Борисовичу. «Уроки Октября» довольно убедительно разъясняли и партии, и обществу в целом, что Республику Советов возглавляет человек, отличающийся политической недалекостью, ибо именно Каменев в 1917 году упорно настаивал на легальных методах борьбы за власть, активно сопротивляясь ленинскому курсу на восстание. Не кто-нибудь, а Каменев от Февраля до Октября уверял всех, что не надо рисковать, что авторитет большевиков среди граждан России растет быстрыми темпами и вскоре РСДРП (б), завоевав парламентское большинство, сможет сформировать собственное социалистическое правительство.

То есть, Троцкий «раскрыл глаза» партии и народу на сущность «октябрьского эпизода» Каменева и Зиновьева, которые накануне Октябрьского переворота опубликовали в печати свой взгляд на «вооруженное восстание», выдав, таким образом, сроки его начала. Каменев призрачный политический намек Наркомвоенмора уловил. Мотива же, подтолкнувшего Троцкого на исторический выпад, похоже, не разглядел, хотя Лев Давыдович наверняка не случайно поместил после скандального введения «Два слова об этой книге», где помимо прочего обмолвился: «Особо я хотел бы сказать о громадной работе по подготовке этого тома, как и других моих книг, которую выполнил мой ближайший сотрудник М.С. Глазман. Я дописываю эти строки с чувством величайшей скорби по поводу беспримерно трагической гибели этого прекрасного товарища, работника и человека»¹.

---

¹ Там же. С. 146.

«Уроки Октября», судя по итоговой распечатке книги, начаты 13, закончены 15, «отшлифованы» к 22 сентября 1924 года. Никакой политической цели они, естественно, не преследовали. Троцкий просто отдал дань уважения погибшему другу и предупредил Каменева о факторе, сулящем тому в будущем более крупную неприятность, чем критические стрелы неудобного правдолюбца, — потерю доминирующего положения в Политбюро. А фактор этот — неумение заместителя Ленина правильно оценивать складывающуюся политическую конъюнктуру, точно распознавать, чьи симпатии-антипатии и когда определяют, кому и как долго быть лидером партии и страны. В октябре 1917 года выбор личности, возглавляющей государство, зависел от рабочих окраин и военных частей Петрограда и Москвы. Спустя месяц центр тяжести переместился бы в сотни тысяч российских сел и деревень. Ну а осенью 1924 года правом присваивать почетный титул персоны номер один всецело располагало всего тринадцать особ — семь членов и шесть кандидатов в члены Политбюро: Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, И.В. Сталин, М.П. Томский, Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский, М.И. Калинин, В.М. Молотов, Я.Э. Рудзутак, Г.Я. Сокольников, М.В. Фрунзе.

Еще около ста человек — членов и кандидатов в члены ЦК — обладали полномочиями утверждать или отклонять решения чертовой дюжины. Однако за редким исключением резолюции ЦК неизменно совпадали с вердиктами Политбюро. Так что задача перед Каменевым вроде бы стояла не в пример Ленину нетрудная — постоянно учитывать мнение двенадцати коллег по ареопагу и, опираясь на них, управлять Россией либо пока коллегиальный режим полностью не исчерпает себя, либо до окончания собственной жизни, если повезет превратиться в харизматического вождя.

То есть Троцкий упрекнул Каменева в том, что ему в сложившейся после гибели М.С. Газмана ситуации было гораздо легче сделать «правильный выбор», чем В.И. Ленину в октябре 1917 года, взявшему курс на вооруженное восстание. Действительно, проследим за мыслью Троцкого в «Уроках Октября»:

«Основное воззрение правых (т.е. Каменева и Зиновьева. — А.К.) состояло в том, что революция ведет неизбежно от Советов к буржуазному парламентаризму, что «Предпарламент» является естественным звеном на этом пути, и что незачем уклоняться от участия в Предпарламенте, раз мы собираемся занять левые скамьи в парламенте, завершить демократическую революцию и «готовиться» к социалистической. А как готовиться? Через школу буржуазного парламентаризма, ведь передовые страны показывают отсталым образ их будущего. Низвержение царизма мыслится революционно, как оно и произошло; но завоевание власти пролетариатом мыслится парламентарно, на основах законченной демократии. Между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти долгие годы демократического режима»¹.

Критика со страниц предисловия звучала справедливая. Товарищ Каменев в 1917 году действительно не замечал, не хотел замечать, что авторитет большевиков рос, как на дрожжах, но только лишь в Москве и Петрограде, в промышленных городах, однако в крестьянских общинах по-прежнему оставался на очень низком уровне. Между тем судьба выборной кампании в парламент — Учредительное собрание — зависела исключительно от позиции основной массы избирателей аграрной России — крестьян, сочувствующих эсерам. Посему победа на каких-либо выборах во всероссийском масштабе большевикам никак «не грозила».

В то же время крестьянство — наиболее политически пассивный слой населения. Ему в принципе без разницы, кто рулит государством. Лишь бы преемники царя не ущемляли интересы жителей деревни, и тогда они «проглотят» любой государственный переворот. Вот почему Ленин был прав, когда торопил ЦК с вооруженным выступлением, утверждая, что вопрос о власти решается сейчас (в сентябре и октябре 1917 года) не в парламентах, а «в рабочих кварталах Питера и Москвы», что промедление воистину смерти подобно. И верно, после 12(25) ноября 1917 года, после обнародования результатов выборов в Учредительное собрание лозунг сверже-

---

¹ Там же. С. 144—145.

ния кабинета А. Керенского силой утрачивал актуальность. Рабочие и солдаты вслед за крестьянством потянулись бы к новому, причем легитимному, объекту доверия — к обосновавшимся в Таврическом дворце депутатам. Но пока выборы не состоялись, а итог голосования не вполне ясен, те же рабочие и солдаты, раздраженные беспомощностью и нерешительностью министров-капиталистов, с готовностью подставят плечо обещающим золотые горы большевикам и помогут им взять страну под контроль. Так что торжество ленинской гвардии, возможно, никогда бы и не произошло, прислушайся ЦК РСДРП(б) в октябре 1917 года не к мнению своего прозорливого вождя — Ленина, а к уговорам умного, теоретически подкованного оппозиционера — Каменева. Догматичность подвела Льва Борисовича в 1917 году, и как знать, не сыграет ли оно с ним злую шутку вновь, что небезопасно для страны, которой руководит такой лидер.

К сожалению или к счастью, Каменеву октябрьский урок Троцкого не пошел впрок. Вместо того чтобы поблагодарить оппонента за конструктивную критику, намотать ее на ус и впредь не допускать роковых промахов, Лев Борисович поступил иначе. Обиделся и внял легкомысленным призывам Зиновьева, убеждавшего воспользоваться атакой Наркомвоенмора для реализации старой идеи фикс — изгнания «перманентного» скептика из Политбюро. Для чего требовалось развязать новую жаркую дискуссию, неважно какую, пусть бы и литературную.

Уже 24 октября в преддверии открытия очередного Пленума ЦК дуэт попробовал прозондировать отношение к опусу «Л.Д.» семерки. Проект резолюции Пленума ЦК РКП(б), адресованный соратникам, гласил:

«1. Выпущенную т. Троцким к 7-летию Октябрьской революции статью об «Уроках Октября» Пленум ЦК рассматривает, как сознательное извращение истории партии, направленное к достижению обходным путем фракционных целей т. Троцкого, отвергнутых партией после зимней дискуссии.

2. ЦК констатирует, что статья т. Тр[оцкого], не имеющая ничего общего с действительно партийным и действительно научным изучением Октябрьской революции, направлена к

возобновлению дискуссии в партии и возлагает на т. Троцкого ответственность за (фраза не окончена, похоже — «последствия». — А.К.)...»¹

Члены семерки, очевидно, желанием ломать копыта из-за «Уроков Октября» не горели. По крайней мере, на Пленуме, длившемся три дня (25—27 октября), данный вопрос в повестку дня не вносился. Симптоматичная уклончивость товарищей по Политбюро нисколько не смутила и не насторожила ни Каменева, ни Зиновьева. Оба, не собираясь более терпеть Троцкого в Политбюро, вознамерились во что бы то ни стало выжить его из высшей коллегии. И для начала они решили «помириться» со Сталиным, а точнее вынудить его «помириться» с дуэтом на почве естественной неприязни Сталина к «троцкизму», а стало быть и к самому Троцкому, которого Сталин всегда считал «меньшевиком».

26 октября на Пленуме кандидат в члены ЦК РКП(б) В. Иванов обратился к Сталину с «провокационным» вопросом, правдивы ли слухи о том, что он якобы стремится блокироваться с Троцким в связи с развернувшейся дискуссией вокруг «Уроков Октября». Встревоженный этим вопросом, явно инспирированным кем-то из сотрудников «дуэта», Сталин решил выступить с заявлением, направив в ЦК письмо следующего содержания:

«Сегодня тов. Иванов (член ЦК РКП от Украины) заявил мне, что на Украине среди членов ЦК КПУ существует мнение о том, что Сталин думает блокироваться с Троцким. Источником такого мнения служат сообщения Петровского о трениях внутри фракции, проявившихся на Пленуме фракции два месяца назад. По поводу этого заявления тов. Иванова считаю нужным сообщить следующее.

1) Попытки к блоку с Троцким у меня не было и не могло быть, ибо блок с меньшевиком Троцким я считаю, и считал всегда противоестественным и антипартийным. Достаточно вспомнить последнее письмо Ленина с характеристиками отдельных лиц, чтобы понять, что такой блок неестественен не

---

¹ Там же. С. 147.

только по мотивам принципиальным, но и по характеру личных отношений между мною и Троцким.

2) Оттенки между мною, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым, с другой стороны, конечно, существуют. Оттенки всегда существовали в верхушке большевиков, как до Октября, так и после Октября. Об этом знают все большевики. Но умозаключать отсюда в пользу блока с Троцким, с которым имеются коренные разногласия, — значит говорить заведомую неправду.

3) Попытки к блоку с Троцким действительно имели место после XII-го съезда, но не с моей стороны, а со стороны Зиновьева и некоторых других товарищей. Зиновьев предлагал тогда составить Секретариат ЦК из Зиновьева, Троцкого и Сталина, на что я тогда же ответил несогласием и своею готовностью уйти из Секретариата, чтобы дать товарищам возможность испытать на деле блок с Троцким. Блок этот не состоялся тогда ввиду моего протеста. Об этом знают Молотов, Рудзутак, Куйбышев, Фрунзе, Бухарин, Ворошилов, Орджоникидзе, ленинградские товарищи. Товарищам, распространяющим теперь нелепые слухи, достаточно хорошо известна история с этим несостоявшимся блоком. Я думаю, что попытки свалить с большой головы на здоровую, не послужат к укреплению нашей фракции.

Обо всем этом, я считаю своим долгом сообщить фракции для того, чтобы дать ей возможность оценить должным образом действительный смысл нелепых слухов»¹.

В тот же день двадцать три экземпляра обращения Сталина разошлись по рукам участников Пленума. Каменев с Зиновьевым могли поздравить друг друга, поскольку Сталин принародно отмежевался от Троцкого и, судя по тексту заявления, настолько «испугался», что, защищая себя, не постеснялся перевести стрелки на тех, кого не без основания заподозрил в распространении слуха, — на «Каменюгу» и «Григория».

«Проглотив» на их взгляд незаслуженный упрек Сталина в распространении слухов, «дуэт» в своем обращении к членам «семерки» постарался убедить их, что подобные слухи

---

¹ Там же. С. 148—149.

могут распространяться только злостными врагами большевиков — троцкистами, поскольку говорить о сближении Сталина с Троцким выгодно только фракции Троцкого.

Таким образом, маневр двух партийных вождей увенчался полным успехом. Хотел того Сталин или не хотел, но ему пришлось формально примкнуть к дуэту (раз ты не с Троцким, то во имя единства партии обязан идти в ногу с большинством), чтобы вскоре в добровольно-принудительном порядке принять участие в расправе над угодившим в опалу военным наркомом.

Первый, предупредительный залп альянс трех обрушил на Предреввоенсовета 2 ноября 1924 года. «Правда» опубликовала статью «Как не нужно писать историю Октября». Подпись отсутствовала. Но догадаться, кто автор, легко. В статье дважды встречается выражение «в этом... гвоздь» — одно из любимых словосочетаний Г.Е. Зиновьева. Григорий Евсеевич, следовательно, и вручил через газету Льву Давыдовичу ноту об объявлении войны: «После того, как итоги истекшего года доказали всю неправоту нашей партийной оппозиции, после того, как факты доказали еще и еще раз правильность руководства в нашей партии, тов. Троцкий вновь поднимает дискуссию, но уже «иными средствами». Предисловие к книге (а в этом предисловии, равно как и в примечаниях к ней, ее «гвоздь») написано полуэзоповским языком, так что для совсем неопытного читателя пройдут незамеченными намеки и полунамеки, которыми наполнено это предисловие. Этот своеобразный шифр (процветающий у тов. Троцкого, несмотря на требование «критической ясности») необходимо все же расшифровать. Ибо работа тов. Троцкого, претендующая на роль спутника в деле «изучения Октября», грозит превратиться в спутника «всякой настоящей и будущей дискуссии». Она ведь берет на себя, по сути дела, ответственность за выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном. Причем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похожа на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими съездами решений...

Волей-неволей приходится отвечать на эту книгу, ибо партия не может допускать, чтобы без возражений оставалась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такою дружностью и таким единодушием принимала...»¹

Затем Зиновьев в общих чертах обрисовал те «эпизоды» «небольшевизма» Троцкого, которые атакующая сторона намерена обнародовать, то есть, все моменты разногласий Троцкого с Лениным и в дооктябрьскую, и в послеоктябрьскую эпохи. Особенно автор статьи «нажимал» на смертельный грех «народного трибуна», отрицавшего ведущую роль партии в дни Октября. Финал статьи звучал угрожающе, в том духе, что можно ли доверять тем, кто не выдержал проверки «Октябрем 1917 года». «Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства», — гремел автор в заключение статьи.

Парадокс ситуации заключался в том, что «новых дискуссий», угрожающих единству «семерки», Троцкий не только не требовал, а на все вызовы «дуэта» хранил молчание, чем наглядно демонстрировал, что им «Уроки Октября» хорошо усвоены и поддаваться на провокацию и ввязываться в бесспорно проигрышную для него дискуссию он не намерен.

Не дождавшись ответной реакции Троцкого на первый выпад, 12 ноября центральный печатный орган РКП(б) позволил себе новый агрессивный выпад против «неугомонного» народного трибуна, хотя «трибун» молчал, словно набравши в рот воды. На этот раз по вчерашнему кумиру ударило молодое поколение — ЦК, МК и ЛК ВЛКСМ:

«Тов. Троцкий сбрасывает партию со счетов борьбы и доходит до прямого поклепа на большевистскую партию. В «Уроках Октября» дело идет не об объективном изложении прошлых ошибок, а об архирезкой полемике против двух занимающих в нашей партии руководящие посты товарищей... которая по существу является не чем иным, как попыткой после поражения в партийной дискуссии использовать старые споры для того, чтобы добиваться изменения политики

---

¹ Там же. С. 151.

нынешнего дня... Тов. Троцкий оправдывает и затушевывает свои прежние ошибки, тов. Троцкий искажает историю и уроки Октября. Поэтому мы вынуждены заявить: тов. Троцкий мешает молодежи правильно понять историю партии. Статьи и выступления тов. Троцкого, посвященные прошлому нашей партии, препятствие в деле большевистского воспитания молодежи ...»¹

Однако и этот комсомольский наскок не произвел на вчерашнего кумира впечатления. Он упорно молчал. Не откликнулся он и на ряд других статей, опубликованных в «Правде», в которых Троцкий обвинялся в «искажении фактов». Стало ясно, что соперник «дуэта» с «примкнувшим» к ним генсека не случайно, а вполне обдуманно уклоняется от дискуссии, прекрасно понимая, чем та ему грозит.

У зачинщиков акции оставался единственный путь — подвергнуть оппонента массивной безжалостной травле в надежде на то, что Троцкий, не выдержав всеобщей истерии, сорвется и возразит публично, дав тем самым дуэту основание внести на рассмотрение Пленума ЦК вопрос о выведении настырного спорщика из Политбюро.

17 ноября на заседании Политбюро Каменев начал действовать в данном направлении, попытавшись путем опроса выявить мнение соратников относительно наказания Троцкого. Получив по записке согласие Сталина и Зиновьева, Каменев неожиданно получил отпор от Бухарина, который не поленился на опросном листе написать поверх автографа председательствующего:

«1) Формально, я против таких шагов помимо формального решения семерки.

2) По существу, я против постановки на голоса резолюций. Ставить что-нибудь на голоса, когда голосующим ничего не читали, неудобно, нецелесообразно, потому что может вызвать небезосновательные нарекания.

Наконец, товарищам известно, что я против дискуссии, против перенесения на голоса и за всемерную разъясни-

---

¹ Там же. С. 153.

тельную работу. Друг[ими] словами, я за дело, против шума (кот[орый]тоже «дело», но иная его «форма»). Н. Бух»¹.

На этом голосование вкруговую прервалось: записка вернулась к Каменеву. Вето одного члена Политбюро вынуждало вынести инициативу непосредственно на совещание семерки. В этот же вечер такое совещание состоялось, и в нем большинство санкционировало развязывание антитроцкистской агиткампании. К мнению Бухарина не прислушались, но Сталин тут же сообразил, какую тактику следует применить, чтобы сокрушить не Троцкого, а зачинщика всей этой свары — Каменева.

Буквально на следующий день 18 ноября 1924 года после доклада Каменева на собрании московского партактива, в котором Троцкий подвергся уничижительной критике, в партийной прессе началось подлинное «линчевание» троцкизма. Ключевая роль в нагнетании истерии принадлежала естественно «Правде», регулярно размещавшей на своих полосах статьи, осуждающие «Уроки Октября». И ежедневно под рубрикой «По поводу выступления тов. Троцкого», извещающей читателей о принимаемых парторганизациями страны резолюциях, солидарных с резолюцией МК или схожих с ней. Резолюция Московского Комитета РКП(б), принятая по докладу Каменева в общем-то была достаточно взвешенной. В ней собрание партактива Москвы обращалось в ЦК с просьбой обсудить вопрос о Троцком на ближайшем Пленуме ЦК, а также:

«а) принять решительные и исчерпывающие меры к тому, чтобы под флагом партии не извращались основные идеи большевизма, история партии и история революции;

б) принять меры к широкому распространению среди членов партии правильных сведений об истории нашей партии, ее борьбы с троцкизмом, действительной истории Октября и пр.»².

Москвичей «переплюнули» ленинградские коммунисты, естественно при прямом посредничестве своего лидера — Г.Е. Зиновьева. 21 ноября «Ленинградская правда» опублико-

---

¹ Там же. С. 154.

² Там же. С. 155.

вала резолюцию Пленума ЛК партии от 10 ноября, в которой уже явно проступала «жажда крови»:

«1. Просить ЦК поставить вопрос о выступлении т. Троцкого (предисловие к книге «1917 г.») на ближайшем Пленуме с тем, чтобы, не допуская до широкой дискуссии, принять самые решительные и исчерпывающие меры для защиты ленинизма, против извращения истории партии и истории пролетарской революции.

2. Просить ЦК срочно выпустить сборник по вопросам, затронутым в книге т. Троцкого, освещающий ошибки т. Троцкого.

3. Просить ЦК принять более решительные меры по удалению из партии тех элементов, которые после XIII съезда партии высказались против его решения о мелкобуржуазном уклоне и продолжают открыто вести активную работу против решений съезда»¹.

Третий пункт резолюции открыто призывал к исключению Троцкого, по крайней мере, из Политбюро. После столь резкого выступления ленинградцев у многих высокопоставленных коммунистов возникло сомнение по поводу столь суровой критики в адрес Троцкого, который в течение всей этой кампании продолжал упорно хранить молчание. С недоуменными вопросами к Каменеву, как закоперщику травли бывшего народного любимчика, обратился член Политбюро Я. Рудзук и кандидат в члены Политбюро Г.Л. Пятаков, который прямо заявил: «Я Вас не понимаю. Если Пленум питерского губкома уже поставил вопрос об исключении, Глебов-Авиллов уже заявил на фракции, что Тр[оцкий] — враг партии, в районах уже ведется кампания, то, ведь это не из-за «1917 года»! Ведь все это имеет какую-то политическую цель? Я привык трезво смотреть на вещи и называть вещи своими именами»².

То есть коммунисты были явно обескуражены односторонним характером «дискуссии», поскольку Троцкий продолжал молчать, не ввязываясь в «исторический» диспут. По хорошему, борьбу с троцкизмом следовало бы свернуть,

---

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 163.

поскольку «дискуссия» теряла всякий смысл, поскольку прямое продолжение игры в одни ворота грозило крупными неприятностями инициаторам кампании, потому что партийное общественное мнение, не обнаружив со стороны Троцкого никаких поползновений к протесту и препирательствам, неминуемо сменит гнев на милость, а уж слишком суровой кары — изгнания из Политбюро — не допустит ни при каком раскладе.

Однако Каменев с Зиновьевым кульминации литературной дискуссии не уловили, не почувствовали. Дуэт с прежним энтузиазмом гнул не оправдавшую надежд линию: шельмование в газетах из номера в номер неугодной персоны. 13 декабря «Правда» даже посетовала на нежелание «тов. Троцкого» реагировать «на критику троцкизма», на молчание «его ближайших единомышленников». 18 декабря Н.А. Угланов, секретарь МК, уведомил Сталина, почему Наркомвоенмор так упорно молчит. Накануне, на заводе ВЭК на встрече с рабочими, те сообщили ему, что делегация из десяти пролетариев недавно посетила квартиру Троцкого, который раскрыл гостям причины своей пассивности.

«1) Я не отвечаю потому, что не хочу новой дискуссии.

2) Меня обвиняют, что я подменяю ленинизм? Нужно быть безумцем и покончить политическим самоубийством, когда вся партия, комсомольцы, пионеры, весь рабочий класс за ленинизм.

3) Если бы я знал, что эту книгу так раздуют и разведут такую кампанию, я бы никогда ее и не выпустил»¹.

После столь ясно и четко выраженной соперником позиции, о чем генсек наверняка доложил Каменеву, идти на обострение ситуации стало не только неразумно, но и рискованно для затеявших эту кампанию. Тем не менее, Каменев под влиянием Зиновьева на подобное отважился, чем окончательно поставил крест на своем лидерстве в Политбюро.

4 декабря 1924 года Политбюро ЦК РКП(б) наметило созвать Пленум ЦК 10 января 1925 года. 13 декабря опросом утвердили повестку дня, в которой первым пунктом значилось:

---

¹ Там же. С. 159.

«Резолюции местных организаций о выступлении т. Троцкого». То есть, членам ЦК следовало исполнить волю партийных низов. А что же требовали партийные низы? Как ни странно, в отношении «т. Троцкого» ничего конкретного.

Резолюции губкомов и партсобраний чаще ограничивались тем же пожеланием, какое огласили москвичи 18 ноября: принять действенные меры по защите ленинизма и истории партии от извращений. Реже звучали радикальные призывы, вторившие резолюции Пленума Ленинградского губкома от 10 ноября: выгнать из РКП(б) тех, кто «продолжает активную работу против решений» XIII съезда. Формулировки, в общем-то, слишком размытые, и трактовать их можно по-разному. Между тем Каменев и стоящий за ним Зиновьев добивались одного — изгнания из Политбюро Троцкого, о чем рано или поздно дуэту надлежало сказать без обиняков, открыто и членам ЦК и, естественно, членам и кандидатам в члены Политбюро.

Однако прежде тандему не мешало попробовать угадать реакцию десяти сотоварищей на столь радикальное предложение. Бухарин, как мы видели выше, воспротивился даже искусственному разжиганию дискуссионных страстей. Калинин и Рудзутак крутые меры не одобрили. Солидарность Сталина, вчерашнего пособника Троцкого, являлась крайне ненадежной. Если к тому же допустить, что Рыков с Томским, скорее всего, примкнут к Бухарину, Калинин и Рудзутак (что, вероятно, и случилось во время скандала с «Ленинградской правдой»), прохождение через Политбюро отставки Льва Давыдовича уже выглядело проблематично. Вдобавок была неизвестна позиция прочих коллег Каменева — Молотова, Сокольникова, Дзержинского и Фрунзе. А они также могли заартачиться.

В целом в середине декабря 1924 года расклад сил в Политбюро мало благоприятствовал увольнению Троцкого. Вот если бы Предреввоенсовета ответил Каменеву, втянулся бы в дискуссию, полемикой разогрел бы миролюбивых Бухарина, Калинина и иже с ними до злости, до исступления, то вышеупомянутые товарищи легко и без жалости проголосовали бы в нужную минуту за выведение неумного спорщика

из высшего правительственного органа. Но к прискорбию неофициального лидера Политбюро, Троцкий демонстрировал завидное хладнокровие и выдержку, почему исключение его из Политбюро стало бы явной и очевидной для всех несправедливостью. Лепить же из тезки Каменева мученика, возрождая угасающую популярность народного трибуна в партии и в стране, большинство членов и кандидатов в члены Политбюро, разумеется, не собиралось.

Поэтому нетрудно было спрогнозировать, как оно поведет, узнав о подлинных планах Каменева и Зиновьева. Было почти очевидно, что оно непременно возропщет против безусловно опрометчивой спешки.

То есть, в декабре 1924 года драма в Москве разыгрывалась уникальная. Сам того не ведая, Каменев, развязав литературную дискуссию, устроил экзамен на политическую зрелость себе, Троцкому и возможно, еще одному человеку. Первым испытанию подвергся Предреввоенсовета. Как ни велик был соблазн дать сдачи, но Троцкий, верно оценив душевные колебания коллег, сумел перебороть искушение и в результате гарантировал за собой место в Политбюро.

Вторым выбирал между «хочется» и «надо» Лев Борисович. Ему представлялось вполне резонным и разумным избавление верховной инстанции от деструктивной особы, склонной дебатировать по каждой мелочи, разжигая страсти внутри управляющего государством маленького коллектива. Но Лев Борисович играл роль старшего в Политбюро не формы ради. Для того коллегия и выдвигала из своих рядов старшего, чтобы он первым чувствовал настроение других и первым (желательно) предлагал проекты решений, которые удовлетворят большинство ареопага.

В этом, кстати, и заключался экзамен Каменева: сориентироваться в непростой ситуации ноября — декабря 1924 года; понять, что готово санкционировать большинство; в случае несогласия с ним, прикинуть, насколько реально склонить оппонентов на собственную точку зрения. Если шанс есть, то попытаться переубедить, если нет, то лучше не настаивать на максимуме, отступить и до поры до времени удовольствоваться минимумом.

Лев Борисович экзамен на право и далее возглавлять Политбюро не сдал, ибо не сумел верно оценить разброс мнений среди коллег, а когда обнаружилось и противоречие подходов, и слабость аргументов в пользу изгнания Троцкого, упрямо продолжал продавливать отторгаемый большинством вариант решения. В итоге в Политбюро произошла смена лидера. Преемнику Каменева не довелось выбирать между «хочется» и «надо», так как первое гармонично совпало со вторым. Счастливчику оставалось только вовремя перехватить инициативу у замешкавшегося соперника. Счастливчик не поленился, сообразил, что к чему, и инициативу перехватил ...

События развивались на редкость стремительно. В течение каких-то девяти-десяти дней СССР обрел нового лидера. 28 декабря 1924 года Каменев с Зиновьевым перешагнули, наконец, Рубикон, обнародовав в «Ленинградской правде» цель, ради которой рискнули развязать литературную дискуссию. Резолюция пятой партконференции Московско-Нарвского района Ленинграда (принята по докладу Евдокимова 27 декабря) констатировала, «что член партии, придерживающийся несколько лет подряд взглядов, противоположных политике Центрального Комитета и всей партии, — ни в коем случае не может претендовать на то, чтобы быть в числе руководителей ленинской партии»¹.

Обстановка внутри «семерки» накалилась мгновенно. Каменев еще успевал отступить, дезавуировать демарш ленинградцев и внести на обсуждение «фракции» какой-нибудь компромиссный проект. Но Лев Борисович этого не сделал. Между тем время быстро таяло, и промедление опять, как в 1917 году, грозило близорукому вождю политической, а то и физической смертью.

Начавшееся размежевание ареопага на два враждебных лагеря, дерущихся за и против Троцкого, ему надлежало пресечь не мешкая. Иначе разразится катастрофа. Политбюро, отвлекшись на межгруппировочную борьбу, прекратит заниматься текущими делами, количество рассмотренных и

---

¹ Там же. С. 162.

решенных вопросов в кратчайший срок снизится до нуля. Возникнет паралич власти, и, если «закупорка» процесса управления на фоне партийной усобицы затянется, новая революционная волна неизбежно накроет Республику.

К сожалению, ни Зиновьев, ни Каменев надвигающейся опасности не замечали. И 29, и 30, и 31 декабря оба по-прежнему не сомневались, что все зло исходит от Троцкого и с ним обязательно надобно расквитаться.

Изумительное упрямство нашло на Каменева с Зиновьевым. Отовсюду к ним поступали тревожные сигналы, предостережения, уговоры не пережимать, потерпеть. А они — ноль внимания. Твердили неизменное: Троцкому не место и в Реввоенсовете, и в Политбюро. Бухарин, Калинин, Рудзутак категорически возражали против подобной суровой кары. На предновогоднем совещании семерки к оппозиционерам примкнул Томский. Не сегодня завтра решили бы, с кем блокироваться, Рыков, Молотов, Дзержинский, Сокольников, Фрунзе. Наблюдалось отчетливое и скоротечное формирование двух сильных фракций, которые через день-два заспорят о судьбе Троцкого не на жизнь, а на смерть. За первым яблоком раздора — Троцким — появится какое-то второе, затем третье. «Диспут» приобретет бесконечный характер, ибо обе рассорившиеся группы не угомонятся до тех пор, доколе одна из них не восторжествует целиком и полностью над другой. В общем, то, чего Сталин боялся весной и летом, исподволь мешая Каменеву с Зиновьевым провоцировать Троцкого на дискуссию, фактически свершилось. Дискуссия с Троцким не состоялась. Зато вот-вот разгорятся жаркие дебаты внутри самой семерки, еще вчера считавшейся такой сплоченной.

Воистину в коллегиальном режиме есть что-то дьявольское. В который раз система изловчилась натравить собственных адептов друг на друга, нисколько не дискредитировав себя при этом. Каменев с Зиновьевым ненавидят Троцкого. Троцкий — Каменева с Зиновьевым. Бухарин и Томский враждуют с Троцким, Каменевым и Зиновьевым. Каменев и Зиновьев отвечают им тем же. Политбюро постепенно превращается в серпентарий. Причем обитатели серпентария

не в силах остановиться, одуматься и попытаться вырваться из коварной ловушки. Нет, они скорее обвинят в низкой дееспособности и чрезвычайной неустойчивости коллективного руководства ближайшего соратника, нежели заподозрят в ущербности непосредственно коллегиальный принцип управления. Каменев, Зиновьев, Троцкий. Бухарин, Рыков, Томский и прочие большевики неистово верят в великий принцип, преклоняются перед ним, как перед идолом. Большевикам легче пожертвовать собой во имя исповедуемой обща идеи, чем признать страшную для каждого члена РКП(б) истину: коллегия ничуть не лучше, а наоборот хуже ликвидированной в феврале 1917 года монархии, ибо изъяны монархии исправимы, изъяны же коллегии «залатать» невозможно. И, значит, революция при коллегии вспыхнет неизбежно. Зато при монархии ее вероятность, пусть и крайне высока, все же не стопроцентна. Отсюда вытекает главный вывод: Октябрь 1917 года — тупик, если устроен коммунистами не ради модернизации, реконструкции монархии, а с целью замены власти одного человека на власть группы лиц. В таком случае их подопечных — граждан России — ждет в перспективе не стабильность и процветание, их ждет череда кризисов, которую рано или поздно увенчает новый социальный взрыв, подобный Февралю 1917 года.

Никто из большевиков ни в 1922-м, ни в 1923-м, ни в 1924 году, когда коллегии в отсутствие Ленина заработали на полную мощь и показали, чего стоят, не решился посмотреть правде в глаза. Никто, кроме Сталина. Только он, осознав, в какую западню угодила Россия в октябре 1917 года, осмелился бороться с порочной системой в одиночку. Как мог, повышал эффективность неуклюжего коллективного механизма управления и старался гасить или не допускать зачатки больших дискуссий, грозивших замедлить или парализовать процесс коллективного принятия решений. И вот теперь, в первые дни января 1925 года, именно от него зависело, чем закончится разгоревшийся внутри Политбюро конфликт из-за Троцкого. Дружественный Каменеву нейтралитет Сталина неминуемо обострял ситуацию: две группы — за и против Троцкого — все равно сойдутся в ожесточенном поединке. В ре-

зультате Политбюро — орган власти — замрет в ожидании финала распри, и что будет дальше, никому не ведомо. Однако потери от сшибки двух фракций можно было реально свести практически к нулю, если Сталин активно поддержит Бухарина. Тогда вокруг генсека — третьей после Каменева и Зиновьева авторитетной фигуры в Политбюро — объединятся те из членов ареопага, что за прошедшие несколько дней разочаровались в Каменеве. А это — реальное большинство, правда, пока разрозненное. Но стоит бросить клич, оно тотчас отобилизуется, и Каменев с Зиновьевым мгновенно окажутся в меньшинстве и жесткой изоляции. Подобная метаморфоза с большинством позволит, во-первых, предотвратить гибельную для партии и страны дискуссию, во-вторых, без особого напряжения и в обычном режиме продолжать управлять государством, отражая попутно вероятные попытки дуэта реанимировать каменевское большинство за счет раскола сталинского.

Где-то между третьим и пятым января 1925 года генсек вышел из тени «тройки» и одним «простым, маневренным движением» перехватил у Каменева инициативу. 4 числа Зиновьев сформулировал проект резолюции Пленума ЦК, признающей «невозможной при нынешнем созданном т. Троцким положении вещей работу т. Троцкого на таких постах, как пост Предреввоенсовета и член Политбюро». В тот же день Григорий Евсеевич написал Иосифу Виссарионовичу: «Думаю, что он (проект) — мог бы лечь в основу обсуждения Пленума (если, конечно, Троцкий не преподнесет новых фактов). Прошу еще до вторника раздать ее членам и кандидатам 7, а, может быть (решим во вторник), разослать ее всем нашим членам ЦК».

Вторник — 6 января 1925 года — во многом поворотная дата в нашей истории. Именно во вторник 6 января 1925 года И.В. Сталин стал лидером Политбюро и, следовательно, Советской России. Ловкий маневр Кобы — его встреча с Бухариным 4 или 5 января — завершился подлинной сенсацией. Два члена Политбюро, отличавшиеся до того наибольшей лояльностью Каменеву, фактически подняли мятеж против патрона. 5 января оба официально внесли на рассмотрение «семерки» свой контрпроект пункта второго резолюции Пле-

нума о Троцком. Документ, завизированный Сталиным и Бухариным, гласил: «По поводу проекта резолюции тов. Зиновьева о выступлении тов. Троцкого мы полагаем:

1) что этот проект может быть принят в основу обсуждения во вторник.

2) пункт второй резолютивной части должен быть изменен в том смысле, что т. Троцкий освобождается только от поста Предреввоенсовета и остается членом Политбюро.

Мотивы: партии выгоднее иметь т. Троцкого внутри Политбюро в качестве 7-го члена, чем вне Политбюро; исключение из Политбюро должно повлечь дальнейшие меры отсечения от партии т. Т[роцкого], а, стало быть, и других членов оппозиции, занимающих важнейшие посты, что создаст для партии лишние затруднения и осложнения.

3) в связи с этим, а также в связи с необходимостью учета того или иного поведения т. Тр[оцкого] на Пленуме ЦК формулировки резолютивной части проекта тов. Зиновьева должны претерпеть некоторые изменения.

Эти свои поправки мы вносим на обсуждение во вторник»¹.

Демарш младших партнеров дуэта оказался очень хорошо просчитанным шагом, обеспечивающим почти молниеносную смену лидера Политбюро. Ведь до 5 января в ареопаге имелся один центр притяжения — тандем Каменева и Зиновьева, на который более или менее охотно равнялись другие участники коллективного руководства. Позиция тандема в вопросе о Троцком обнародована еще 28 декабря — выведение из Политбюро. В течение восьми дней она оставалась единственным ориентиром для всех, хотя и малопривлекательным. Внезапно 5 января внутри «чертовой дюжины» возник второй полюс, и тоже в виде пары, предлагавшей ограничиться увольнением Троцкого с должностей военного наркома и Предреввоенсовета — мерой, которой симпатизировало немало иных членов высшей коллегии.

Сталин задумал комбинацию беспроигрышную. Образование в Политбюро двух претендующих на лидерство дуэтов вынуждало девять не определившихся соратников Каменева,

---

¹ Там же С. 167—168.

Зиновьева, Сталина и Бухарина срочно решать, к кому примкнуть 5 января 1925 года. Предугадать, за кем потянется большинство, было нетрудно — естественно, за «голубями», а не за «ястребами», что на заседании «семерки» 6 января и случилось. Проект Каменева — Зиновьева провалился. Проект Сталина — Бухарина восторжествовал.

Вот так, верно усвоив уроки Октября, 6 января 1925 года Иосиф Виссарионович возглавил Страну Советов. Раз принятое большинством решение по проблеме Троцкого уже ничто не могло поколебать. 15 января 1925 года Политбюро официально утвердило вердикт «семерки». Затеянная Каменевым и Зиновьевым дискуссия с целью увлечь за собой членов ЦК, дабы взять реванш на Пленуме, не увенчалась успехом. Подавляющая часть членов ЦК солидаризовалась с большинством Политбюро, после чего сомневаться в том, как отреагирует на разногласия в «семерке» предстоящий Пленум ЦК, не стоило.

К тому же 15 января Троцкий прислал в ЦК прошение об отставке с поста Предреввоенсовета, подчеркнув тем самым свое нежелание идти на обострение конфликта. В результате открывшийся около восьми часов вечера 17 января Пленум напоминал заранее отрежиссированный спектакль. Вначале Сталин обрисовал членам ЦК суть дела. Затем Евдокимов, Петровский Угланов, Шпагин и Ярославский произнесли на удивление противоречивые речи: объявив Троцкого чуть ли не врагом народа (как хотелось Каменеву и Зиновьеву), ораторы, тем не менее, настаивали на сохранении за ним до съезда права на членство в Политбюро (как хотелось большинству). Раковский обратил внимание собравшихся на бесспорное несоответствие выдвинутых претензий оргвыводу.

«В половине одиннадцатого 17-го числа Пленум ЦК РКП(б) проштамповал решение «семерки»: снять Троцкого с руководства РВС и военным наркоматом; не исключать из Политбюро; с трудоустройством подождать до XIV партсъезда, предупредив опального, что если он вновь рискнет нарушить единство партии, то будет немедленно изгнан из Политбюро»¹.

---

¹ Там же. С. 169—170.

На этом литературная дискуссия о 1917 году закончилась. Тяжелым поражением она обернулась для того, кто ее спровоцировал, для недальновидного Каменева, который даже после 15 января о том и не подозревал, думая, что торжество Сталина — временное. Между тем генсек на протяжении всей истории вел себя безупречно: не суетился и не лез на рожон; прежде, чем вмешаться в драку, прозондировал «градус» общественного мнения в Политбюро и только потом, убедившись, что почва из-под ног старших товарищей уходит, спокойно оттеснил дуэт на обочину. Причем Сталину для низвержения соперника потребовалось совершить всего два действия — во-первых, встретиться и переговорить с Бухариным; во-вторых, предложить совместно с Николаем Ивановичем более приемлемый для коллег вариант наказания Троцкого. Как видите, ничего предосудительного в содеянном Сталиным нет. Да и не нуждался генсек в криминале — покушениях, телефонных жучках, подкупах и прочем. Ведь закулисные махинации — скверный путь к власти. Они непременно аукнутся «герою», обманом взобравшемуся на Олимп, двойной зависимостью: и от тех, кто избрал, и от тех, кто «помог» взобраться.

Между тем роль слуги двух господ для лидера государства сродни погоне за двумя зайцами. Необходимость угождать сразу обоим может быстро превратить «угодника» в политический ноль вследствие утраты доверия и у первых, и у вторых, после чего отставка неминуема. Так что гораздо выгоднее и разумнее изначально подряжаться на службу одному хозяину, то есть к тому, кто выбирает, для чего целесообразнее, соблюдая общепринятые правила игры, повышать собственный авторитет в его глазах. Если избирателей тринадцать, как в истории с Политбюро РКП(б), значит, в первую очередь надо добиваться уважения с их стороны. Если электорат посolidней — миллионы сограждан, то придется демонстрировать наличие талантов миллионам и терпеть, пока развитие событий не сложится благоприятно для проявления инициативы. Как только кульминационный момент настанет, хватит и одного внятного публичного выступления в защиту ущемленных интересов избирающего большинства, чтобы немедленно по-

лучить из рук этого большинства право распоряжаться всем, то есть прийти к власти. В октябре 1917 года именно умелое использование данного правила обеспечило триумф В.И. Ленину, вовремя пообещавшему миллионам рабочих, солдат и крестьян мир с землей. И точно та же закономерность сработала в январе 1925 года, гарантировав лидерство И.В. Сталину — выразителю чаяний большинства чертовой дюжины Политбюро. Похоже, Иосиф Виссарионович отнесся к «Урокам Октября» Троцкого более взвешенно и не столь эмоционально, чем Каменев. Оттого и одержал над ним верх.

Таким образом, Сталин блестяще реализовал первый пункт задуманного им грандиозного плана по крушению любимого детища своего предшественника — коллегиальное управление государством. Правда, впереди его ожидали немалые трудности по реализации следующих позиций плана, но уже одно то, что ему удалось через год после смерти вождя возглавить главное ленинское детище — Политбюро, говорило о том, что к единоличной власти стремительно идет «второй Ленин».

Глава 3

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К СТАТУСУ «ВТОРОГО ЛЕНИНА»

Итак, после поражения Каменева в единоборстве со Сталиным за лидерство в Политбюро, роль арбитра перешла к генсеку, вокруг которого сгруппировалось большинство, еще вчера внимавшие каждому слову Льва Борисовича. Отныне коллеги по высшему ареопагу партии при возникновении разногласий между Кобой и дуэтом Каменев и Зиновьев поддерживали, как правило, первого. Дуэт уже не имел возможности руководить формированием внутренней и внешней политики СССР, отныне эта привилегия принадлежала Сталину, который дирижировал процессом принятия коллегией решений на ее заседаниях. Каменев формально еще вел заседания Политбюро, но его статус таял на глазах и «свадебный генерал», естественно, горел желанием взять реванш, то есть, завоевать большинство. Но как? Дуэт решил снова развернуть кампанию по изгнанию Троцкого из Политбюро, а заодно и Сталина, невольно «переметнувшегося» на его сторону в ходе «литературной» дискуссии конца 1924 года.

Однако развернутая дуэтом кампания по дискредитации Троцкого и нового лидера в Политбюро быстро сошли на нет, поскольку остальные члены «семерки» решительно воспротивились участвовать в новой разборке, чреватой расколом партии. Тогда неугомонный тандем сменил тактику и стал искать возможность вбить клин между Сталиным и Бухариным, союз которых в начале января 1925 года решил судьбу лидерства в Политбюро.

Нужно каким-нибудь способом рассорить их, и тогда большинство отшатнется от разругавшихся союзников и нач-

нет искать новый центр притяжения, которым вновь станет неразлучная пара Каменева и Зиновьева. Дуэт стал пристально отслеживать возможные «трения» во взаимоотношениях Сталина и Бухарина. Долго им ждать не пришлось.

27 апреля в Москве открылась XIV всесоюзная партийная конференция, во время работы которой Иосиф Виссарионович подверг критике одно выступление Бухарина. Николай Иванович 17 апреля на собрании московского актива, повествуя о «новых задачах в области нашей крестьянской политики», неосторожно произнес такую фразу: «Крестьянам, всем крестьянам надо сказать, — обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут!» 24 апреля речь напечатала «Правда». Ознакомившись с ней, Сталин и отреагировал соответствующим образом. Несмотря на то, что партконференция провозгласила курс на еще большую либеральность в аграрной сфере, товарищи по Политбюро, с легкой руки генсека, заставили Бухарина собственное заявление-лозунг публично дезавуировать. Тот подчинился, хотя в душе верность ему сохранял по-прежнему. Вот Каменев с Зиновьевым и решили попробовать из «искр» раздуть «пламя», развенчать через партийную дискуссию кулацкий антибольшевизм «любимца партии», дабы вынудить Кобу примкнуть к общему хору осуждения и втянуться в малоприглядную для обоих — Сталина и Бухарина — пикировку друг с другом.

Однако сразу же раздувать этот пожар они не решались, поскольку послушное Сталину большинство могло не поддержать новую конфронтацию, способную парализовать работу высшего коллегиального органа. Они решили отложить атаку на Бухарина, игнорирующего кулацкую опасность, до очередного XIV съезда партии, надеясь, что коммунисты партийного форума их поддержат. Когда определились с датой съезда (декабрь), дуэт развернул наступление на Бухарина, подготовив свою «платформу» в виде статьи Зиновьева «Философия эпохи», которая произвела среди коллег Григория Евсеевича эффект разорвавшейся бомбы. Статья была опубликована в газете «Правда» с некоторыми поправками, внесенными членами «семерки», 19—20 сентября 1925 года. Сталин понял, что дуэт намерен потрясти партию предсъез-

довской дискуссией, при этом травлей Бухарина и криками о кулацкой угрозе постарается перетянуть на свою сторону большинство делегатов съезда и тем самым вернуть утраченные позиции в Политбюро.

Однако следующие две статьи, подготовленные к печати Каменевым и Крупской, развенчивающие прокулацкий уклон Бухарина, семерка печатать запретила. Авторы статьи возмутились «зажимом» и решили поставить на Политбюро вопрос о текущем моменте ребром, разослав 1 октября прочим девяти членам коллегии «Секретную докладную записку», так называемую «платформу четырех» — Каменева, Зиновьева, Сокольникова и Крупской. Суть ее все та же: предупреждение о росте опасности усиления кулака и классовой борьбы в деревне, о неприемлемости линии Бухарина на мирное «врастание» кулака в социализм, критика лозунга «Обогащайтесь!» и обещаний уравнивать в политических правах крестьян с рабочими. «Семерка» снова раздробилась на две фракции, которые схватились в ожесточенной полемике с взаимными обвинениями и демонстративными уходами с переговоров. Масла в огонь подлил секретарь Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК П.А. Залуцкий, бросивший открытый вызов большинству членов Политбюро, «зажимающих» инициативу меньшинства, которому обещал всемерную поддержку ленинградских коммунистов.

Политбюро столкнулось с нелегким выбором: либо в кратчайшие сроки силой усмирить мятежную «колыбель революции», либо во имя сохранения хрупкого партийного единства ничего не предпринимать против оплота Зиновьева, живя под вечной угрозой быстрого перерастания худого мира в добрую дискуссионную ссору. Между прочим, «худой мир» устраивал больше всех Сталина.

Наличие активной оппозиции вынуждало членов Политбюро теснее сплачиваться вокруг своего неофициального лидера. Что означало на практике «теснее сплачиваться»? Чаще соглашаться с мнением Сталина, реже перечить ему и критиковать предложения генсека, не заикливаться на мелочах, голосуя, по возможности, без обсуждения за тот или иной второстепенный проект, внесенный генеральным секретарем

рем. Это — первый шаг на пути к появлению в Политбюро второго Ленина. Посему Сталин стремился к «худому миру» с ленинградцами, а не к погрому питерской организации, о чем Зиновьев с Каменевым, к несчастью, не догадывались. Оба боялись расправы большинства с меньшинством, на манер той, что сами устроили над Троцким в 1924 году. Основания для расправы имелись вполне внушительные — «Философия эпохи» Зиновьева, платформа 4-х, откровения Залуцкого... Год назад Троцкого пригвоздили к позорному столбу всего лишь за «Уроки Октября». Нынче большинство обладало выбором побогаче. Да и попытку развязать дискуссию ЦК пресек не мнимую, а самую что ни на есть настоящую.

Однако дуэт продолжал нагнетать страсти, поднимая на борьбу со сталинским большинством Ленинградскую парторганизацию, провоцируя его на силовую акцию против оппозиции. Сталин делал все, что мог, чтобы смягчить противоречия, сбить накал противоборства и в итоге затянуть дуэль с ленинградской оппозицией на как можно более длительный срок. Однако, несмотря ни на какие лавирования и маневрирования главы партаппарата, конфликт разгорался и обострялся по мере приближения даты начала съезда.

В общем, Сталин безуспешно старался предотвратить столкновение. Оба лагеря готовились к решительной и беспощадной схватке на съезде, финал которой спрогнозировать было легко: большинство раздавит меньшинство, сперва на съезде, потом непосредственно в Ленинграде; борьба с «новой оппозицией», сулившая генсеку в перспективе превращение во второго Ленина, прервется, толком не разгоревшись, после чего Сталин потеряет надежду стать харизматическим вождем. Однако на съезде все разрешилось как раз в «пользу» Сталина, которая была для него нежелательна.

18 декабря И.В. Сталин зачитал перед делегатами XIV съезда РКП(б) политический отчет ЦК. 19 декабря с содокладом по требованию 43 делегатов-ленинградцев выступил Г.Е. Зиновьев, в пух и в прах расчихвостивший крестьянский либерализм Бухарина. 21 декабря Л.Б. Каменев прошелся и по Бухарину, и по Сталину. По Николаю Ивановичу за поправки кулаку, по Иосифу Виссарионовичу за покровительст-

во Бухарину. В заключение Лев Борисович удивил всех рекомендацией переизбрать генерального секретаря. Вроде бы из-за того, что Сталину эта должность дает какую-то фору в Политбюро, мешающую членам Политбюро честно бороться между собой за большинство. Это опрометчивое заявление и погубило Каменева окончательно.

Выступившие на съезде К.Е. Ворошилов и другие члены Политбюро, лояльные Сталину, склонили делегатов съезда к тому, чтобы «положить конец всем попыткам подрыва единства нашей ленинской партии» и исправить «ошибки, допущенные ленинградской делегацией». Съезд без колебаний одобрил декларацию, фактически разрешавшую ЦК руками рядовых членов партии из Питера разогнать руководящие органы Ленинграда — райкомы, укомы и губкомы. С тем же воодушевлением делегаты постановили сменить редколлегию «Ленинградской правды» и отказать Каменеву в праве доложить съезду «Очередные вопросы хозяйственного строительства» — жест, означавший, что больше Льву Борисовичу ни в СТО, ни тем паче в Политбюро не председательствовать.

Действительно, по завершению 31 декабря XIV съезда РКП(б), 1 января 1926 года первый Пленум ЦК, вновь избранного съездом, не включил т. Каменева в состав Политбюро с правом решающего голоса. Таким образом, новый ареопаг составили девять членов (Бухарин, Ворошилов, Зиновьев, Калинин, Молотов, Рыков, Сталин, Томский и Троцкий) и пять кандидатов в члены Политбюро (Дзержинский, Каменев, Петровский, Рудзутак и Угланов). В течение января — середины февраля ленинградская оппозиция была разгромлена высадившимся в городе на Неве «десантом» из членов ЦК во главе с Молотовым.

Триумф Сталина на XIV партсъезде в декабре 1925 года и стремительная, по горячим следам, расправа над мятежными ленинградцами в январе 1926 года подвели черту под первым этапом превращения генсека — первого среди равных — в вождя с непререкаемым авторитетом. Попытка двух лидеров «новой оппозиции», Каменева и Зиновьева, осенью — зимой 1925 года «переспорить» на идеологическом и организационном «фронте» лидеров большинства, Сталина и

Бухарина, заставила прочих коллег четверки по Политбюро и ЦК теснее сплотиться вокруг того, кого они год назад признали своим арбитром — вокруг Кобы. Так возникла тенденция к персональной диктатуре Сталина. Тенденция положительная, ибо она позволяла надеяться на замену в перспективе коллегиального способа принятия решений монархическим.

Диктаторские полномочия нужны были Сталину как воздух в целях дальнейшего, а в перспективе окончательного наступления на коллегиальный режим. Ведь только превратившись во «второго Ленина», он мог бы попробовать как-нибудь отстранить коллегии (Политбюро, Оргбюро и Секретариат) от процесса управления и уже на законных основаниях замкнуть его на одну личность. Каменев с Зиновьевым в 1925 году помогли ему преодолеть половину тернистого пути. Если бы дуэт продолжал атаки на генсека и в 1926 году, досадной остановки и отката на исходные позиции можно было бы не бояться, потому что членам Политбюро пришлось бы во избежание раскола еще сильнее сдерживать себя, поддакивать Сталину помимо мелочей и в ряде вопросов первой величины.

Однако Каменев с Зиновьевым переусердствовали. В итоге поражение оппозиции на партийном съезде и ленинградский погром существенно ослабили, деморализовали ее, лишили какого-либо шанса на реванш. При таком раскладе новый вызов Сталину выглядел бы заранее обреченной на крах авантюрой, на которую ни Лев Борисович, ни Григорий Евсеевич, конечно же, не рискнут отважиться. Тем не менее, генсек выбора не имел: либо дуэт в ближайшее время вернется на тропу войны с большинством ЦК, либо отсутствие активной оппозиции разрушит изнутри сплоченность членов Политбюро, освободив соратников Сталина от неприятного долга подчиняться лидеру едва ли не безоговорочно.

У Сталина оставался единственный выход — спровоцировать Троцкого на союз с Каменевым и Зиновьевым с целью смещения Генсека и в завязавшейся схватке суметь избавиться от всех троих. Задача, безусловно, трудная, но шанс на ее осуществление был. Недалековидный «Каменюга» и порывистый «Григорий» могли «клюнуть» на то, что союзу трех «выдающихся вождей» по силам переманить большинство По-

литбюро на сторону вновь образованной коалиции и изолировать коварного грузина в унижительном меньшинстве.

Как это не выглядело бы со стороны странным, но такой вариант «Объединенной оппозиции» состоялся и не потому, что Сталин «уговорил» Троцкого пойти на явную для него авантюру, как считают некоторые историки, а совсем по иной причине.

18 марта 1926 года Политбюро рассматривало вопрос о переизбрании председателя Ленсовета. Никто не сомневался, что Зиновьев обречен на отставку. Однако прения по одиннадцатому пункту повестки дня состоялись. И вот когда очередь выступать дошла до Троцкого, тот произнес поразительную речь. Не в защиту или порицание Григория Евсеевича, а с явным намерением побудить коллег задуматься о порочности сложившейся системы управления государством. Чувствовалось, что Лев Давыдович догадывается: зло проистекает не от персон; зло коренится в действующем механизме власти; но где именно, он в своем выступлении не раскрыл. Однако не сложно «вычислить», что и до него «дошло», что «гвоздь проблемы» — коллегиальное руководство страной, являющееся источником раздора вождей. И если Сталин к этому выводу уже пришел, и делает решительные шаги в сторону становления собственной диктатуры, то почему бы это не сделать «народному трибуна», который всегда считал «молчаливого» грузина посредственностью.

Буквально через две недели после заседания Политбюро, решившего судьбу Зиновьева, Троцкий идет на союз с Зиновьевым и Каменевым, чтобы в нарушение устава ВКП(б) разжигать в партии по любому поводу долгие дискуссии и чернить на митингах и собраниях политику большинства ЦК. Сталин мог потирать руки: чем больше новый «триумvirат» будет чернить ЦК и большинство в Политбюро, тем теснее это большинство будет смыкать свои ряды вокруг Генерального секретаря.

Дальнейшие события подтвердили прогноз Сталина. На Пленуме 6—9 апреля 1926 года именно объединившиеся в союз Троцкий, Каменев и Зиновьев попытались торпедировать поправками официальную резолюцию «О хозяйственном

положении и хозяйственной политике». Не вышло. В мае трица раскритиковала Сталина и Бухарина по международной линии — за провал стачки английских горняков (1—12 мая). Большинству Политбюро опять довелось защищать дуумвират. Вслед за тем разразился форменный скандал — 6 июня зиновьевцы М.М. Лашевич и Г.Я. Беленький на подмосковной даче возле Савеловской железнодорожной ветки устроили нечто вроде маевки, на которую собралось до семидесяти оппозиционеров. О маевке донесли в ЦКК. Инквизиторы немедленно признали мероприятие подпольной фракционной деятельностью, после чего «дело Лашевича» быстро с подачи Сталина переквалифицировали в «дело Зиновьева». И пришлось Григорию Евсеевичу в блоке с Троцким и Каменевым на Пленуме 14—23 июля отрещиваться от обвинений в переходе «от легального отстаивания своих взглядов к созданию все-союзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом, раскол ее рядов». Получилась скоротечная, зато жаркая дискуссия, по итогам которой разгневанное большинство ЦК выкинуло за борт ареопага первого соратника Ленина — Зиновьева.

Но оппозиция, вдохновляемая Троцким, не унималась. 23 сентября Сталин сердито и, очевидно, искренне писал Молотову: «Если Тр[оцкий] «в бешенстве», и он думает «открыто ставить ва-банк», тем хуже для него. Вполне возможно, что он вылетит из ПБ теперь же, — это зависит от его поведения. Вопрос стоит так: либо они должны подчиниться партии, либо партия должна подчиниться им. Ясно, что партия перестанет существовать, как партия, если она допустит последнюю (вторую) возможность»¹.

Автор тирады словно читал мысли Троцкого. 26 сентября тот вместе с Зиновьевым пошел «ва-банк», то есть в народ, возмущать умы членов ВКП(б) на собраниях ячеек. 26 числа троцкисты и зиновьевцы митинговали в Комакадемии, 30-го — в коллективе службы тяги Рязанско-Уральской железной дороги, 1 октября — на заводе «Авиаприбор». Троцкий

---

¹ Цит. по: К. Писаренко. Тридцатилетняя битва в Политбюро (1923—1953). М., 2006. С. 197.

заводил москвичей, Зиновьев 7 октября поехал поднимать Питер. В течение недели удалось заручиться поддержкой пятисот человек из восьмидесяти тысяч участников очередной мини-дискуссии. 8 октября Политбюро «налеты» Зиновьева и Троцкого на Москву и Ленинград осудило. 16 октября «налетки» письменно покаялись в «нарушении партдисциплины», обещая впредь не прибегать к фракционным методам пропаганды оппозиционных взглядов, «ввиду опасности этих методов для единства партии». Несмотря на это Пленум ЦК 23 октября вывел Троцкого и Каменева из Политбюро.

Итак, тройка самых оппозиционных вождей ленинского призыва оказалась за бортом, а кто остался? Из семнадцати членов «коллективного руководства» осталось четырнадцать: Бухарин, Ворошилов, Калинин, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Рудзутак, Андреев, Каганович, Киров, Микоян, Орджоникидзе, Петровский. Половина из них (Сталин, Ворошилов, Калинин, Молотов, Андреев, Каганович, Микоян) «доживут» до 1953 года, двое (Орджоникидзе и Киров), также беспредельно преданные Сталину, падут по независимым от Сталина причинам, так что расправиться осталось с явным меньшинством, трое из которых (Бухарин, Рыков и Томский) входили еще в состав ленинского Политбюро.

Между тем, выведенные из состава Политбюро члены «триумvirата» продолжали борьбу со «сталинским» большинством, организовывая массовые митинги, демонстрации, используя средства массовой информации. В мае 1927 года Троцкий подбил союзников заклеить Сталина за поражение коммунистов в Китае, а 7 ноября тройка организовала альтернативную демонстрацию трудящихся. Лозунги типа «Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии!», «Выполним завещание Ленина!», «Долой термидор!» вперемешку с портретами Троцкого, Зиновьева и Каменева стали для «настоящих» большевиков чем-то вроде красной тряпки для быка. Активисты большинства кинулись избивать активистов меньшинства. Зрелище было не из самых приличных и приятных. Но доведенные двумя «выдающимися вождями» до озверения коммунисты уже плохо соображали, что творили... Настолько четыре года непрерывной нервотрепки

из-за страха перед расколом партии внедрили в их сознание ненависть к малейшему проявлению инакомыслия.

14 ноября Политбюро ЦК и Президиум ЦКК исключили Троцкого и Зиновьева («Григорий» спровоцировал потасовки в Ленинграде) из партии. XV съезд ВКП(б) (2—19 декабря 1927) утвердил решение двух высших коллегий, очистив партию вдобавок еще от 75 оппозиционеров, в том числе и от Каменева. После съезда Каменев и Зиновьев, повинившись за ошибки, ходатайствовали о своем возвращении в партию. Ходатайства двух до конца развенчанных соперников Сталин удовлетворил. Троцкий аналогичного прощения не подал и от греха подальше был сослан в Алма-Ату, а с 1929 года отправлен в эмиграцию, где развернул беспрецедентную атаку на Сталина. Выливая ушаты помоев на диктатора, воцарившегося на Олимпе власти, в многочисленных литературных и исторических сочинениях, черня генсека в прессе, мешая истину с вымыслом о кремлевском горце, Троцкий оказывал тому неоценимую услугу. Сталин, имея за рубежом пугало троцкизма, без труда приструнивал им любое недовольство собой: нависавшая над партией угроза раскола на тех, кто за генсека, и на тех, кто против него, а, значит, за Троцкого, вынуждала большинство и Политбюро, и ЦК покорно одобрять вносимые, Иосифом Виссарионовичем предложения. Члены Политбюро и цекисты могли попробовать переубедить Сталина, однако категорически возражать ему, спорить с ним, уже никто не смел. Дискуссии 1923—1925 годов слишком наглядно продемонстрировали, как легко и стремительно обычные разногласия перерастают в ожесточенные межфракционные столкновения, дискредитируя и внутри и вне страны советский стиль руководства. Перепалки 1926—1927 годов существенно повысили степень тревоги членов компартии за судьбу СССР. Чтобы не ввергнуть государство в «контрреволюционную» пропасть, им отныне оставалось либо отказаться от коллегиального способа управления, либо заткнуть рот себе и другим, не допуская никакой критики или свободы слова и всецело довериться мудрости, знаниям и навыкам верховного вождя. Так как никому и в голову не приходило усомниться в преимуществе советской, коллегиальной формы власти

над разновидностями монархической, члены ВКП(б) предпочли замолчать сами и обрывать на полуслове любого, кто рискнет поколебать идиллию единомыслия мнением, отличным от генерального.

Итак, Сталину удалось осуществить еще один пункт своей грандиозной программы по ликвидации «коллективного руководства» страны, подчинив своей воле шестнадцать членов и кандидатов в члены Политбюро. Казалось бы, теперь генсек мог спокойно управлять Страной Советов на основе разумной внутренней и внешней политики, то есть на основе нэпа, к этому времени значительно укрепившему экономику государства. И новый вождь, несомненно, именно так бы и поступил, если бы не сознавал, что никакая самая разумная политика самого гениального вождя не уберезет Советское государство в будущем от страшной катастрофы, пока управление данным государством производится посредством коллегий. Только демонтаж коллегиального механизма или отстранение трехступенчатой партийной пирамиды от власти предотвратило бы угрозу неминуемого нового революционного взрыва.

Сталин — единственный, кто знал истинного «врага» народа в лицо, и знал, как с этим «врагом» бороться, поэтому уклоняться от тяжелого боя не думал. Однако прежде, чем целиком сосредоточиться на борьбе с коллегами, ему надлежало избавиться от младшего партнера — Бухарина, и стоящих за Николаем Ивановичем Рыкова и Томского. Почему? Потому, что стоит генсеку заикнуться о политической реформе в ущерб коллективному руководству, тут же повторится ситуация первых дней 1925 года, когда в Политбюро возникло два полюса, притягивающих большинство, — привлекательный Бухарина и непривлекательный Зиновьева. Идея об упразднении коллегиального режима, неважно под каким предлогом, есть идея из разряда не просто непривлекательных, а неприемлемых для большинства. Нетрудно догадаться, что роль адвоката коллегий возьмет на себя П.И. Бухарин и большинству придется выбирать, к какому из образовавшихся полюсов, сталинскому или бухаринскому, примкнуть. Ясно, что оно поддержит, выдвинув в лидеры, Бухарина, и Стали-

ну не помогут ни непререкаемый авторитет вождя, ни пугало троцкизма. Слишком принципиальным, ключевым является вопрос о механизме управления Советским Союзом, чтобы большинство решило его безропотно по указке товарища Сталина, то есть принять участие в ликвидации этого механизма раз и навсегда.

Сталин понимал, что сначала большинство членов Политбюро, а за ним ЦК непременно воспротивятся стремлению генсека ликвидировать сеть коллегий, и, следовательно, нейтрализовать мятеж героев Октября и Гражданской войны можно лишь при одном условии — отсутствии рядом с ним такой политической фигуры, которая при форс-мажорных обстоятельствах способна составить ему конкуренцию. Такой фигурой, безусловно, был «любимец партии» Николай Иванович Бухарин, а стало быть пришла пора, ради спасения страны, его безжалостно уничтожить политически.

Вопрос, как это сделать, перед Сталиным не стоял, поскольку к этому времени настала пора претворять в жизнь лозунг Ленина: «сделать из России нэповской, Россию социалистическую», то есть уничтожить первооснову нэпа — индивидуальное крестьянское, частнособственническое хозяйство. Сталин прекрасно знал, что убеждения Бухарина полностью совпадают с принципами нэпа, провозглашенными Лениным в 1921 году. Этой же концепции придерживались Рыков и Томский.

Следовательно, удар по нэпу будет означать удар по убеждениям этой «троицы», которая воспротивится осуществлению коллективизации крестьянских хозяйств, начнет яростно спорить и в результате угодит в разряд оппозиционеров-раскольников, за что и будет выброшена из Политбюро.

Подготовку к свертыванию нэпа Сталин начал 15 сентября 1927 года, когда Политбюро ввело ряд мер, способствующих снижению цен на покупаемый государством у крестьян хлеб. Село отреагировало на данную акцию мгновенно — придержало зерно в амбарах, ожидая более прибыльной конъюнктуры. Государство вынуждено было прибегнуть к силе, то есть, фактически, к продразверстке, что сразу же вызвало протест «правых». Это и планировал Сталин, чтобы на-

чать борьбу по ликвидации Бухарина и его сторонников и, следовательно, завершить свою «многоходовку» по предотвращению всякой оппозиции в Политбюро.

Насильственное изъятие зерна у крестьян вызвало, с одной стороны, резкое недовольство сельских тружеников и реальную опасность бунтов и мятежей, а с другой — грозило продовольственным кризисом и даже голодом в целом ряде районов, поскольку крестьяне наверняка резко сократят количество посевных площадей весной 1928 года.

Для предупреждения пугачевщины нужно было расколоть мужиков. Предложить им на выбор следующие три варианта дальнейшего устройства своей жизни: покорно вступить в колхоз (вариант для сельской бедноты); сорваться с мест и уйти искать счастья в город (вариант для середняка, который в колхоз пойти не желал, но и открыто вступать в противостояние с государством опасался). Наконец, открыто объявить войну коммунистам (вынужденный вариант для кулачества).

Весь расчет строился на том, что очень существенная часть сельских тружеников из числа середняков, наотрез не желающих кооперироваться с беднотой, предпочтет вооруженной борьбе миграцию в промышленные центры. Раскол жителей села на три группы, ослабит возмущение и сведет активное сопротивление властям до разрозненных мятежей, которые, как антисоветские и кулацкие, подавят военные. Впрочем, массовый отток в города породит иную проблему, проблему занятости. Ее же можно решить, если намеченную XIV партсъездом программу постепенной индустриализации заменить форсированной. Чем большестроек первой пятилетки, тем больше рабочих рук потребуется. Вот эти стройки сверх программного лимита и отвлекут на себя основной наплыв покинувших деревни крестьянских семейств. А профинансируют возведение таких Днепрогэсов и Магниток выкачанные из деревень средства. В итоге главная цель — превращение Политбюро и ЦК в покорную машину для голосования — будет достигнута, и достигнута без катастрофического социального потрясения. Авторитет Сталина

к этому времени был уже настолько высоким, что затеянную Сталиным инициативу, смахивающую на авантюру, Политбюро, возможно и неохотно, но утвердит и откроет ему дорогу для расправы с Бухариным.

Помимо крестьянского вопроса, члены Политбюро разжегались и по другой важной проблеме — по темпам индустриализации. Сталин настаивал на ускоренном строительстве промышленных объектов и увеличении их числа, что одновременно решало проблему занятости мигрантов из сельской местности. Бухарин же призывал не торопиться. Здесь так же, как и в области сельского хозяйства, медленно одерживала верх линия генсека. И все благодаря занимаемому генсеком положению безусловного лидера, вождя Политбюро ЦК ВКП(б). Посему, как бы Бухарин с Рыковым и Томским не изворачивались, мешая политике чрезвычайных мер в деревне, меры эти, тем не менее, осуществлялись и приносили свои «плоды». Крестьяне, обнаружив смену приоритетов, потеряли интерес к сбору урожая сверх нормы, необходимой для жизни и расчета с государством, и весной 1928 года заметно сократили посевные площади, что грозило осенью большими затруднениями при хлебозаготовках на 1929 год, если не серьезным продовольственным кризисом. Впрочем, затруднения или кризис были «выгодны» Сталину, ибо они облегчали ему обработку членов и кандидатов в члены Политбюро в сторону одобрения курса на сплошную коллективизацию. Действовала незамысловатая логика: раз участник не желает активно помогать государству, государству остается опираться на коллективную форму собственности, сиречь на колхозы и совхозы. Такое развитие событий Бухарин либо безмолвно проглотит и, будучи оппонентом вождя, мгновенно превратится из младшего партнера Сталина в рядового члена Политбюро, либо, не стерпев, возропщет и тут же перейдет в разряд оппозиционеров-раскольников. Противоречивость экономической ситуации не позволит образоваться притягательному для большинства второму полюсу, и, следовательно, Сталин избавится от напарника-заместителя в любом случае.

Бухарин прекрасно понимал безвыходность своего положения, иллюзиями себя не тешил, поскольку видел, на какое распутье, расправляясь с нэпом, Сталин выводил либеральную троицу. Его отчаянные попытки замедлить процесс раскулачивания и удержать середняка в деревне, дабы предотвратить неизбежную угрозу продовольственной катастрофы, никакого эффекта на монолитное большинство в Политбюро не производили, и тогда он идет на отчаянный шаг.

30 сентября 1928 года Николай Иванович опубликует в «Правде» «Заметки экономиста» — жест отчаяния проигравшего поединка члена Политбюро. Аргументы, призванные предотвратить трагедию, прозвучали вхолостую. Политбюро, а за ним и ЦК менять раз принятое решение не будут. 8 октября высшая коллегия осудила размещение в «Правде» бухаринской статьи «без ведома ЦК» и тем самым дала понять, чью точку зрения впредь Политбюро намерено поддерживать. 18—19 октября со Сталиным солидаризировался Пленум МК и МКК. Н. А. Угланов, лидер московских коммунистов, сочувствующий Бухарину, с немногочисленными сторонниками остался в меньшинстве (в ноябре переизбран). 16—24 ноября 1928 года аналогичным образом проголосовал Пленум ЦК ВКП(б). «Правый уклон» потерпел абсолютное поражение.

Отныне ничто, ни дефицит хлеба и хлебные очереди в городах, ни крестьянские волнения, ни повальный голод в наиболее «хлебных» районах страны, и прежде всего, в деревне не пошатнут твердого нежелания большинства Политбюро и ЦК жертвовать завоеваниями Октябрьской революции в угоду бесперебойному снабжению рабочих продовольствием с частных крестьянских полей и ферм. Теперь исполнение той же задачи поручат колхозам и совхозам. А пока те поднимутся на ноги и окрепнут, партия с народом подождут и терпеливо перенесут все тяготы нескольких переходных лет.

Однако «трио» продолжало отчаянную борьбу с большинством Политбюро, то есть со Сталиным. Бухарин и Томский устроили своеобразную «забастовку» — демонстративный отказ от работы в курируемых ими организациях — Исполкоме Коминтерна и «Правде» (Бухарин) и ВЦСПС (Томский).

Бухарин к тому же «излил» свои обиды опальному Каменеву, которого навестил 11 июля 1928 года. Каменев записал отчаянный «рассказ» Бухарина, в котором фигурировали, например, такие оценки деяниям Сталина, как-то: Сталин — «беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать... Он теперь уступил, чтобы нас зарезать. Мы это понимаем, но он так маневрирует, чтобы выставить нас раскольниками...»¹

Полный текст «беседы» Бухарина с Каменевым каким-то образом (похоже, через Зиновьева) попал в руки Троцкому, который в середине января 1929 года «издал» листовку под хлестким заголовком — «Партию с завязанными глазами ведут к пропасти». Спустя неделю, 30 января, Бухарин письменно обрушился на взятый Сталиным курс «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», на политику «дани» с деревни, на внутривнутрипартийный режим «уничтожающий коллективное руководство».

В ответ на совместной встрече членов Политбюро и Президиума ЦКК (30 января) большинство членов Политбюро призвало автора манифеста опомниться и покаяться. Бухарин на попятную не пошел, 6 февраля отверг условия примирения — признание заявления от 30 января ошибочным в обмен на прощение за историю с Каменевым, а 9 февраля с Рыковым и Томским выпустил вторую прокламацию, еще более резко бичующую Сталина за экономические и внутривнутрипартийные прегрешения.

Большинство отреагировало жестко: в тот же день, 9 февраля, на второй встрече членов Политбюро и Президиума ЦКК расценило «критику деятельности ЦК со стороны тов. Бухарина, безусловно, несостоятельной» и предложило «т.т. Бухарину и Томскому лояльно выполнять все решения ИККИ, партии, и ее ЦК». Что обоим грозило за нарушение данной резолюции объяснять нет нужды. 23 апреля Пленум ЦК и ЦКК санкционировал вердикт двух коллегий. Через семь месяцев,

---

¹ Там же. С. 208.

17 ноября 1929 года другой Пленум ЦК исключил Бухарина из Политбюро. Сталин легко подвел под «нарушения» и «борьбу с партией и ее ЦК» ряд оплошностей и промахов Николая Ивановича в течение лета — осени 1929 года: в июне речь на Всесоюзном съезде безбожников и статью «Теория «организованной бесхозяйственности»» в «Правде», но главное, что, конечно, не было оглашено, за его критику Сталина, «уничтожавшего коллективное руководство».

В июле и декабре 1930 года аналогичный метод помог Политбюро избавиться от Рыкова и Томского. Однако для окончательного искоренения «базиса», порождавшего «правый уклон», то есть нэпа, и преодоления продовольственного кризиса потребовалось гораздо большего времени. Могучие стройки первой пятилетки серьезно ослабили стихийный протест крестьян, оттянув в города значительную часть недовольных. Самых стойких единоличников репрессировали, сослав с семьями на поселение в Сибирь. Мятежи подавили. Существенное ухудшение жизни списали на диверсии «врагов» и «вредителей», ради чего сфабриковали несколько судебных процессов — «Трудовой Крестьянской партии», «Промпартии» и иных «контрреволюционных» организаций. Впрочем, какими бы трагедиями и тяготами не сопровождалась политика сплошной коллективизации и форсированной индустриализации, большинство членов Политбюро и ЦК ВКП(б) от нее отречься не собиралось и решительно доводило дело до конца, без жалости расправляясь со скептиками и маловерами.

Таким образом, российские граждане дорого заплатили, за превращение ленинского детища — «коллективного руководителя» — в бездушную и покорную машину для голосования, без возражений, утверждающую любые инициативы вождя — «второго Ленина», за истребление в «коллективном руководстве» любого оппозиционного» духа и за блокирование даже малейшей возможности возникновения в ареопаге каких-либо инициатив, противоречащих мнению думающего за всех лидера. Однако, это вовсе не означало, что «коллективный руководитель» раз и навсегда был повержен и не будет больше угрожать теми бедствиями, которые могли разразить-

ся в стране и которые предотвратил Сталин, подчинив этого монстра своей воле. Случись со Сталиным смертельная болезнь или несчастный случай, которые выведут диктатора из игры, как многоголовая гидра, подобно птице Феникс, снова возродится и потащит страну к неминуемой катастрофе. В то же время, на данном этапе борьбы Сталина с феноменом «коллективное руководство» ему удалось достичь главного — надежды на то, что при некоторых «благоприятных условиях» «коллегиальный руководитель», послушный его воле, выполнит без звука и совершенно невероятное распоряжение вождя, а именно, вынесет сам себе смертный приговор.

Глава 4

ПЕРВЫЙ РАУНД БОРЬБЫ И.В. СТАЛИНА ЗА ИСКОРЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»

Сталин решил вторую задачу своего грандиозного плана по ликвидации ленинского принципа коллективного управления страной, став не только первым среди равных в составе Политбюро, но и подчинил его своей воле. Став «вторым Лениным», он прекрасно понимал, что это только начало тернистого пути к абсолютной власти. Перед ним стояла следующая, на редкость парадоксальная задача — отстранить от власти им же возглавляемую партию. Именно партия, не имеющая оппозиции в лице иных партий, являлась тормозом на пути демократизации советского общества, которую задумал осуществить Сталин. С отстранением от государственного руля ЦК РКП(б) и прекращением партийного диктата на местах, властные полномочия автоматически перешли бы к депутатам, избираемым всем населением Республики Советам. При отсутствии партийного контроля Советы из декоративных превратились бы в подлинные органы власти. Однако сами Советы нуждались в серьезной модернизации. Их требовалось, во-первых, сделать из сословных (выборы по куриям — рабочим, крестьянским, военным) общенародными; во-вторых, развести на две самостоятельные ветви — законодательную и исполнительную, то есть вместо «всеядного» ВЦИКа сформировать Верховный Совет — законодательную палату депутатов, и подотчетный ему Совет Народных Комиссаров — исполнительную инстанцию во главе с премьер-министром — Предсовнаркома. Успешное проведение реформы означало бы ликвидацию коллегиальной системы (три

партийные коллегии — Политбюро, Оргбюро, Секретариат — утратили бы право принимать решения; за ненадобностью упразднили бы и экономическую коллегию — СТО) и восстановление монархической в виде должности Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, избираемого парламентом, то есть всенародно избранными депутатами Верховного Совета СССР. Не исключался бы и другой вариант устройства монархической власти в виде президентской республики, когда «монархом» становился бы всенародно избранный Президент. Симбиозом этих двух вариантов власти — парламентской или президентской республик — мог бы стать специфический, то есть советский вариант «монархии», когда высшим руководителем страны становился бы Председатель Президиума Верховного Совета СССР, выдвигаемый на этот пост всенародно избранными депутатами Верховного Совета на срок, определенный Конституцией СССР для самого советского парламента.

Таким образом, предстояло еще разработать, утвердить и претворить в жизнь Конституцию СССР, в которой должны быть заложены основы демократической избирательной системы.

Сталин понимал, что решение этих двух задач натолкнется на ожесточенное сопротивление партноменклатуры, которая не захочет расставаться со своими полномочиями, когда можно было безраздельно править, ни за что не отвечая, все и вся контролировать, самой будучи бесконтрольной.

Однако, другого пути для вывода страны из-под диктата правящей партии попросту не существовало. Действительно, пока сам Сталин правит советской державой, исходящая от коллегий угроза нейтрализована и практически сведена к нулю. Но стоит ему умереть или уйти в отставку, коллективное руководство опять материализуется, обретя «кровь и плоть», и потащит СССР к пропасти. История 1923—1924 годов повторится, и обе опасности вновь нависнут над государством: цейтнот времени обеспечит крах через сколько-то лет; любая вспышка внутрипартийной дискуссии до победного конца обернется тем же спустя несколько месяцев. Шансы пре-

дотворить катастрофу будут минимальны: либо Политбюро должно успеть выдвинуть из своих рядов очередную харизматическую фигуру, либо произойдет чудо — общество поголовно прозреет и по собственному почину восстановит монархию в президентской или парламентской форме. Вторым вариантом для 30-х и 40-х годов XX столетия — абсолютная утопия. Первый не исключался, хотя был крайне маловероятен. Слишком многим счастливым стечением обстоятельств надлежало реализоваться, как это случилось в 1923—1927 годах, чтобы коллегия могла выдвинуть из своих рядов «третьего Ленина».

Исходной датой начала решительного наступления на полномочия партноменклатуры принято считать 1934 год, когда в основном были решены две обоюдно связанные проблемы: коллективизация в деревне и индустриализация страны. И коммунисты собрались на свой XVII съезд, вошедший в историю, как съезд «победителей».

В отчетном докладе XVII съезду ВКП(б), который открылся в Москве 25 января 1934 года, впервые прозвучал тезис о роли парламента в борьбе пролетариата за мировое господство. В частности, Сталин сказал: «Господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей»¹.

То есть, Сталин впервые обозначил вполне допустимую, с его точки зрения, альтернативу мировой революции, что с порога отвергалось марксистской теорией, большевиками и Коминтерном. Именно этот тезис, прозвучавший с трибуны съезда, лег в основу последующей политики Сталина по разгону Коминтерна с одной стороны, и курса на демократизацию советского общества, с другой.

Другим важнейшим тезисом, прозвучавшим в докладе Сталина, было предупреждение вождя о появлении новой политической опасности, угрожающей как партии, так и стра-

---

¹ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 11.

не в целом. Покритиковав для порядка как левых, так и правых уклонистов от магистрального пути, по которому двигалась страна, он неожиданно обрушился в праведном гневе на другого врага — на безликую и нефракционную опасность, на бюрократизм, причем столь же яростно, как это делал десять лет назад Троцкий, осознавший тогда вдруг угрозу, исходящую от «коллективного руководства» страной.

«Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, — провозгласил Сталин, — болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства, функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности, обезличка в работе, ...отсутствие систематической проверки исполнения, боязнь самокритики — вот где источники наших трудностей». Резкую, но, поначалу, довольно общую мысль он уточнил: «Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партийных органов и которые разрушают, таким образом, основание партийно-государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов.

Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением в должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину»¹.

Говоря так, Сталин уже не оставил сомнений у слушателей, у многих из которых, вероятно, пробежал по телу про-

---

¹ Там же. С. 34.

тивный холодок, что он имеет в виду в равной степени руководителей и партийных, и советских, без различия чинов и рангов.

По сути, ту же мысль, хотя и не полностью и несколько отвлеченно, развил Л.М. Каганович в докладе по оргвопросам. В своих построениях он исходил из двух решающих факторов: во-первых, успехов индустриализации, во-вторых, наличия не доставшихся «в наследство» от прошлого, а собственных, воспитанных и обученных за годы советской власти специалистов:

«Шахтинский процесс, как все последующие процессы, — отметил Лазарь Моисеевич, — вскрыл, что многие из наших коммунистов — руководящих работников, не зная техники, не пытаясь овладеть ею (здесь Каганович имел в виду специальное среднее и высшее образование. — А.К.), слепо доверялись этим (старым. — А.К.) специалистам, работали как «комиссары» худшего типа». Ну а теперь положение изменилось, «Советский Союз превратился в страну массового технического образования... Молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы в годы первой пятилетки, составляют более половины всех специалистов»¹.

Потому-то, а также исходя из вполне обоснованного дальнейшего роста как промышленности, так и числа новых специалистов, Каганович объявил об очередной реорганизации структуры партаппарата всех уровней, о переходе в ней к производственно-отраслевому принципу с максимальным использованием коммунистов не с «прошлыми заслугами», а обладающих высшим образованием.

Большинство делегатов съезда, давно привыкших и к поискам очередных «врагов», и ко всевозможным реорганизациям партаппарата и советских органов, похоже, всерьез не оценили ни заявления Сталина о бюрократии, как главном источнике всех трудностей, ни заявления Кагановича о грядущей перестройке руководящих органов с максимальным использованием не коммунистов с «огромными заслугами», а специалистов, толком знающих порученное им дело.

---

¹ Там же.

Большинство, но не подавляющее, о чем говорит тот факт, что почти 300 делегатов, при тайных выборах, проголосовали против избрания Сталина в ЦК. Невиданное дело, но за Сталина было подано меньше голосов, чем за первого секретаря Ленинградского обкома партии С.М. Кирова. 10 февраля 1934 года первый пленум 17-го созыва избрал высшие органы безраздельной партийной власти. Политбюро избрали в том составе, который сложился в декабре 1930 года по окончании XVI съезда партии. В его состав вошли с правом решающего голоса: Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе и Сталин. Кандидатами в члены Политбюро были избраны: Микоян, Петровский, Постышев, Рудзутак и Чубарь. Небольшим изменениям подвергся Секретариат. В него, как и прежде, вошли Сталин, но уже без титула «генеральный», и Каганович, новичками же стали Жданов и Киров.

Положение Сталина в высшем ареопаге власти значительно укрепилось, хотя он ни на минуту не забывал о преподанном ему партноменклатурой «уроке» при выборах членов ЦК ВКП(б).

Сталину было 55 лет — возраст, до которого не «дотянул» великий Ленин, основная жизнь которого прошла под теплым небом «курортной» Швейцарии.

Тем не менее, сверхчеловеческое напряжение, выпавшее на долю «Старика» в революционные годы, годы гражданской войны и послевоенной разрухи, быстро подточили его здоровье, и к 53 годам это уже был практически «живой труп». Сталин свои молодые годы провел в сибирских ссылках и горниле практической революционной деятельности, испытал не меньшее напряжение всех физических и интеллектуальных сил в те же годы, которые подтачивали здоровье «Старика». А чего стоила ему борьба с фантомом «коллективного руководства»? Так что в свои 55 лет это уже был тяжело больной человек, и он прекрасно осознавал, что не вечен, и надо поспешить довести до логического завершения задуманную им реформу сложившейся системы управления Республикой.

Правда, ему предстояло сделать нелегкий выбор из двух зол, и он мог выбрать лично для себя наименьшее из них. То есть, целиком посвятить себя настоящему, ограничиться тем, что есть, и в качестве неформального лидера ЦК ВКП(б) управлять страной на благо сограждан и зависть соседям, работая на признание и популярность среди современников и на искреннее почитание и прославление потомков. Или попытаться совершить невозможное — реорганизацию коллегиальной системы власти в монархическую — самому, в одиночку, полагаясь всецело на собственные силы, талант и твердость характера. Сталин выбрал второй путь. С паразитическим упорством он трижды бросал вызов системе, пережил два ужасных поражения, а третий его натиск на ненавидимые коллегии на полпути прервала смерть.

Первое поражение он потерпел при попытке силовым способом сокрушить партноменклатуру в середине тридцатых годов. Спустя пять лет после окончания (10 февраля 1934 года) XVII съезда партии из 139 человек, включенных в центральный коллегиальный орган (71 член и 68 кандидатов в члены ЦК ВКП(б)), то есть более двух третей, оказались «незаконно репрессированными», попросту говоря, убитыми своими же товарищами коммунистами.

Почему это произошло? Зачем Сталину понадобилось расстреливать партийную элиту, сотни людей, многих из которых он хорошо знал по совместной работе в прошлом, а с кем-то даже дружил? Ради чего столько советских граждан несправедливо, по надуманным обвинениям объявили «врагами народа» и либо поставили к стенке, либо сгноили в лагерях? Ниже приводится объяснение «феномена 37 года», заимствованное из замечательной книги К. Писаренко «Тридцатилетняя война в Политбюро (1929—1953)», изданной в 2006 году:

«Конечно, велико искушение списать те страшные события на эгоизм конкретной персоны — Сталина, честолюбца, идущего к цели (необъятной власти), не разбирая средств. Так проще, да к тому же история богата на примеры подобного рода. Ведь беспринципных, кровавых тиранов всегда хва-

тало, однако, внешнее сходство разных исторических процессов в разных странах еще не означает, что они вызваны торжественными причинами. Например, уже можно считать сложившейся традицией, когда на одну доску ставят сталинский режим в России, гитлеровский фашизм в Германии, а также диктаторские режимы Муссолини в Италии и Франко в Испании.

Действительно, во многом совпадают однопартийные диктатуры (ВКП(б) в СССР, НСДАП в Германии, «Союз борьбы» в Италии, «испанская фаланга» в Испании). Культ вождей (генсека в СССР, фюрера в Германии, дуче в Италии, каудильо в Испании), искоренение оппозиций, всемогущество тайных полиций, идеологические догмы, не подлежащие критике.

На основании вышеперечисленных параллелей делается вывод: тотальный террор обусловлен узкоэгоистическими интересами правящих партийных верхушек, озабоченных сохранением власти в руках своего лидера. Политические режимы Сталина, Гитлера, Муссолини и Франко идентичны по ключевым параметрам. Поэтому именно **партийный эгоизм** повинен в тех бедах, которые выпали на долю немцев, итальянцев, испанцев и советских людей.

Что касается Германии, Италии и Испании, то для них данный вывод вполне верен. А вот для России нет, ибо вне поля зрения исследователей остался один чрезвычайно важный аспект, уникальный для Советской России и не присущий прочим государствам — **принцип коллективного руководства**.

Вспомним, А. Гитлер возглавил Германию 30 января 1933 года в ранге канцлера — официального председателя правительства — согласно указу президента республики П. Гинденбурга. Б. Муссолини назначен премьер-министром Италии 30 октября 1922 года согласно указу короля Виктора-Эмануила III. И президент Гинденбург, и король Виктор-Эмануил после подписания указов добровольно самоустранились от управления государством. Таким образом, монархическая модель власти нисколько не пострадала ни в Германии, ни в Италии: решения, подлежащие исполнению,

по-прежнему принимало одно лицо, ставшее к тому же главой государства в строгом соответствии с очерченной в конституции процедурой.

В Испании в первые месяцы мятежа 1936 года населением на территориях, подконтрольных фалангистам, руководила хунта, то есть коллегия, которая просуществовала всего два с половиной месяца и уже 1 октября 1936 года уступила место монархии — Ф. Франко был официально провозглашен полноправным и единственным главой государства. В других странах с однопартийными системами (Португалия, Польша, Австрия, Венгрия, в Прибалтике и на Балканах) наблюдалась та же картина: коллегиальность либо не вводилась вообще, либо функционировала в течение очень короткого промежутка времени. И только в СССР, практика коллегиального руководства продержалась вплоть до начала 90-х годов XX столетия. Но, благодаря Сталину, начиная с 1925 года, коллегиальное руководство стало медленно оттесняться, а монархический режим возрождаться в виде беспрекословного подчинения партии своему новому харизматическому вождю. К 1934 году эта тенденция восторжествовала окончательно, что и констатировал XVII съезд ВКП(б). Республика Советов обзавелась, наконец-то, «вторым Лениным», после чего коллегиальные заседания Политбюро, Оргбюро, Секретариата и СТО превратились в фикцию. Приблизительно с 1929 года все вопросы решались единолично Сталиным, что благотворно повлияло и на экономическое, и на международное положение СССР после преодоления кризиса, спровоцированного коллективизацией. Эффективность управления улучшилась. Число проблем, рассмотренных главой государства, быстро увеличивалось, нерассмотренных сокращалось. Учитывая тот факт, что страну возглавил талантливый политик, ошибок при принятии решений допускалось меньше, чем могло бы быть при ином раскладе.

Но Сталина, как уже было отмечено, заботило будущее страны, которое не сулило ей ничего хорошего, если не будет окончательно ликвидирована система коллективного руководства. Как ее можно было ликвидировать? Мировая прак-

тика показывает, что есть два пути: демократизация общества с последующим волеизъявлением народа, доверившего управлять республикой монарху (президенту, фюреру, дуче, каудильо, главе государства и т.п.) и военная диктатура, когда к власти приходит диктатор путем военного переворота.

Для СССР в тридцатые годы второй путь был неприемлем, поскольку без харизматического главнокомандующего, которому солдаты и офицеры подчиняются безоговорочно, перед которым преклоняются словно перед кумиром или Богом, ни один полк на столь решительную акцию не поднимется. Но если такой военный вождь у армии будет, она, не задумываясь, разгонит партийных бюрократов, провозгласит его главой государства и гарантирует плавный перевод страны с коллегиальных на монархические «рельсы».

Именно этим путем Франция избавилась от нескольких форм коллегиального руководства в годы Великой французской революции, которые, сменяя друг друга, в кровопролитных схватках, довели страну до последней черты. Пять лет после казни Робеспьера (харизматического вождя) Республика мучительно искала наилучшую форму «равноправного сотрудничества». 27 августа 1794 года Конвент реорганизовал сеть коллегий по отраслевому принципу: отныне финансами заведовал Финансовый Комитет, полицией Комитет Общественной Безопасности и т.д. Всего шестнадцать Комитетов во главе с Комитетом Общественного Спасения из двенадцати человек. Система продержалась чуть более года и едва устояла под напором восстаний парижан в апреле, мае и октябре 1795 года. 3 ноября 1795 года режим изменили: 16 коллегий преобразовали в одну — Директорию из пяти персон, командующих семью министрами, единолично управляющими каждый в собственном ведомстве. Через три с половиной года стало ясно, что и это не выход. Государство вплотную приблизилось к роковой черте, за которой замаячил полный хаос с утратой контроля над провинциями и департаментами. Спасти Францию от анархии могла исключительно реставрация монархии, в каком угодно варианте, наследственном или выборном, не важно. Присутствие в Париже кумира француз-

ской армии, «непобедимого полководца» Н. Бонапарта обеспечило успех заговорщикам. Когда 10 ноября 1799 года (19 брюмера) во дворце Сен-Клу случилась заминка и депутаты Совета Старейшин и Совета Пятисот едва не объявили кандидата в первые консулы вне закона, лишь вмешательство гренадеров Мюрата, защитивших генерала и вышвырнувших на улицу сторонников коллегиальности, предотвратило провал переворота. В итоге, благодаря заступничеству за любимого главкома французских солдат, Франция распрощалась со своим семилетним опытом коллективного руководства и вновь вернулась к монархии — 24 декабря 1799 года де-факто, а 18 мая 1804 года де-юре.

Но в 1934 году Сталин не имел харизмы непобедимого полководца, такой, например, какую имел в начале двадцатых годов Троцкий. Поэтому повторить опыт Н. Бонапарта по вышвыриванию членов ЦК ВКП(б) из залов Большого Кремлевского дворца он не мог. Правда, существовал еще один, третий способ реанимации монархии: внесение на партсъезде в устав поправок, упраздняющих Политбюро, Оргбюро, Секретариат и учреждающих пост **Председателя ЦК ВКП(б)**, которого должен избирать **Центральный Комитет**, а лучше **партийный съезд**, и который обладал бы всеми полномочиями главы государства в течение какого-то конкретного срока (четырёх- или пятилетнего, на худой конец, между съездами) и с **непременным правом переизбрания**. В этом случае апелляция к обществу или армии не понадобилась бы. Реорганизация прошла бы мирно и почти без затруднений. Однако обращению к самому легкому методу реконструкции властной модели препятствовало главное: фанатичная приверженность и убежденность товарищей по партии в эффективности коллегиального принципа решения любых проблем.

Тем более что подавляющее большинство как центральных коллегиальных органов, так и партноменклатуры в республиках, краях и областях прошли горнило Гражданской войны, а в дальнейшем «закалилось» в борьбе с оппортунистами всех мастей в двадцатые годы, и лишить их этой привилегии — управлять всем без всякой ответственности за результаты своей деятельности, можно было только силовым путем.

Да, как бы это было ни прискорбно, только с помощью карательных органов. Страх перед застенками НКВД, и только он, сумел бы парализовать волю членов ЦК к сопротивлению. Страх перед расколом партии из-за активности оппозиционных фракций к 1934 году уже превратил чекистов в покорную машину для голосования. Однако эта машина могла дать сбой, внеси генсек в повестку дня вопрос о снятии с ЦК функций института государственного управления. Для столь радикального шага страх перед расколом партии явно недостаточен. Степень страха членов ЦК надо поднять до животного страха за свою жизнь, чтобы в кульминационный момент они, выбирая между верностью идее (коллегиальности) и жизнью своей, своих жен, детей, родственников, друзей поступились идеей и проголосовали за передачу власти от партии Председателю Совета Народных Комиссаров СССР.

Итак, Сталин задумал «генеральную чистку» сплоченных рядов партноменклатуры, которая вошла в историю страны, как «Сталинский террор». Теперь необходимо было найти удобный повод для развязывания террора. Традиционно считается, что датой начала тотальной чистки партии является 1 декабря 1934 года, то есть день убийства С.М. Кирова ревнивым мужем некоей особы, на которую якобы «положил глаз» похотливый любимец питерцев.

Действительно, если представить убийство на бытовой почве убийством политическим и обвинить в нем лидеров прошлых оппозиций, появится правдоподобное подтверждение тезису о перерождении проигравших битву за власть членов партии из цивилизованных оппонентов в преступное, деструктивное сборище обозленных неудачей заговорщиков и вредителей, которую необходимо вырубить под корень. Ну а дальше по примеру якобинцев включай в список обреченных кого требуется, и уничтожай. Разумеется, кадровый состав НКВД необходимо перетрясти: чекистов из когорты «пламенных революционеров» заменить теми, кто ради чинов и наград готов выбивать из узников признания в шпионаже, диверсиях, планах покушений на советских руководящих работ-

ников. Ведь прямых улик нет, и не будет. Поэтому самооговор превратится в единственное и главное доказательство вины. По мере того как маховик репрессий начнет раскручиваться, атмосфера страха в стране будет усиливаться, ЦК приступит к поэтапному обсуждению законопроектов по конституционной и избирательной реформе. Ну а дальнейшее развитие событий зависит от того, что в каждом члене ЦК возобладает — желание выжить или верность принципу¹.

Возможно, что все так и шло по вышеприведенному сценарию. Но настораживает один, на первый взгляд весьма не приметный факт: совпадение даты убийства Кирова с датой принятия закона «О статусе Специального судебного присутствия Верховного суда СССР» от 1 декабря 1934 года, согласно которому судебные дела по привлечению к ответственности «врагов народа» должны рассматриваться в ускоренном порядке, с почти неизменным приговором — расстрел. То есть, своеобразная «советская гильотина» была сработана еще до убийства С.М. Кирова и включилась в «работу» гораздо раньше, чем прозвучал роковой выстрел в Смольном, когда обманутый муж-«рогоносец» Леонид Николаев нажал на спусковой крючок.

Как выяснится впоследствии, еще в конце 1931-го — начале 1932 года существовал заговор с целью ликвидации Сталина и ближайших к нему соратников. Именно тогда были выявлены и ликвидированы преступные группировки: «дела» Слепкова («школа Бухарина»), Сырцова-Ломинадзе, «право-левой» организации Стэна, группы Рютина, высылка за связь с последней в Минусинск и Томск Зиновьева и Каменева. Считается, что именно тогда возникла сама мысль о физическом устранении вождя. Обычно «Кремлевский заговор» относят к концу 1933-го — началу 1934 года, видя в нем своеобразный отклик на дошедший до Советского Союза призыв Троцкого «убрать Сталина», совершить новую «политическую» революцию, ликвидировав «термидорианскую сталинскую бюрократию».

---

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923—1953). М., 2006. С. 210—216.

К концу 1934 года уже вовсю раскучивалось «Кремлевское дело», вскоре переименованное в «дело Енукидзе», или, как его именовали еще, дело «Клубок». Енукидзе, будучи в то время секретарем президиума ЦИК СССР, попал «под раздачу» в связи с тем, что, будучи ответственным за подготовку проекта новой Конституции СССР, он позволил себе не согласиться с наиболее радикальными планами Сталина по переустройству политической системы страны.

Несомненно, слова Сталина в докладе на XVII съезде партии о возможности использовать парламентаризм и буржуазную демократию оказались далеко не случайными и имели отношение не только к европейским странам. Именно от даты произнесения их, скорее всего, и следует вести отсчет медленно вызревавшей идеи конституционной реформы в СССР. Идеи, которая стала приобретать конкретные черты в мае 1934 года, но поначалу, возможно, мыслилась довольно скромно — всего лишь как внесение «изменений и дополнений» в Основной закон.

Подготовленные А. Енукидзе предложения, которые должны были лечь в основу докладов на всероссийском и всесоюзном съездах Советов, были раскритикованы Сталиным по ряду позиций и прежде всего за то, что Енукидзе предлагал всеобщие выборы считать «открытыми», в то время как Сталин мыслил их «тайными». Сталин перепоручил подготовку проекта постановления ЦИК СССР и его обоснование Молотову в январе 1935 года, а Енукидзе попал в ряды фигурантов «Кремлевского дела». Таким образом, начало первой фазы репрессий, так называемой их «мягкой» фазы, прочно ассоциируется с началом подготовки к принятию новой Конституции СССР, которое состоялось в начале декабря 1935 года (5 декабря — День сталинской Конституции) и новой избирательной системы, предполагающей равные прямые выборы в Верховный Совет СССР с тайным голосованием, которые должны были состояться в декабре 1937 года. Так что эти взаимосвязанные процессы шли параллельно, а совпадение двух «исторических» дат: принятие репрессивного закона и убийство С.М. Кирова — это трагическая случайность.

Тем не менее, с убийством Кирова уже готовая к действию «советская гильотина» заработала во всю мощь. Уже 16 января 1935 года было опубликовано заявление прокуратуры СССР о якобы найденных доказательствах причастности Зиновьева и Каменева к убийству Кирова, они были арестованы буквально через две недели после убийства (16 декабря 1934 года). Через три недели после выстрела в Смольном, центральные газеты СССР опубликовали сообщение «В народном комиссариате внутренних дел». Оно информировало, что предварительное расследование убийства Кирова закончено и дело передано в Военную коллегия Верховного суда СССР.

«Установлено, — отмечалось в сообщении, — что убийство тов. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного «Ленинградского центра...» Мотивами убийства тов. Кирова явилось стремление добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы...»¹.

Первый процесс оказался на редкость непродолжительным. Он начался 28 декабря в 14 час. 20 мин, а завершился в 5 час. 45 мин. 29 декабря. Завершился неизбежным приговором, вынесенным выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР, «за организацию и осуществление убийства тов. Кирова» четырнадцати обвиняемых к расстрелу. Причем не только Николаева — единственного, чья вина была бесспорна, но еще и его бывших товарищей по комсомольской работе, тех самых, кого выявило следствие как просто близких знакомых Николаева.

Сегодня обвинение родных и близких Николаева в прямом соучастии в преступлении невольно напоминает ритуальное жертвоприношение, совершаемое при похоронах племенного вождя. Но в конце декабря 1934 года оно воспринималось совершенно иначе и служило более чем веским доводом в пользу существования террористической подпольной организации, и подготовленного ею заговора.

---

¹ Правда. 1934. 4 декабря.

Тогда в общественном сознании исключалась сама мысль о возможности действий Николаева в одиночку, да еще по каким-то личным мотивам.

Следом за первым процессом прошли еще несколько громких судебных разбирательств. На первом из них, «по делу Зиновьева, Евдокимова, Гертик и других» («Московский центр»), носившем откровенно политическую окраску и состоявшемся 15 января 1935 года, предстало 19 человек, в том числе Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и др., в отношении которых еще три недели тому назад НКВД во всеуслышание заявляло, что в отношении большинства из них «следствие установило отсутствие достаточных данных для придания их суду». Однако теперь эти «данные» отыскивались, да столь весомые, что мера наказания колебалась от десяти лет тюремного заключения (Зиновьеву и трем другим обвиняемым) до пяти (Каменеву и двум его «подельникам»).

Третий официальный процесс, явившийся следствием убийства Кирова, в те же дни проводило Особое совещание. Оно быстро рассмотрело дело 77 человек, из которых 65 были членами партии (их исключили из рядов ВКП(б) только после ареста), а 57 действительно в прошлом являлись активными участниками оппозиции. Более того, именно в данную группу включили таких непримиримых противников политики сталинской группы, как Г.И. Сафаров, П.А. Залуцкий, А.И. Александров, Я.И. Цейтлин, К.С. Соловьев, в прошлом в той или иной степени открыто участвовавших в оппозиции, разделявших взгляды Зиновьева. Вместе с ними попали на скамью подсудимых первая жена Зиновьева — С.Н. Равич, хранитель части зиновьевского архива К.Н. Емельянов, а также чуть ли не все родственники Николаева — его мать М.Т. Николаева, сестры Е.В. Рогачева и А.В. Пантюхина, муж последней В.А. Пантюхин, двоюродный брат Г.В. Васильев, жена брата А.А. Николаева — Максимова.

Подобная пестрота, разноликость группы, представшей перед Особым совещанием, объяснялась, скорее всего, теми трудностями, которые необходимо было преодолеть и следователям, и только что избранному первым секретарем Ле-

нинградского обкома А.А. Жданову, санкционировавшему все аресты. С одной стороны, требовалось изолировать бывших участников оппозиции, а с другой — хоть как-то доказать предъявляемые им обвинения, чего на обычном, даже закрытом суде добиться вряд ли было возможно. Отсюда, несомненно, и та «мягкость» Особого совещания, председателем которого являлся Агранов. Сорок человек приговорили к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, 7 человек — на 4 года, 25 человек — к ссылке на 5 лет, 4 — на 4 года, 1 — на 2 года¹.

Четвертый процесс проходил в Москве 23 января 1935 года, на нем Военная коллегия Верховного суда СССР определила судьбу бывшего руководства УНКВД по Ленинградской области. И, наконец, 26 января 1935 года закрытое постановление Политбюро завершило карательные меры по отношению к зиновьевской оппозиции, зарегистрированной секретно-политическим отделом УНКВД по Ленинградской области. 663 бывших сторонника Зиновьева выслались на 3—4 года на север Сибири и в Якутию, и еще 325 человек переводились из Ленинграда на работу в другие районы страны.

Завершилось дело об убийстве Кирова пятым по счету процессом, информация о котором в то время нигде не появилась. 9 марта 1935 года в Ленинграде выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР «за соучастие в совершеннии Николаевым теракта» приговорила к расстрелу М.П. Драуле, ее сестру О.П. Драуле 1905 г. р., члена ВКП(б) с 1925 года, работавшую секретарем парткома Выборгского дома культуры, и ее мужа Р.М. Кулинера 1903 г. р., члена ВКП(б) с 1923 года, начальника планового отдела треста Ленштамп².

Таким образом, убийство С.М. Кирова послужило мощным «ускорителем» процессов по поиску крамолы и расправы с бывшими оппозиционерами, а также начала «мягкого» варианта террора против партноменклатуры. Всего на пяти процессах приговорили к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на разные сроки — 76 человек, к ссылке — 30

---

¹ Сталинское политбюро 30-х годов. М., 1995. С. 143.

² Там же. М.П. Драуле – жена Л. Николаева.

человек, к высылке — сугубо партийным постановлением — 998 человек. Так как после этих процессов так и не прояснился основной замысел Сталина по ликвидации «коллегиального руководства», историки до сегодняшнего дня связывают их с патологическими чертами характера Сталина, приписывая ему паранойю, постоянный, безумный страх за свою жизнь, власть, судьбу и т.п.

Спустя четыре месяца после громких процессов, связанных непосредственно с убийством Кирова, Пленум ЦК ВКП(б) исключил из членов ЦК и из рядов партии А.С. Енукидзе (с должности снят еще 3 марта 1935 года), якобы «за политическое и бытовое разложение», а фактически за саботирование порученной ему проработки конституционной реформы.

А теперь снова обратимся к сочинению К. Писаренко, в котором, на наш взгляд, достаточно аргументировано описана финальная часть реализации задумки Сталина по окончательному слову системы «коллегиального руководства».

«Ровно через месяц, 7 июля 1935 года на первом заседании Конституционной комиссии Сталин озвучил новую идею: провести помимо избирательной реформы еще и разделение советской власти на две самостоятельные ветви. Спорить с ним никто не осмелился. В итоге в феврале 1936 года проект конституции, предусматривающий введение всеобщих, равных, прямых и тайных выборов, а также учреждение законодательного двухпалатного Верховного Совета и распорядительного Совета Народных Комиссаров СССР во главе с председателем, лег на стол генсека. Тот ознакомился с текстом и 1 марта 1936 года в интервью американскому газетному магнату Р.У. Говарду, опубликованном 5 марта, рискнул высказаться в пользу еще одной новации — **альтернативности выборов, на которые списки кандидатов должны выставлять не только коммунисты, но и прочие общественные беспартийные организации.**

15 мая 1936 года Конституционная комиссия, утвердив проект основного закона, постановила передать его на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК. Но прежде статьи Конституции ожидал фильтр партийного Пленума, намеченного

на 1 июня. И опять мы сталкиваемся с любопытным совпадением. 20 мая Политбюро санкционировало ужесточение наказания сторонникам Троцкого: перевод ссыльных в лагеря с расстрелом наиболее активных почитателей Льва Давыдовича. Вслед за тем, в первый день лета, члены ЦК одобрили обе сталинские реформы — и избирательную, и структурную. Не ставился на голосование единственный пункт — об альтернативности выборов, хотя именно он мог стать рычагом, обеспечивающим не на словах, а на деле передачу власти от партии Председателю СНК СССР и депутатам Верховного Совета СССР. Понятно, почему Сталин поостерегся выносить на суд товарищей сразу и общую концепцию, и способ ее реализации. Ведь порознь преодолевать серьезную преграду легче, чем в паре. В конце концов, истинных большевиков мало волновало, какими будут государственные органы управления и порядок их ротации, лишь бы они по-прежнему отличались декоративностью и целиком зависели от ЦК ВКП(б). А вот любая опасность утраты политического доминирования неприемлема, а альтернативность выборов в Советы — из числа таких опасностей. Поэтому вести ожесточенный бой против нее оппонентам Сталина было целесообразнее путем уступки в менее важном — в вопросе о новой Конституции. Пусть восторжествуют провозглашаемые ею правила территориальных выборов народных депутатов, строгое разграничение полномочий СНК и двух палат, право населения на всеобщее, прямое и тайное голосование. Главное, чтобы не было состязательности, чтобы выдвигался один большевистский кандидат на одно вакантное место. Иначе от выборов к выборам влияние большевистской фракции в парламенте начнет уменьшаться и в какой-то момент сократится до ничтожной величины. Тогда командные высоты в Верховном Совете, в наркоматах займут другие силы, после чего ВКП(б) превратится в партию парламентской оппозиции, распоряжения трех высших коллегий которой — Политбюро, Оргбюро и Секретариата — станут необязательными для исполнения.

Как можно заметить, финал битвы за альтернативность выборов фактически предрешал успех или фиаско пер-

вого натиска Сталина на коллегиальность. Отсюда то пристальное внимание генсека к настроению членов ЦК, не спешивших по доброй воле соревноваться с кем-либо за голоса избирателей. И отсюда же вытекал непреложный вывод: заставить большевиков смириться с альтернативностью могут исключительно тотальные репрессии.

Пока речь шла о теории реформы, таковые не требовались. Сталин прибегал к относительно мягкому средству воздействия — тюремным срокам для сотни-другой приверженцев Каменева, Зиновьева и Троцкого. Теперь же, когда пришла пора подумать о практике реформы, уповать на эффективность ссылок и тюремных камер не стоило. Только расстрелы (и чем массовее, тем лучше) вкуче с лагерным рабством имели реальный шанс пробить брешь в фанатичной преданности ленинской гвардии принципу коллективного руководства. Причем жалеть нельзя никого — ни жен, ни детей, ни родню, ни приятелей, а НКВД должно получить полный карт-бланш на самые изощренные пытки. Потому что без погружения страны в жуткую атмосферу поголовного страха, инстинктивно подталкивающую каждого к автоматическому одобрению всех без разбора инициатив верховного вождя, у членов ЦК согласия на отказ от власти не вырвать.

С осуждения Каменева и Зиновьева 19—23 августа 1936 года маховик массовых репрессий и закрутился. 24 августа шестнадцать участников широко разрекламированного процесса расстреляли. Тогда же стали арестовывать или подвергать травле прочих оппозиционных деятелей 20-х годов, в первую очередь, попадавших в черный список презренных убийц и шпионов — Радека, Пятакова, Муралова, Сокольникова, Рыкова, Бухарина. Бухарина, правда, Коба попытался спасти, отпустив в январе 1936 года за границу в командировку с несомненным намеком: не возвращайся. Но Николай Иванович намека не понял, вернулся и неизбежно угодил под жернова НКВД, которое 26 сентября 1936 года возглавил секретарь ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов, двойной тезка «любимца партии».

Между тем 5 декабря 1936 года VIII Съезд Советов официально утвердил текст новой Конституции, поручив ЦИК

СССР разработать выборное законодательство и назвать дату выборов. Медленно, но неуклонно внешне незаметное противостояние Сталина с ЦК приближалось к кульминации, и посему карательный аппарат поэтапно усиливал давление. 23—29 января 1937 года второй громкий процесс, «процесс семнадцати» — Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольникова и других — приговорил к высшей мере наказания еще ряд видных оппозиционеров (кроме Радека и Сокольникова). Приговор тотчас привели в исполнение. Затем черед дошел до Бухарина с Рыковым, судьбу которых решил одиннадцатидневный Пленум ЦК 23 февраля — 5 марта 1937 года. 27 числа товарищи по партии выдали обоим знаменитых соратников Ленина, кандидатов в члены ЦК, на заклятие. Значит, подчиненные Ежова «трудились» в поте лица не напрасно. Впрочем, Сталин не торопился с вынесением законопроекта на голосование. Продолжал держать паузу. Жданов на том Пленуме лишь пообещал, что выборы пройдут осенью или зимой, что они, безусловно, будут альтернативными. Генсек не хотел рисковать зря, желая ударить наверняка, потому ждал, когда напряжение в обществе от развернувшейся повсеместно охоты на ведьм достигнет оптимальной точки. Наконец, в мае 1937 года вождь осторожно прозондировал подопечных: методом опроса поинтересовался, согласны ли они изгнать из ЦК с десятком неблагонадежных коллег — Кабакова, Рудзутака, Элиаву, Уханова, Гамарника, Тухачевского, Уборевича и Якира. Члены ЦК не возразили, прекрасно понимая, что обрекают восемь человек на смерть.

По-видимому, степень страха поднялась до требуемого уровня и час созыва «исторического» Пленума пробил¹. Об этом говорит тот факт, что все средства массовой информации дружно ополчились на «врагов народа», по стране проходили в массовом порядке собрания трудящихся, требующих сурового наказания «изменникам Родины». Начало широкомасштабной политической акции по преследованию «врагов народа» положила скромная заметка в пять строк

---

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923—1953). М., 2006. С. 217—220.

петитом под рубрикой «Хроника» на последней, шестой полосе «Правды» от 1 июня 1937 года: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник, запутавшийся в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством». А десять дней спустя, появилась главная информация под обычным для таких случаев заголовком «В прокуратуре СССР»:

«Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдмана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путна В.К. рассмотрением закончено и передано в суд.

Указанные выше арестованные обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене Рабоче-крестьянской Красной армии. Следственным материалом установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Гамарника Я.Б. в антигосударственных связях с руководящими кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным органам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Все обвиняемые в предъявляемых им обвинениях признали себя виновными полностью. Рассмотрение этого дела будет проходить сегодня, 11 июня, в закрытом судебном заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. А в заключение указывалось, что «дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года». То есть ускоренно, с почти неизбежным приговором — расстрел.

На следующий, день, но уже под заголовком «В Верховном суде СССР», появилось второе официальное сообщение:

«По оглашении обвинительного заключения на вопрос председательствующего тов. Ульриха, признают ли подсуди-

мые себя виновными в предъявленных им обвинениях, все подсудимые признали себя виновными в указанных выше преступлениях полностью... Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР всех подсудимых... признало виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-крестьянской Красной армии, измене родине и постановило: всех подсудимых, лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского — звания маршала Советского Союза, и приговорить всех к высшей мере уголовного наказания — расстрелу».

Наконец, 13 июня, теперь уже под рубрикой «Хроника», читателей уведомили: «Вчера, 12 июня, приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдмана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путна В.К.»¹.

Таким образом, все обвинения военачальников были сведены исключительно к измене родине и шпионажу. О какой-либо причастности их к попытке кремлевского переворота, о чем столь настойчиво говорил Сталин на заседании Военного совета, не было сказано ни слова. Также, во всяком случае, в опубликованных официальных сообщениях ничего не говорилось и о том, что совсем недавно являлось чуть ли не единственным пунктом обвинения в подобных случаях, — о действительных или мнимых связях подсудимых с бывшей оппозицией, левой или правой, безразлично.

Отныне о чисто политических «преступлениях» перед партией было надолго забыто. Вместо них надежно утвердились иные, антигосударственные: измена, шпионаж. Словом, то, что могло быть предъявлено кому-либо в любой стране, в любое время, вне зависимости от господствующего режима.

Процесс над военными был финальным аккордом намеченного Сталиным, «усмирения» главного коллегиального органа управления — ЦК ВКП(б) и партноменклатуры на местах с целью признания ими процедуры альтернативных выборов в Верховный Совет СССР, намеченных на декабрь 1937 года.

---

¹ Там же. С. 414.

Итак, «исторический» Пленум собрался 23 июня под аккомпанемент газетной шумихи, многие публикации в газетах призывали «беспощадно громить и корчевать троцкистско-правых шпионов». Информация о состоявшемся Пленуме была обнародована лишь в конце июня 1937 года. Официальное сообщение, опубликованное в «Правде» гласило, что на днях в Москве состоялся очередной Пленум ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел проект положения о выборах в Верховный Совет СССР и одобрил его. Далее Пленум рассмотрел вопросы улучшения семян зерновых культур, введения правильных севооборотов и улучшения работы МТС («Правда» 1937, 30 июня).

Долгое время в отечественной историографии работа этого Пленума трактовалась именно так. А что же происходило на нем в самом деле? Об этом рассказывает протокол №10 заседания этого Пленума, так называемый «подлинник», подписанный секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным. До последнего времени он находился в секретариате Сталина, в так называемой «особой папке», и, конечно, был глубоко засекречен. Ныне этот документ доступен для исследователей и приводится ниже полностью.

ПРОТОКОЛ № 10 ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б)

От 23—29 июня 1937 года

(Подлинник)

Присутствовали:

Члены ЦК ВКП(б): Андреев, Бадаев, Бауман, Берия, Бубнов, Варейкис, Ворошилов, Евдокимов, Ежов, Жданов, Зеленский, Иванов, Икрамов, Л. Каганович, М. Каганович, Косарев, С. Косиор, Кржижановский, Криницкий, Крупская, Лебедь, Литвинов, Межлаук, Микоян, Мирзоян, Молотов, Николаева, Носов, Постышев, Пятницкий, Рухимович, Рындин, Сталин, Стецкий, Хатаевич, Хрущев, Чернов, Чубарь, Чувьирин, Эйхе, Яковлев.

Кандидаты в члены ЦК ВКП(б): Багиров, Буденный, Булганин, Булин, Бройдо, Быкин, Вайнберг, Гикало, Гринько, Грядинский, Демченко, Егоров, Еремин, Завенягин, Затонский, Исаев, Калыгина, Каминский, Кульков, Лепя, Лозовский, Любченко,

Марков, Мехлис, Михайлов, Пахомов, Позерн, Поскребышев, Прамнек, Розенгольц, Саркисов, Семенов, Серебровский, Смодин, Стриевский, Угаров, Филатов, Шварц, Юркин.

Члены Ревизионной комиссии: Адорадский, Алексеев, Владимирский, Попов, Реденс, Хлопьянкин, Янсон.

Члены бюро Комиссии партийного контроля: Акулов, Петерс, Ярославский.

Члены бюро Комиссии советского контроля: Беленький, Землячка.

От 23.06.37 года

п.1. О т.т. Алексееве П., Любимове, Сулимове, Курицине, Мусабекове, Осинском и Сидельникове.

От 25.06.37 года

ЦК ВКП(б) выражает политическое недоверие членам ЦК ВКП(б): Алексееву П., Любимову, Сулимову и кандидатам в члены ЦК ВКП(б): Курицину, Мусабекову, Осинскому и Сидельникову и постановляет: исключить из членов ЦК ВКП(б) Алексеева П., Любимова и Сулимова, из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) Курицина, Мусабекова, Осинского и Сидельникова.

От 25.06.37 года

п. 2. Об Антипове, Балицком, Жукове, Кнорине, Лаврентьеве, Лобове, Разумове, Румянцеве, Шеболдаеве, Благонравове, Вегере, Голодеде, Калмановиче, Комарове, Кубяке, Михайлове В., Полянском, Попове Н.Н., Уншлихте, Аронштаме, Крутове.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

За измену партии и Родине и активную контрреволюционную деятельность исключить из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии: Антипова, Балицкого, Жукова, Кнорина, Лаврентьева, Лобова, Разумова, Румянцева, Шеболдаева.

Из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии: Благонравова, Вегера, Голодеда, Калмановича, Комарова, Кубяка, Михайлова В., Полянского, Попова Н.Н. и Уншлихта.

Из состава Контрольной Ревизионной комиссии: Аронштама и Крутова.

Передать дела перечисленных выше лиц в Наркомвнудел.

От 26.06.37 года

п. 3. О Каминском.

Исключить Каминского как не заслуживающего доверия из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии.

От 27.06.37 года

п. 4. О новом избирательном законе (Яковлев).

От 28.06.37 года

п. 5. Об улучшении семян зерновых культур (Яковлев).

От 29.06.37 года

п. 6. О введении правильных севооборотов (Чернов).

п. 7. О мерах улучшения работы МТС (Чернов).

п. 8. О курсах подготовки руководящих партийных кадров (Жданов).

п. 9. О Кодацком, Чудове, Павлуновском и Струппе.

Исключить Чудова и Кодацкого из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии и Павлуновского и Струппе из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии ввиду поступивших неопровержимых данных о причастности их к контрреволюционной группировке.

Опросом членов ЦК ВКП(б) от 31.03—01.04.37 года

1. О Ягоде.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

Ввиду обнаружения антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягода, совершенных в бытность его наркомом внутренних дел, считать необходимым исключение его из партии и ЦК и санкционировать его арест.

Опросом членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) от 17—19.05.37 года

2. О Кабакове.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

На основании имеющихся материалов, в которых член ЦК ВКП(б) Кабаков обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру «правых», исключить Кабакова из состава ЦК ВКП(б) и из партии с передачей его дела в Наркомвнудел.

3. Об Орахелашвили и Элиаве.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

На основании имеющихся материалов, в которых член Контрольной Ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) Орахелашвили и кандидат в члены ЦК ВКП(б) Элиава обвиняются в том, что они знали о контрреволюционной работе Грузинского троцкистского центра, но скрыли это от ЦК, исключить Орахелашвили из состава Контрольной Ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) и из партии и исключить Элиава из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии с высылкой обоих из Москвы.

От 20—22.05.37 года

4. Об Уханове.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

Ввиду того, что по показаниям ряда арестованных участников антисоветской организации «правых» (Ягода, Смирнов А.П., Прокофьев, Карахан, Гибер и др.) член ЦК ВКП(б) Уханов изобличен как активный член контрреволюционного заговора против Советской власти — исключить Уханова из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии и передать его дело органам НКВД.

От 25—26.05.37 года

5. О Тухачевском и Рудзутаке.

На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском Троцкистско-правом заговорщическом

блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, исключить из партии Рудзутака и Тухачевского и передать их дела в наркомвнудел.

От 30.05—01.06.37 года

б. О Якире и Уборевиче.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б): ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском Троцкистско-правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши, исключить их из рядов ВКП(б) и передать их дела в наркомвнудел.

Печать ЦК ВКП(б)

Секретарь ЦК И. Сталин¹

В протоколе заседания Пленума, проходившего с 23 по 29 июня много загадок, и главная из них — чем же занимались члены ЦК, заседая по два раза в день (утреннее и вечернее заседание), с 23 по 26 июня, пока наконец-то дело не дошло до главного — «О новом избирательном законе», с докладом по которому выступил Я.А. Яковлев, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК, председатель комиссии ЦК по разработке проекта закона об избирательной системе СССР. Неужели целых два дня (23 и 24 июня) ушло на то, чтобы обсудить предложения Сталина о выражении политического недоверия трем членам ЦК (П.А. Алексееву — председателю Ленинградского областного совета профсоюзов; И.Е. Любимову — наркому легкой промышленности СССР; Д.Е. Сулимову — главе правительства РСФСР) и четырем кандидатам в члены ЦК (В.И. Курицину — управляющему трестом коммунального оборудования наркомата местной промышленности РСФСР; Г.М. Мусабекову — сопредседателю ЦИК СССР; В.В. Осинскому — председателю Комиссии по оценке урожай-

---

¹ Цит. по: В. Пятницкий. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 56—59.

ности при наркомате заготовок СССР; А.И. Сидельникову — управляющему трестом в Куйбышевской области) и вынести вердикт об исключении их из членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) только лишь 25 июня? В это не верится уже потому, что 25 июня «за измену партии и родине и активную контрреволюционную деятельность» исключены из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии уже девять человек (не будем указывать их должности — Антипов, Балицкий, Жуков, Кнорин, Лаврентьев, Лобов, Разумов, Румянцев, Шеболдаев), из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) десять человек (Благонравов, Вегер, Голодод, Калманович, Комаров, Кубяк, Михайлов, Полянский, Попов Н.Н., Уншлихт) и два человека (Аронштам и Крутов) из состава Контрольной Ревизионной комиссии. Причем дела всех перечисленных лиц (21 человек) переданы в нарковнудел. Еще более загадочно то обстоятельство, что целый день (26 июня) ушел как бы на то, чтобы исключить из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии Г.Н. Каминского — наркома здравоохранения РСФСР, присутствующего на Пленуме. Спрашивается, за что? А как не заслуживающего доверия. Значит в эти четыре дня (23—26 июня) на Пленуме произошло нечто неординарное, что не только не попало в секретный Протокол №10, но даже и не стенографировалась.

В. Пятницкий, написавший книгу о своем отце И.А. Пятницком, присутствовавшем на Пленуме в качестве члена ЦК, разыскал еще один документ, освещающий работу Пленума и также подписанный Сталиным. Из него следует, что Пленум проходил с 23 по 29 июня 1937 года, но заседания Пленума с 23 по 26 июня не стенографировались. Это удостоверяет запись Сталина:

«27 июня — 5-й день заседаний. На утреннем заседании председательствует Молотов, на вечернем Любченко. Заслушивается доклад Яковлева о новом избирательном законе — «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». В прениях по докладу выступили: Любченко, Булганин, Калинин, Григманов, Стецкий, Грядинский, Исаев, Молотов и Шестаков.

28 июня — 6-й день заседаний. Председательствует Андреев. На утреннем заседании выслушивается доклад Яковлева об улучшении семян зерновых культур. В прениях высту-

пили: Быкин, Хатаевич, Горкин, Чернов, Евдокимов, Демченко, Клейнер. На вечернем заседании — доклад Чернова по «введению правильного севооборота». В прениях выступили: Демченко, Косиор, Долбицин, Михайлов, Горкин, Филатов, Икрамов, Буланов, Криницкий.

29 июля — 7-й день заседаний. Председательствует Андреев. Продолжаются прения по докладу Чернова. Выступают: Евдокимов, Ашуров, Варейкис, Юркин, Грядинский, Чернов и Молотов. Заслушивается доклад Чернова о «мерах по улучшению работы МТС». В прениях по докладу выступили: Эйхе, Прамнек и Яковлев.

Далее выступил Жданов с предложением о курсах подготовки руководящих партийных кадров.

Затем слово берет Сталин. Он сообщает о данных, поступивших на Кодацкого, Чудова, Павлуновского и Струпе, и предлагает вывести из состава членов ЦК Кодацкого и Чудова и из состава кандидатов в члены ЦК Павлуновского и Струпе. Пленум голосует «за». Что же касается Пятницкого, то Сталин доложил, что идет проверка, она должна быть на днях закончена, идут передопросы и очные ставки».

И далее:

«По сообщению т. Сталина о Пятницком дано примечание в работе с репликами, выписанными из стенограммы, которая не издавалась. Стенограмму послали т. Сталину на утверждение, и в ней появилось примечание: «Это сообщение сделано т. Сталиным в конце июньского Пленума ЦК ВКП(б) 29.06.37 года».

«Вычеркнуто т. Сталиным, так как не должно войти в стенограмму»¹.

Так чем же занимался Пленум ЦК ВКП(б) в первые дни, то есть с 23 по 26 июня? По версии В. Пятницкого — вот чем:

«23 июня на Пленуме рассматривался вопрос о продлении чрезвычайных полномочий карательному аппарату советской власти — органам НКВД. С докладом по этому вопросу выступил сам «железный нарком» Николай Ежов. Основное внимание в его докладе было акцентировано на том,

---

¹ Там же. С. 59—60.

что органами государственной безопасности раскрыт широко разветвленный заговор бывших военных и партийных советских работников. Усилиями Ежова и его заместителя Фриновского была воссоздана картина грандиозного контрреволюционного правотроцкистского заговора против советской власти. В связи с тем, что срок чрезвычайных полномочий, выданных партией органам НКВД после убийства Кирова истек год назад, Ежов просил Пленум ЦК ВКП(б) продлить эти полномочия на неопределенное время. Он обосновывал это тем, что в стране существует глубоко законспирированное контрреволюционное подполье, страна стоит на пороге новой гражданской войны и только органы государственной безопасности под мудрым руководством И.В. Сталина могут ее предотвратить и окончательно выкорчевать гнездо контрреволюции. После выступления Ежова слово взял Сталин. Он предложил поддержать просьбу Ежова о предоставлении чрезвычайных полномочий НКВД, а присутствующим высказаться по этому вопросу. Далее он поставил вопрос о дальнейшей судьбе деятелей правотроцкистского блока, что и вошло в секретный протокол №10 (п. 1). На вынесение вердикта по последнему вопросу потребовалось несколько минут, чтобы члены ЦК проголосовали «за».

А вот по докладу Н.И. Ежова прения продолжались на вечернем заседании 23 июня и были перенесены на 24 июня. Большинство членов ЦК, и прежде всего, члены Политбюро ЦК поддержали предложение Сталина о продлении чрезвычайных полномочий карательному аппарату и его предложение о физическом уничтожении Бухарина и Рыкова и их соучастников по сфабрикованному делу. Далее В. Пятницкий пишет:

«Все шло по заранее подготовленному сценарию, но вдруг неожиданно для всех диссонансом прозвучало выступление кандидата в члены ЦК ВКП(б) наркома здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминского. Он выступил против предложения Сталина. Каминский привел факты грубейшего нарушения социалистической законности, арестов членов правительства и ЦК без санкции соответствующих органов прокуратуры

и ЦК ВКП(б). «Так мы перестреляем всю партию», — заявил он. Сталин перебил Каминского гневной репликой: «А вы случайно не друзья с этими врагами?» — на что Каминский ответил: «Нет, они мне вовсе не друзья». — «Ну, тогда, значит, и вы одного с ними поля ягода», — сделал вывод Сталин. В тот же день после окончания заседания Каминский был арестован лично начальником ГУГБ НКВД Михаилом Фриновским, сыгравшим позднее зловещую роль и в судьбе моего отца.

Еще большим диссонансом в общем хоре прозвучало выступление члена ЦК ВКП(б) заведующего Политико-административным отделом ЦК ВКП(б) Пятницкого. Отец заявил, что категорически против предоставления органам НКВД чрезвычайных полномочий, и при этом характеризовал Ежова как жестокого и бездушного человека. Он обвинил карательные органы в фабрикации дел и применении недозволённых методов ведения следствия и настаивал на усилении контроля партии над деятельностью органов государственной безопасности, предложив создать для этого специальную компетентную комиссию ЦК ВКП(б). Он также высказался против применения высшей меры наказания Бухарину, Рыкову и другим деятелям так называемого правотроцкистского блока. Он предложил ограничиться исключением их из партии и этим отстранить их от политической деятельности, но сохранить для использования их опыта в народном хозяйстве.

Выступление отца вызвало шок в зале. Для многих оно прозвучало слишком неожиданно. Его знали как одного из создателей партии и верного ученика Ленина, и его слова на партийном форуме, каким был этот Пленум, значили слишком много, ведь он возглавлял Политико-административный отдел ЦК ВКП(б), структуру, призванную контролировать органы советской власти и государственного аппарата.

Казалось бы, в такой обстановке открытая критика режима сталинской диктатуры была невозможна, однако, судя по выступлениям Каминского и Пятницкого, даже к тридцать седьмому году полностью установить свою диктатуру Сталину не удалось»¹.

---

¹ Там же. С. 61—62.

Нельзя не согласиться с данным выводом В. Пятницкого. Действительно, личный авторитет Сталина был непоколебим только в узкой среде его единомышленников, то есть среди членов Политбюро и у некоторых членов ЦК, которые не задумываясь отдавали на заклатание своих товарищей по первому же требованию Сталина. Но для сокрушения «коллективного руководства» этого было недостаточно. И Сталин занес меч над головами тех, кто решительно сопротивлялся задуманному вождем мероприятию «прополки огорода». Вот и на июньском Пленуме это проявилось, прежде всего, в выступлениях Каминского и Пятницкого, которых нельзя было заподозрить в «гуманности» в последние 3 года, когда машина репрессий медленно, но верно набирала обороты.

К сожалению, такой глубокий исследователь «феномена другого Сталина», каким является Ю.Н. Жуков, не поверил в произошедшую метаморфозу с И. Пятницким. Анализируя причину ареста И. Пятницкого 7 июля 1937 года, он, в частности, пишет:

«Нельзя принять и иную, уже современную версию, объясняющую арест Пятницкого тем, что на июньском пленуме он крайне резко выступил против массовых репрессий. Во-первых, на самом пленуме данный вопрос не обсуждался. Во-вторых, невозможно представить себе, что Пятницкий, твердокаменный большевик, почти сорок лет отдавший революционному движению, беззаветно преданный марксизму, идее пролетарской революции, в одночасье и беспричинно кардинально поменял свои взгляды, отрекся от былых убеждений, принципов и стал горячим защитником тех, с кем всегда и бескомпромиссно боролся, — оппозиционеров, бывших, кулаков, «церковников» да вдобавок и уголовников»¹.

Сначала о жуковском «во-первых». Если судить только по официально объявленным повесткам Пленумов ЦК и опубликованных итогах этих форумов, в стране много чего не должно было происходить. Ю. Жукову как никому другому известно, что многие вопросы, и на Политбюро, и на Пленумах ЦК обсуждались без ведения протоколов и стенографирования.

---

¹ Ю. Жуков. Иной Сталин. М., 2008. С. 464.

Многие важные вопросы, особенно в послевоенные годы, решались на «посиделках», проходивших на сталинских дачах, без всяких протоколов. Даже если таковые и велись, в том числе под грифом «секретно», как это было в случае с «Протоколом №10», то и тогда в них регистрировалось далеко не все, откуда и разительные «пробелы» в этом протоколе, видимые невооруженным глазом. А теперь о «во-вторых». По всей видимости, Ю. Жуков знаком с сочинением В. Пятницкого, на которое он ссылается в своей книге. Однако, он уверен, что автор, стараясь обелить своего отца, просто придумал эпизод с выступлением И. Пятницкого на июньском Пленуме и об этом «эзоповым языком» сообщает читателям. Но это совсем не украшает автора с этической точки зрения.

Нет, не придумал все это В. Пятницкий, который, как и всякий порядочный сын, где только можно, выставляет отца с положительной стороны. Но вот в рассказе о выступлении И. Пятницкого на Пленуме он опирается на весьма солидного свидетеля — Лазаря Моисеевича Кагановича, которому не было никакой нужды что-либо сочинять, когда он давал свое интервью уже после смерти Сталина. Причем он рассказывал о тех событиях не самому В. Пятницкому, а совсем другому человеку. Из рассказа Л. Кагановича вырисовывается следующая картина:

«Каганович охарактеризовал И. Пятницкого как очень дельного работника, который, так же как он сам, не принадлежал к этим трепачам-теоретикам, что оба были прекрасными практиками и это в то время было главным.

Каганович сказал о Пятницком, что он был замечательным организатором, хорошо знал свое дело, имея в виду Коминтерн, и пользовался в партии большим авторитетом. Что Пятницкий никогда не колебался в проведении политики партии, ни в каких оппозициях не участвовал ни до революции, ни после нее. Что ему очень доверял Сталин и именно поэтому его и поставили на новое и очень нужное дело: следить за четкостью проведения в жизнь решений партии в органах государственного аппарата. И он, Пятницкий, в короткое время сумел наладить эту работу. Но испытание временем не выдержал, сорвался. И далее пояснил: в 1937 году на

июньском Пленуме ЦК рассматривался вопрос о дальнейшей судьбе правоцентристского блока и, в частности, Бухарина. Сталин настаивал на физическом уничтожении всех представителей правой оппозиции и предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией — с «врагами народа» — и получил полную поддержку. Но вдруг совершенно неожиданно со Сталиным не согласился Пятницкий. Он категорически возражал против физического уничтожения Бухарина, Рыкова и их соратников. Высказался Пятницкий и против предложения Сталина о предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий.

Здесь Каганович пояснил, что в 1937 году отношения Пятницкого с Ежовым и Маленковым очень обострились и ему, Кагановичу, приходилось много разбираться с этими вопросами.

После выступления Пятницкого Сталин прервал заседание Пленума и объявил перерыв. Он собрал некоторых членов Политбюро, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Сталин поручил Молотову, Ворошилову и ему, Кагановичу, уговорить Пятницкого отказаться от своего выступления, и тогда все ему забудется и никогда этого не вспомнят.

Когда они вышли в общий зал и подошли к отцу, передав ему просьбу Сталина взять назад свое заявление, он, Каганович, напомнил ему, что Сталин верит в него как в человека и большевика и ценит его как непревзойденного организатора и повторил опять, что если он возьмет свое заявление назад, то в этом случае оно забудется и о нем никогда вспоминать не будут. Но отец отозвать свое заявление отказался. Тогда Молотов напомнил ему о семье — жене и детях — и посоветовал подумать об их судьбе. Ворошилов напирал на то, что Сталин продолжает верить Пятницкому как человеку и большевику.

На это отец ответил, что он совершенно ясно представляет свою дальнейшую судьбу, но отказаться от этого заявления ему не позволяет совесть коммуниста. Сказал, что его выступление на Пленуме не случайное, а вполне осмысленное действие. Что во имя чистоты и единства партии он готов по-

жертвовать и своей жизнью, и, если в этом будет необходимость, то и жизнью своих детей и жены.

Каганович сказал, что, выслушав все это, они ушли и доложили Сталину о результатах разговора с Пятницким.

В этот день заседание Пленума уже не возобновлялось.

А на следующий день заседание началось с выступления Ежова. Он заявил, что НКВД располагает неопровержимыми данными, что Пятницкий был осведомителем Охранного отделения, и предъявил ему обвинение как старому провокатору царской охранки. И на основе этого Ежов предложил выразить Пятницкому политическое недоверие. Пленум почти единогласно поддержал это предложение Ежова. Против проголосовали только трое, в том числе Крупская и Литвинов, поддержался один. Кто именно, Каганович не помнил, но предположительно назвал Стасову (Стасова не участвовала в работе Пленума, не будучи ни членом ЦК, ни кандидатом в члены ЦК. Возможно, третьим был как раз К.Н. Каминский. — А.К.).

Пленум предоставил И. Пятницкому двухнедельный срок для возможности защиты и опровержения выдвинутого Ежовым обвинения. После этого Пятницкий покинул заседание Пленума»¹.

Однако не прошло и двух недель, как И. Пятницкий был арестован (7 июля), а его семья (жена и два малолетних сына) были высланы из Москвы, а впоследствии также подверглись репрессиям.

Это отступление от основного текста приведено в доказательство того, что ожидало всех представителей высшей партноменклатуры, не согласных «поступиться принципами», то есть добровольно отказаться от ленинского принципа «коллективного руководства».

Вот чем объясняются «пробелы» в секретном протоколе №10. Выступление двух «диссидентов» залихорадило работу Пленума, тем более, как уверяет в своей книге В. Пятницкий, выступающих против предложения Сталина предоставить Ежову чрезвычайные полномочия было более 15 человек, в том числе Чудов, Хатаевич, Любченко и другие.

---

¹ В. Пятницкий. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 63—65.

Документальных источников, которые могли бы подтвердить этот факт, нет, а «свидетельские показания» некоторых лиц, приведенные в книге В. Пятницкого, не участвующих в работе Пленума, не очень надежны. Тем более, что «выступавший» на Пленуме бывший второй секретарь Ленинградского обкома партии, а затем пониженный с назначением председателем Всекопромсовета, член ЦК ВКП(б) М.С. Чудов отсутствует в списке участников Пленума. В какой-то степени это утверждение подкрепляется репрессиями, которым подвергались якобы выступавшие против Сталина:

«Григорий Каминский был арестован сразу после окончания дневного заседания Пленума первым заместителем Ежова Фриновским. По его личному указанию были арестованы почти все участники Пленума, выступившие против Сталина, — уже после вечернего заседания. Только Панасу Любченко, председателю Совнаркома Украины, удалось уйти из Кремля и вернуться домой на Украину. Там он, предвидя свою дальнейшую судьбу, застрелил свою жену, детей и застрелился сам. Хатаевич был арестован в поезде по дороге домой.

Пленум почти единогласно утвердил продление Ежову срок чрезвычайных полномочий «для борьбы с контрреволюцией», а также утвердил смертный приговор Бухарину, Рыкову и их мнимым сообщникам»¹.

Страсти несколько улеглись только на четвертый день работы Пленума, когда 27 июня на трибуну поднялся Я.А. Яковлев и зачитал доклад о новом избирательном законе, который был предварительно рассмотрен специальной комиссией, образованной Политбюро ЦК ВКП(б) еще 26 мая 1937 года и включавшей, естественно, Яковлева, а также председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, секретаря ЦИК СССР И.А. Акулова, правоведов — наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко и прокурора СССР А.Я. Вышинского, заведующего Агитпропом ЦК А.И. Стецкого и председателя правительства Украины П.П. Любченко.

Яковлев начал свое выступление беглым, предельно кратким напоминанием об особенностях новой избиратель-

---

¹ Там же. С. 66.

ной системы. О том, что выборы отныне будут всеобщими, равными, прямыми, тайными. Затем перешел к пятой особенности предлагаемого им проекта закона.

«Конституция СССР, предоставляет каждой общественной организации и обществу трудящихся право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР. Эта статья имеет огромное значение, она внесена по предложению товарища Сталина. Ее цель — развить, расширить демократию... Эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах в советы. На окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать и внести в избирательный бюллетень по соответствующему округу всех без исключения кандидатов в Верховный Совет СССР, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся (выделено мной. — А.К.). Отказ окружных комиссий по выборам в регистрации кандидата в депутаты может быть обжалован в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным. К кандидатам в депутаты не предъявляется никаких особых требований, кроме предъявляемых к любому избирателю... От общественных организаций, выставивших кандидатов, требуется лишь, чтобы они были зарегистрированы в установленном законом порядке и представили протокол собрания или заседания, выдвинувших кандидата, по установленной форме, в избирательную комиссию»¹.

Так, хотя и в предельно завуалированной форме, но с угрожающей ссылкой на Сталина, как автора данного предложения, Яковлев сообщил участникам Пленума об альтернативности предстоящих выборов, о состязательности на них, определяемой тем, что теперь не только партия, но и любая общественная организация, в том числе и ее местные отделения, а также любые собрания граждан будут выставлять собственных кандидатов, да еще ни с кем не согласуя их. Таких кандидатов, которые отвечают не чьему-либо, а действительно только их собственному волеизъявлению. И тут же Яковлев перешел к еще более значимому.

---

¹ Цит. по: Ю. Жуков. Иной Сталин. М., 2008. С. 422—423.

Проект закона, отметил он, предусматривает исключение «всяких попыток исказить результаты голосования и действительную волю трудящихся... Некоторые формальности, введенные этой главой (имеется в виду глава VIII проекта закона. — А.К.), могут показаться некоторым товарищам излишними и даже бюрократическими, но там, где вопрос идет о создании высшего государственного органа, никакая формальность не будет излишней.

Участковая избирательная комиссия, пояснил докладчик, посылает в окружную избирательную комиссию не только протокол голосования, но и оба экземпляра счетных листов на каждого кандидата. Совет депутатов трудящихся обязан хранить избирательные бюллетени вплоть до утверждения мандатов Верховным Советом СССР»¹.

Трудно усомниться, против чьих возможных действий по фальсификации результатов были направлены все перечисленные выше меры. Только первые секретари райкомов, горкомов, обкомов и крайкомов обладали возможностью и неофициальными правами, которые позволили бы в случае острой необходимости подтасовать число поданных за того или иного кандидата голосов. Именно поэтому. Яковлев и подчеркнул для него наиважнейшее:

«Цель — обеспечить точное волеизъявление трудящихся — предусматривает установленное «Положением о выборах в Верховный Совет СССР» право, согласно которому избранным считается только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов. Если ни один из кандидатов на выборах не получит абсолютного большинства голосов, то обязательна (не позднее, чем в двухнедельный срок) перебаллотировка двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов»².

В своем докладе Яковлев коснулся и такой достаточно серьезной проблемы, как наличие в составе советов всех категорий партийных групп:

---

¹ Там же. С. 424.

² Там же. С. 424—425.

«Партгруппы в советах и, в особенности в исполкомах советов зачастую превратились в органы, подменяющие работу советов, в органы, кои все решают, а советам остается лишь проштамповать заранее заготовленное решение... Вывод отсюда: необходимо будет войти на очередной съезд партии с предложением об отмене пункта устава ВКП(б) об организации партгрупп в составе советов и их исполнительных комитетов с тем, чтобы все вопросы работы советов как в части хозяйственного, культурного и политического руководства, так и в части назначения людей обсуждались и решались непосредственно советами и их исполкомами без возложения на коммунистов обязанности голосовать в порядке партдисциплины за то или иное решение через партгруппы, не являющиеся выборными партийными органами»¹.

Так вроде бы неожиданно, чисто случайно возникла — и не где-нибудь, а на пленуме ЦК! — совершенно новая тема — постепенного выхода советов (правда, пока без указания — какого же конкретно уровня) из-под жесткого партийного контроля, превращения их в самостоятельную на деле, а не на словах, ветвь власти.

Еще более неожиданным для собравшихся и настораживающим оказалось следующее. Своеобразное объяснение того, что Яковлев назвал в докладе историческим поворотом, который производит конституция, прозвучало из уст самого Сталина. В самом конце прений, когда речь зашла о поиске наиболее беспристрастной формы подсчета голосов, Иосиф Виссарионович заметил, что на Западе, благодаря многопартийности, такой проблемы нет. И вслед, за тем внезапно бросил в зал весьма странную для подобного собрания фразу: «У нас различных партий нет. К счастью или к несчастью у нас одна партия» (выделено мной. — А.К.). Он предложил поэтому, но лишь как временную меру, использовать для беспристрастного контроля за выборами представителей все тех же существующих общественных организаций, а не ВКП(б), как можно было бы ожи-

---

¹ Там же. С. 427.

дать от секретаря ЦК ВКП(б)¹. Тем самым был брошен открытый вызов партократии.

В тот же день, 27 июня, пленум единодушно поддержал проект нового избирательного закона и утвердил созыв сессии ЦИК СССР для его принятия на 7 июля. Казалось, самое трудное позади, цель достигнута и отныне устранение ВКП(б) с политической арены — вопрос нескольких лет, если не месяцев.

Однако, как вскоре выяснилось, покорность членов ЦК была обманчивой. Контрудар последовал незамедлительно. Девять секретарей обкомов и крайкомов 1-го и 2 июля посетили кабинет Сталина. Особенно долго генсек общался с И.М. Варейкисом (Дальневосточный край) и Д.А. Булатовым (Омская область). В результате Политбюро 2 июля постановило разрешить провинциальным руководителям учреждать судебные тройки (в составе региональных шефа НКВД, прокурора и партийного секретаря), которые обретали право брать под арест и приговаривать к расстрелу возвратившихся из ссылки «кулаков и уголовников», подозреваемых в антисоветской, диверсионной деятельности в колхозах, совхозах, на транспорте и в промышленности.

Сталин, развязавший борьбу с «врагами народа» наверху, не мог проигнорировать настойчивое желание местных партийных лидеров развернуть аналогичную кампанию внизу, в собственных «вотчинах» защищать партию от контрреволюционных элементов, взять на себя часть забот вождя по очистке советского общества от агентов капитализма и прочей сволочи. Не прислушайся Коба к общественному партийному мнению, которое, бесспорно, выражали приходившие к нему на прием персоны, члены ЦК могли обвинить самого генсека в сочувствии и потакании «врагам народа», после чего повернуть против него им же вынутый из ножен репрессивный меч (Выделено мной. — А.К.).

Однако не посетители кабинета Сталина 1 и 2 июля 1937 года были инициаторами создания внесудебных троек для расправы с антисоветскими элементами на местах. «Де-

---

¹ Там же. С. 431.

вятка», по всей вероятности, потребовала распространения на все регионы страны уже принятое Политбюро 28 июня 1937 года решение по Западной Сибири. Действительно, накануне закрытия Пленума ЦК ВКП(б) Политбюро приняло следующее решение:

«1. Признать необходимым применение высшей меры наказания ко всем активистам, принадлежащим к повстанческой организации сосланных кулаков.

2. Для быстрейшего разрешения вопроса создать тройку в составе тов. Миронова (председатель), начальника управления НКВД по Западной Сибири, тов. Баркова, прокурора Западно-Сибирского края и тов. Эйхе, секретаря Западно-Сибирского краевого комитета партии»¹.

Содержание решения, бесспорно, свидетельствует, что оно появилось на свет как реакция на обязательную для таких случаев инициативную записку Р.И. Эйхе. Записку, до сих пор не найденную, но содержание, которой можно реконструировать с большой достоверностью. Скорее всего, ею Эйхе попытался подтвердить и развить мысль, высказанную им еще на февральско-мартовском пленуме. Тогда он безапелляционно заявил: мол, в Западной Сибири существует «немалая группа заядлых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу»². Вполне возможно, Эйхе отметил в записке и то, что не разоблаченная до сих пор полностью некая «повстанческая контрреволюционная организация» угрожает политической стабильности в крае, что особенно опасно в период подготовки и проведения избирательной кампании. И потому, как можно предположить, просил Политбюро санкционировать создание «тройки», наделенной правом выносить смертные приговоры.

Подобное откровенное игнорирование права, презрение к существующей судебной системе, даже основанной на чрезвычайных законах, было присуще Роберту Индриковичу Эйхе издавна, практически всегда сопровождало его деятельность.

---

¹ Там же. С. 433.

² Вопросы истории. 1993. №6. С. 5.

В 1930 году жесткий, волюнтаристский стиль работы Эйхе, слишком наглядно продемонстрировавшего свою предельную некомпетентность, вызвал резкий и открытый протест большой группы ответственных работников Сибири. Однако именно они, а не Роберт Индрикович, были сняты со своих должностей. В 1934 году, в ходе хлебозаготовок, Эйхе истребовал от Политбюро право давать санкцию на высшую меру наказания на подведомственной ему территории в течение двух месяцев — с 19 сентября по 15 ноября¹. Видимо, вспомнив о том, он и обратился с новой просьбой о создании внесудебного, не предусмотренной никакими законами «тройки» — органа, явившегося почти точной копией тех военно-полевых судов, которые царили в стране в период первой русской революции.

Инициативная записка Р.И. Эйхе оказалась тем камушком, который вызвал страшную горную лавину. Три дня спустя, 2 июля, последовало еще одно решение Политбюро, распространившее экстраординарные права, предоставленные поначалу лишь Эйхе, уже на всех без исключения первых секретарей ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов.

«Замечено, — констатировалось в нем, — что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организации и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все

---

¹ О. Хлевнюк. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 134, 228.

же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество, подлежащих высылке»¹.

Легко заметить странную двусмысленность решения. Прежде всего, то, что первых секретарей отнюдь не обязывали создавать «тройки» и брать на учет с помощью сотрудников НКВД возвратившихся из ссылки «кулаков и уголовников». Им только предлагалось, то есть оставлялось на их собственное усмотрение, сделать это или не сделать. Во вторых, в решении Политбюро от 2 июля вполне определенно говорилось о том, что взятых на учет следует разделить на «наиболее враждебных» и «менее активных». И в том, и в другом случае явно подразумевалась отдача на произвол «троек» далеко не всех взятых на учет, а лишь «зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений», а также участников подобного рода действий, несомненно, подлежащих уголовному преследованию. Наконец, вряд ли случайно на столь сложную и потому продолжительную работу отводилось всего пять дней. Безусловно, подразумевалось, что действовать «тройки» будут недолго и лишь по уже существующим в управлении НКВД спискам. (Выделено мной. — А.К.).

Столь же важным является иное. Что же произошло за те три дня, что отделяли два решения? Кто настоял на втором и подготовил его проект?

Поскольку решение от 2 июля безусловно дублирует решение Политбюро от 28 июня, порожденное запиской Эйхе, то правомерно задать и такой вопрос: как же возникла такая взаимосвязь двух решений? Ю. Жуков считает, что: «Есть все основания полагать, что Р.И. Эйхе, обращаясь в Политбюро, действовал не только от себя, в своих интересах. Он выражал требования значительной группы первых секретарей, а может быть, и их абсолютного большинства, настаивая на том, что уже загодя обговорили члены широкого руководства в кулуарах пленума либо вечером после доклада

---

¹ Труд. 1992. 4 июня.

Яковлева и речи Молотова. Трудно отказаться от предположения, что инициативная записка Эйхе являлась неким пробным шаром, способом проверить, пойдет ли сталинская группа им навстречу в данном вопросе и насколько, чтобы в противном случае предпринять адекватные меры. Например, поставить вопрос о дальнейшем пребывании в составе ЦК, в партии Яковлева, Стецкого, а может быть, еще и тех, кто стоял за их спиной, — Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Вышинского и других. Тех, кто не только откровенно угрожал им, членам ЦК, от которых, единственных, и зависели состав Политбюро, Секретариата, Оргбюро, но и продемонстрировал весьма действенный способ борьбы с противниками, заставив пленум всего лишь тремя поднятиями рук сократить численность членов и кандидатов в члены ЦК практически на треть¹.

В пользу этой версии косвенно говорит тот факт, что шестеро из девяти первых секретарей, посетивших Сталина 1-го и 2 июля, а именно: И.М. Варейкис — первый секретарь Дальневосточного крайкома; А.И. Криницкий — первый секретарь Саратовского крайкома; Д.А. Багиров — первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана; Б.А. Семенов — первый секретарь Сталинградского обкома; А.Я. Столяр — первый секретарь Горьковского обкома и Д.А. Булатов — первый секретарь Омского обкома — оказались в числе первых, направивших на утверждения в Москву состав «троек» и число «неблагонадежных», подлежащих расстрелу и высылке.

Таким образом, скорее всего посетители кабинета Сталина 1 и 2 июня, начиная с Варейкиса и Булатова, ультимативно требовали от Сталина наделения всех первых секретарей теми же правами, которые уже обрел руководитель Западно-сибирской партийной организации. При этом могло оказаться и так, что Варейкис и Булатов излагали мнение большинства широкого руководства, а остальные лишь подтверждали это.

Зачем же Эйхе и его коллегам, если требование о проведении массовых репрессий исходило также и от них, вдруг потребовались не когда-либо, а именно в середине 1937 года

---

¹ Ю. Жуков. Иной Сталин. М., 2003. С. 436—437.

столь жесткие, крайние меры? Объяснение пока может быть лишь одно, то, которое исходит из классического положения римского права: «Ищи, кому выгодно». Ну, а широкомасштабные репрессии, да еще направленные против десятков и сотен тысяч крестьян, были выгодны, прежде всего, первым секретарям обкомов и крайкомов. Тем, кто в годы коллективизации воспротивился против себя большую часть населения, которую и составляли колхозники и рабочие совхозов: верующих — бессмысленным закрытием церквей; рабочих и служащих — отвратительной организацией снабжения продовольствием, предметами широкого потребления в годы первой и второй пятилеток с их карточной системой

«Именно местным партийным руководителям, и именно теперь, в ходе всеобщих равных, прямых, тайных, да еще и альтернативных выборов, грозило самое страшное — потеря одного из двух постов, советского, обеспечивавшего им пребывание в широком руководстве, гарантировавшего обладание неограниченной властью. Ведь по сложившейся за истекшее десятилетие практике первые секретари крайкомов и обкомов обязательно избирались сначала депутатами всесоюзных съездов советов, а уже на них и членами ЦИК СССР, как бы подтверждая тем полную и единодушную поддержку всего населения края, области. Потеря же депутатства, теперь уже в Верховном Совете СССР, означала утрату доверия со стороны, как беспартийных, так и членов партии. А в таком случае чуть ли не автоматически мог возникнуть вопрос о дальнейшем пребывании данного первого секретаря и на его основном посту, партийном...

Столь же выгодными массовые репрессии оказывались и для НКВД, карательной в основе организации, существование которой после фактического завершения «разоблачений» и арестов подлинных или мнимых сторонников Троцкого, Зиновьева, Бухарина теряло смысл. И потому вполне возможно, что Ежов, сам выходец из партократии, в недавнем прошлом секретарь Марийского обкома Семипалатинского губкома Казахского крайкома, не утратив чувства корпоративности, легко нашел общий язык с Эйхе, со многими первыми секретарями и согласился с необходимостью как

можно скорее устранить тех, кто непременно проголосовал бы против них, а может быть, и провел бы собственных депутатов.

Если это так, то становится понятным отсутствие Ежова в кремлевском кабинете Сталина 1 и 2 июля. Именно ему, вероятно, и пришлось готовить проект решения Политбюро от 2 июля, которым НКВД отводилась столь существенная, но пока не основная роль — взятие на учет «кулаков и уголовников», иными словами, тех крестьян, которым возвратили избирательные права: разделение их на две группы — подлежащих расстрелу либо высылке; определение места ссылки, вернее — создание многочисленных исправительно-трудовых лагерей в соответствии с нуждами экономики»¹ (Выделено мной. — А.К.).

После появления на свет решения Политбюро от 2 июля, разосланного циркулярно во все крайкомы, обкомы и ЦК нацкомпартий в тот же день, уже не было ничего удивительного в том, как прошли незамедлительно созданные, традиционные и в большой степени рутинные партактивы для обсуждения итогов Июньского пленума, какие резолюции были на них приняты. Первые партактивы провели в Москве и Ленинграде уже 4—5 июля, где не говорили ни о сути и особенностях новой избирательной системы, ни о подготовке агитаторов и пропагандистов к выборам. Внимание было сосредоточено на другом, не имевшем отношения к пленуму, но готовившем членов партии к тому, что должно было неизбежно вскоре произойти.

«Каждый партийный и непартийный большевик, — отмечалось в резолюции московского актива на котором с докладом выступил Н.С. Хрущев, — должен помнить, что враги народа, подонки эксплуататорских классов — японо-германские фашистские агенты, троцкисты, зиновьевцы, правые, эти шпионы, диверсанты и убийцы, будут всячески пытаться использовать выборы для своих вражеских контрреволюционных целей... Разоблачение, выкорчевывание и разгром всех врагов народа являются важнейшим условием успеш-

---

¹ Там же. С. 438—440.

ного проведения выборов в советы, осуществления сталинской конституции и дальнейшего победоносного продвижения нашей страны к коммунизму»¹.

Столь же агрессивной оказалась резолюция, принятая ленинградским партактивом:

«Боевая задача ленинградской партийной организации заключается в том, чтобы выкорчевать до конца из партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций вредителей, шпионов, контрреволюционных троцкистско-зиновьевско-бухаринских выродков и поставить на все участки работы преданных делу социализма воинствующих партийных и беспартийных большевиков, верных сынов партии и родины»².

После столь откровенного призыва превратить выборную кампанию в «охоту на ведьм» не стал удивительным ход четвертой сессии ЦИК СССР седьмого созыва, открывшейся 7 июля 1937 года. На сессии, как и на Пленуме ЦК с докладом о проекте «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» выступил Я.А. Яковлев, повторивший все то, что было им доложено на Пленуме. Прения по докладу Яковлева были своеобразными. Все без исключения выступавшие в прениях, дружно игнорировали суть доклада. Говорили о чем угодно, только не о главной проблеме — альтернативности выборов, но больше всего напирали на угрозы, исходящие якобы от «врагов народа». В этом отношении характерным является выступление вице-президента АН УССР А.Г. Шлихтера, в прошлом видного государственного деятеля, занимавшего посты наркома продовольствия РСФСР и УССР, наркомзема УССР, который с трибуны сессии призывал к пролитию крови:

«Врагам народа, — запугивал он собравшихся в зале, — удалось проникнуть на ответственные участки нашей работы. Мы не сумели разоблачить своевременно всех этих мерзавцев, японо-германских шпионов, диверсантов, троцкистов и прочую сволочь... Такие преступления, как измена Родине, нарушение присяги, переход на сторону врага, — все

---

¹ Правда. 1937. 6 июля.

² Там же. 8 июля.

эти преступления могли бы быть предупреждены своевременно, если бы революционная бдительность была на должной высоте.... Никакой пощады врагам народа!»¹

Столь же откровенно призывал к борьбе «с предателями Родины, врагами народа — троцкистами, бухаринцами и иными двурушниками» многолетний лидер комсомольцев А.В. Косарев. И так все три дня работы высшего законодательного органа страны.

На третий день работы сессия ЦИК СССР единогласно утвердила «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». Новая избирательная система, включая альтернативность, стала законом. Однако массовые репрессии, начавшиеся в те самые дни, сразу превратили его в ничего не значащий листок бумаги.

Таким образом, набравший обороты маховик «большого террора» бумерангом отлетел и попал в зачинщика «малого террора», высветив страшную истину, что в стране постепенно разгорается гражданская война.

Малочисленная команда Сталина, пользуясь служебным положением, отстреливала ряды сторонников коллегиальности. Ну а те в ответ принялись уничтожать потенциальную опору Сталина на грядущих выборах — крестьян, интеллигенцию, недобитых в первую Гражданскую «бывших». Кошмар усугублялся тем, что люди просто не понимали, что творится вокруг, и, следовательно, не знали, как положить конец вакханалии репрессий. Гражданская война протекала в жуткой, извращенной форме. На улицах городов и сел не гремела ружейная пальба, не грохотали пушки, не мчалась конница и не сражалась пехота. Кому пасть смертью храбрых, а кому жить дальше, решалось не в чистом поле, а в тиши кабинетов. Сегодня генсек, посоветовавшись с Молотовым, Ворошиловым, Калининым, Кагановичем, Ждановым, отправлял Ежову перечень именитых большевиков, подлежащих ликвидации. Завтра какой-нибудь секретарь губкома подписывался под списком тысяч нелояльных ВКП(б) обывателей, которых

---

¹ Правда. 1937. 9 июля.

тройка немедленно повелевала либо отвезти в лес и расстрелять, либо стереть в лагерную пыль.

Что примечательно, НКВД устроился в этой войне очень удобно, работая и на наших, и на ваших. Кого прикажет высшее или среднее партийное начальство, не важно, героя революции или обыкновенного трудягу, из того чекисты и выбьют самооговор, после чего прикончат. Похоже, Н. И. Ежову понравилась роль слуги двух господ. Он с готовностью исполнял волю непосредственного хозяина — Сталина. Но с не меньшим энтузиазмом лимитировал число жертв по краям, областям, союзным и автономным республикам, откликаясь на ходатайства обкомов, крайкомов и национальных ЦК. Ежов явно переусердствовал. Сталин подобной гибкости не простит и избавится от такого горе-помощника при первой же возможности.

Естественно, в данной обстановке, обстановке скрытой гражданской войны ни о каких альтернативных выборах в парламент не могло быть и речи. Кто же согласится в том или ином округе противопоставлять себя верному ленинцу, рискуя тут же угодить в разряд подозрительных, с неминуемым в перспективе препровождением в тюремную камеру?! Ясно, что никто.

Что мог сделать Сталин в условиях разразившейся катастрофы? Ничего. Принять новые правила игры и мстить тем, кто сорвал первую попытку упразднения коллегиальной системы. Вот и полетели головы членов ЦК ВКП(б) одна за другой. Варейкиса, Криницкого, Семенова, Гикало (тех, кто спрашивал аудиенции 1 и 2 июля 1937 года) в первую очередь. Однако до середины октября 1937 года генсек не терял надежды организовать в декабре альтернативные выборы. Я.А. Яковлев в конце августа внес на рассмотрение Политбюро образцы бюллетеней и протоколов голосований, изготовленные из расчета участия в выборах по каждому округу нескольких кандидатов в депутаты. Члены Политбюро завизировали их. Далее им надлежало пройти сито Пленума ЦК, намеченного на октябрь.

Смирился Сталин с поражением 10 октября 1937 года на заседании Политбюро. Вечером, после четырехчасового со-

вещания с Андреевым, Ворошиловым, Кагановичем, Калининым, Косиором, Микояном, Молотовым, Чубарем, Ждановым, Ежовым, Мехлисом, Стецким, Яковлевым и Горкиным, он отступил, согласился с необязательностью наличия в бюллетене «параллельных кандидатов». Через сутки, 11—12 октября, на Пленуме поредевший более чем на треть ЦК ВКП(б) праздновал победу: выборы, назначенные им на 12 декабря 1937 года, пройдут под жестким контролем партийных организаций; Верховный Совет СССР, как и ЦИК СССР, будет декоративной структурой. Совнарком СССР во главе с Председателем в принципе тоже. Политбюро — коллегия — останется, как и раньше, высшей правящей инстанцией Союза Советских Социалистических Республик. Что ж, ни расстрелы, ни истязания, ни страдания близких так и не поколебали преданности героев Октября и Гражданской войны главной идее революции — никогда не возвращаться к монархической системе управления Республикой Советов.

Глава 5

ВТОРАЯ ПОПЫТКА И.В. СТАЛИНА ЛИКВИДИРОВАТЬ СИСТЕМУ КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОЙ

Итак, попытка Сталина через альтернативные выборы депутатов Верховного Совета СССР укротить монстра коллегиального руководства страной потерпела фиаско. Сталин понял, что никакие репрессии не сломят железной воли большевиков, размах политических репрессий превзошел все его планы, и угроза выхода их из-под контроля вынудила его отступить.

В январе 1938 года на очередном Пленуме ЦК Сталин попытался уменьшить размах творившегося в регионах произвола. Постановление, принятое членами ЦК, осуждавшее «карьеристов-коммунистов» (читай: секретарей обкомов и крайкомов), старавшихся «перестраховаться при помощи репрессий против членов партии», потребовало прекратить практику преследования рядовых членов ВКП(б) по первому навету. При этом чистка партийной элиты продолжалась. Генсек намеревался истребить всю ленинскую гвардию, уверовавшую в коллективизм, ради чего был устроен третий судебный процесс — Бухарина, Рыкова и иже с ними в марте 1938 года. Однако, как только НКВД исполнила в основном поставленную задачу, 17 ноября 1938 года наркомату постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) запретили «массовые операции по арестам и выселению», судебные тройки ликвидировали, следователей обязали соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса. Через неделю, 24 ноября, Политбюро уволило Ежова с поста наркома внутренних дел, 28 ноября назначив вместо него Л.П. Берия. Наконец, 1 декабря

1938 года Политбюро выпустило второе за месяц постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), касающееся НКВД, «О порядке согласования арестов», которым практически гарантировало неприкосновенность лицам, занимающим высокие должности в Совнаркомах, в законодательных палатах СССР и республик, в РККА и ВМФ, ибо отныне без санкции высшего руководства (фактически И.В. Сталина) наркомат не имел права трогать никого из государственных чиновников среднего и высшего звена. **Взамен высшее руководство, то есть Сталин, желало от подопечных немного — лояльности и профессионализма¹.**

О членах и кандидатах в члены ЦК ВКП(б) речь в постановлении не шла. Значит, поединок с Центральным комитетом не закончен, хотя активная фаза гражданской войны 1 декабря 1938 года и завершилась, перейдя в стадию позиционного противостояния: массовые репрессии сменились выборочными.

Таким образом, первое наступление Сталина против принципа коллективного руководства, достаточно сильно потрясшего партию и значительную часть общества, захлебнулось в буквальном смысле (т.е. кровью). Освободить Общество от диктата партии, реализуемого ЦК ВКП(б) и тремя коллегиями, не удалось. Ждать следующих выборов, которые состоятся через пять лет, не имело смысла по двум причинам. Во-первых, до декабря 1942 года нужно было еще дожить, а досрочный роспуск парламента (Верховного Совета) сталинской конституцией предусмотрен не был. А, во-вторых, риск, что и Центральный комитет нового созыва, избранный XVIII съездом ВКП(б), намеченный на март 1939 года, не согласится добровольно отречься от власти, независимо от отношения каждого члена ЦК к проблеме коллегиальности, был весьма велик. И как следствие этого протеста, произойдет новый конфликт, новая вспышка скрытой или явной гражданской войны, что, конечно же, было возможно, поскольку не все меры по укрощению джинна были использованы.

---

¹ Ю. Жуков. Тайны Кремля. М., 2000. С. 47—49; 75—83.

Тем не менее, некая слабая попытка «укрощения» партийной номенклатуры на съезде была предпринята в форме переоценки роли партии в условиях надвигающейся военной угрозы, и ее места в управлении страной. Наиболее полно суть новой «фазы укрощения» управленческой роли партии раскрыл кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), он же руководитель Ленинградской партийной организации А.А. Жданов. Выступая с докладом по внесению изменений и дополнений в устав партии, он продолжил развитие тезиса, высказанного Сталиным в отчетном докладе 21 марта 1939 года, о реформировании партии в ближайшие десять — пятнадцать лет.

Докладчик прямо заявил, что реформа предполагает отделение партии от государства и такая необходимость диктуется чисто экономическими причинами: «Там, где партийные организации приняли на себя несвойственные им функции руководства хозяйством, подменяя и обезличивая хозяйственные органы, там работа неизбежно попадала в тупик». Именно этим объяснил он все просчеты и неудачи предыдущих пятилетних планов. Рассуждая не о горкомах, обкомах или райкомах, а об аппарате ЦК ВКП(б), отметил: «Производственно-отраслевые отделы ныне не знают, чем им, собственно, надо заниматься, допускают подмену хозорганов, конкурируют с ними, а это порождает обезличку и безответственность в работе»¹. И, не заботясь о том, как отнесется к его предложению партократия, объявил о ликвидации подобных отделов. Всех, кроме (временно) двух: сельскохозяйственного, в силу его сохранявшейся значимости, и школ, так как в стране отсутствовал союзный наркомат просвещения.

Развивая положения, уже высказанные Сталиным в отчетном докладе, Жданов предложил полностью реконструировать структуру партаппарата и построить ее на двух опорах. На Управлении кадров (УК), что в контексте выступления Сталина должно было означать только одно — проведение в жизнь новой политики по отношению к «интеллигенции», вернее, работникам госаппарата, имеющим высшее образование, которых и следовало выдвигать на руководящие

---

¹ Ю. Жуков. Сталин: Тайны власти. М., 2005. С. 32—33.

должности. И не только в гос-, но и в партаппарат, ибо даже среди секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, подметил Жданов, свыше 40 процентов не имели хотя бы среднего образования.

Вторым базисом, на котором отныне предстояло покоиться партаппарату, становилось Управление пропаганды и агитации (УПиА). Оно получало две основные функции — пропаганда и агитация с помощью подконтрольных прессы, радио, издательств, литературы и искусства. А также подготовка в теоретическом плане («коммунистическое воспитание») всей массы партийных и государственных служащих: на годичных курсах переподготовки — низшего кадрового звена, в двухгодичных Ленинских школах — среднего звена, в трехгодичной Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) — резерва для высших руководителей.

Однако основной темой, прозвучавшей в выступлениях делегатов съезда, была угроза войны, о неотвратимости которой говорили и военные (нарком обороны К.Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников, командующий Тихоокеанским флотом Н.Г. Кузнецов, командующий Первой приморской армии Г.М. Штерн и другие) и гражданские (наркомы авиапромышленности М.М. Каганович, судостроительной промышленности И.Ф. Тевосян и другие), проявляя при этом неумеренный оптимизм. Выступающие заверяли и делегатов съезда, и всю страну, что враг будет непременно и сразу же разбит, если попытается напасть. При этом он не сможет пойти дальше границы, а победа будет достигнута на его же территории, причем «малой кровью».

Однако Сталин был далек от эйфории «шапкозакидательства», охватившей не только делегатов съезда, но и страну в целом. Он понимал, что еще нужно многое сделать, чтобы обеспечить победоносный наступательный порыв. Но он видел и другое: только победоносная война поможет ему решить главную задачу всей своей жизни — сокрушить собственную партию, которая является самым главным источником угрозы существованию Страны Советов. Это означало одно — идти по стопам генерала Бонапарта, то есть опираться на закаленную в боях армию, боготворящую своего глав-

нокомандующего. Располагал ли Сталин таким авторитетом у армии в 1938 — начале 1939 года? Ответ, безусловно, отрицательный. «Тем более, что во главе РККА стояла не просто военная каста профессионалов, а стойкие большевики, верившие в коммунизм и коллективизм так же неистово, как и подавляющая часть членов ЦК ВКП(б). Ради очищения армии от них Сталин и подвел в июне 1937 года под расстрельную статью четырех членов Военного Совета при НКО СССР, по совместительству членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.Л. Уборевича и Я.Б. Гамарника, после чего расправился с прочими семьюдесятью двумя из восьмидесяти пяти высших военачальников Красной армии — маршалами, командармами 1-го и 2-го ранга, флагманами 1-го и 2-го ранга, комкорами, комдивами и комбригами (в том числе тремя кандидатами в члены ЦК ВКП(б) — В.К. Блюхером А.И. Егоровым, А.С. Блиновым)¹.

Вакансии заполнялись теми, кого военное ремесло интересовало больше, чем политика. Среди новичков генсек и отыскал своего будущего «Бертье», разгромившего японцев на Халхин-Голе в августе 1939 года, — комкора Г.К. Жукова. Сталин без Жукова, как Бонапарт без Бертье, обойтись никак не мог. Ему требовалось всеми правдами и неправдами в кратчайший срок превратиться в непобедимого полководца, второго Наполеона или Троцкого, чтобы устроить собственное «девятнадцатое брюмера»: под угрозой применения силы предложить ЦК ВКП(б) декретировать передачу всей полноты власти Совету Народных Комиссаров СССР в лице Предсовнаркома И.В. Сталина. Если члены ЦК, как когда-то депутаты Совета Старейшин и Совета Пятисот во Франции, крикнут: «Вне закона!», в кремлевский зал войдут русские «гренадеры» и повторят подвиг своих собратьев — гренадеров маршала Мюрата.

«Чем дивизионный генерал Бонапарт сумел заморозить подчиненных солдат и офицеров? Блестяще проведенной кампанией 1796 года — стремительным освобождением Се-

---

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923—1953. М., 2006. С. 224.

верной Италии от австрийцев, которой военный успех обеспечил талантливый начштаба Л. Бертье, а политический — не менее талантливый руководитель, но посредственный полководец Н. Бонапарт. Таким образом, товарищу Сталину, тоже великолепному управленцу, но плохому генералу, надо что-то от кого-то освободить, воспользовавшись чьим-то военным гением. Вопрос, от кого и что, прояснился уже в 1938 году. По тому, как Англия и Франция умиротворяли А. Гитлера (в марте Австрией, в сентябре Чехословакией), не составляло труда догадаться, что через год-другой Германия проглотит пол-Европы, ежели не больше. Так почему бы России эти пол-Европы не освободить от фашизма?! Что с освобожденными странами делать дальше, покажет время. Главное, авторитет лидера Советского государства — вдохновителя и организатора освободительного похода — взлетит на недостижимую высоту, и он при первом же удобном случае будет вправе вручить ЦК ВКП(б) вышеупомянутый ультиматум»¹.

Хотя делегаты XVIII съезда с вдохновением говорили о боеготовности ВС СССР, но реально в целях подготовки армии к неминуемой схватке с гитлеровской Германией предстояло сделать очень много. Прежде всего — довольно быстро, всего за несколько месяцев, была проведена реорганизация явно негодной системы управления отраслями экономики, напрямую или опосредствованно связанными с производством вооружения и боевой техники.

11 января 1931 года огромный и неповоротливый Наркомат оборонной промышленности (М.М. Каганович) разделили на четыре наркомата, отчетливо выразивших их узкую специализацию: авиационный (НКАП, М.М. Каганович), судостроительной промышленности (НКСП, И.Ф. Тевосян), боеприпасов (НКБ, И.П. Сергеев) и вооружений (НКВ, Б.Л. Ванников).

24 января выделение в самостоятельные наркоматы важнейших отраслей, непосредственно связанных с потребностями вооружения страны, продолжили ликвидацией многоотраслевого Наркомтяжпрома (Л.М. Каганович). Взамен его были созданы наркоматы: топливной промышленности

---

¹ Там же. С. 225.

(Л.М. Каганович), электростанций (М.Г. Первухин), черной металлургии (Ф.А. Меркулов), цветной металлургии (А.И. Самохвалов) и химической промышленности (М.Ф. Денисов). 5 февраля реорганизации подвергся Наркоммаш (В.К. Львов), взамен которого были созданы наркоматы тяжелого (В.А. Малышев), общего (П.И. Паршин) и среднего машиностроения (И.А. Лихачев), в состав которого вошел «танковый» главк (Главспецмаш). Наконец, 12 октября 1939 года был разделен Наркомтоппром на наркоматы нефтяной (Л.М. Каганович) и угольной промышленности (В.В. Вахрушев).

Столь решительные административные меры по реорганизации промышленности страны были незамедлительно подкреплены финансовыми, что немедленно сказалось на снижении уровня благосостояния населения. Не представлялось никакой возможности увеличить производство основных продуктов питания, не расширялся выпуск предметов широкого потребления, сокращались расходы на образование, медицину и культуру.

Расходы на оборону резко возросли еще по одной, весьма серьезной причине: боевая техника, выпускаемая в стране, морально устарела и значительно отставала от лучших образцов, которые были на вооружении германской армии. Гражданская война в Испании помогла установить весьма неприятный факт, что советское авиастроение не только отстает от германского вдвое по общему числу выпускаемых машин, но и производит устаревшие типы боевой техники. Немецкие истребители Me-109Е продемонстрировали полное превосходство над отечественными И-16, а бомбардировщики Ю-87 — над СБ. Там же, в Испании, выявились серьезнейшие конструктивные недостатки советских танков, как легких, так и средних, которые предстояло как можно скорее заменить на новые, принципиально отличные от них типы. Наконец, оккупация Чехословакии поставила под сомнение выполнение фирмой «Шкода» в соответствии с долгосрочным соглашением поставок различных видов пушек, в том числе 76-мм и 85-мм зенитных орудий, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны основой артиллерии ПВО.

Необходимые условия для модернизации старых, создания новых оборонных предприятий обеспечивали как сама организация четырех наркоматов оборонной промышленности, так и финансирование необходимых работ, включая разработку новых видов и типов военной техники.

Возросшее производство боевой техники и вооружений и насыщение армии новейшими их образцами, потребовало не только структурной ее перестройки, но и резкого увеличения численности личного состава для обслуживания боевой техники. В стране развернулась, так называемая «скрытая мобилизация», то есть резкое увеличение численности армии в условиях мирного времени. Началось формирование новых дивизий, бригад, корпусов, армий, образование новых военных округов. Если, например, в августе 1939 года было всего 4 танковых корпуса, то к июню 1941 года их уже было 29. В советской армии не было воздушно-десантных войск, однако к моменту нападения Гитлера было сформировано пять корпусов ВДВ и пять находились в стадии формирования. В 1939 году на территории европейской части СССР не было ни одной армии, были только корпуса. Армий было всего две — Первая и Вторая Краснознаменные, которые дислоцировались на Дальнем Востоке. Когда Гитлер напал на СССР, армий было уже 28, причем 23 из них либо уже находились на западных границах, либо были на пути следования на Запад. А на Дальнем Востоке было «всего» пять армий.

Откуда же шло пополнение личным составом вновь создаваемых соединений и частей, если объявлять открытую мобилизацию было невозможно, поскольку подобная акция означала бы начало войны? Выход был найден, и весьма оригинальный. Необходимо отметить, что для пополнения 1,5-миллионной армии образца 1938 года достаточно было призывать всего лишь одну треть призывного контингента. И вот 19 августа 1939 года было принято решение о созыве 4-й внеочередной сессии Верховного Совета, на которой был принят закон о всеобщей воинской обязанности, который вступил в силу с первого сентября 1939 года.

С вводом нового закона в действие можно было без объявления мобилизации, простым призывом в армию не слу-

живших ранее в ней военнообязанных, увеличить армию с полутора миллионов до пяти с половиной миллионов человек. Спрашивается, откуда взялись эти 4 миллиона призывников? Дело в том, что до 1939 года призывали в армию с 21 года и только одну треть призывного контингента. Согласно новому закону призыву подлежали юноши с 18 лет, а также все те, кто имел раньше отсрочку от призыва. Всего таких набиралось свыше 4 миллионов, которые были разом изъяты из народного хозяйства, т.е. страна лишилась стольких же молодых работников, которых кем-то надо было заменить.

Это, во-первых. А, во-вторых, эти работники превращались в иждивенцев — эту огромную армию нужно было кормить, одевать, размещать и обучать, для чего требовалось строить новые военные городки, жилье для офицеров и младшего командного состава, военные полигоны, танкодромы, авиационные базы и т.п.

Так была осуществлена «скрытая мобилизация», которая коснулась не только собственно самой армии, мобилизация касалась, прежде всего, экономики. Мобилизованы были все ресурсы страны и, прежде всего, трудовые. В 1940 году создаются, так называемые, «Трудовые резервы». Миллионы подростков перешли на казарменное положение в системе ФЗО (фабрично-заводское обучение), будучи прикрепленными к предприятиям ВПК (военно-промышленного комплекса). Было введено платное образование в вузах и старших классах средней школы, при этом со странной для того времени мотивировкой: «В связи с возросшим уровнем жизненного уровня советских людей». «Трудовые резервы» быстро наполнились молодежью, родители которой не могли платить за обучение в старших классах средней школы. А недоучившиеся студенты вузов, за которых не могли платить родители, стали пополнять военные училища по подготовке офицерских кадров, количество которых увеличилось в несколько раз. Подростки проходили производственное обучение в школах ФЗО в течение 2 лет, а затем должны были отработать 4 года на этом же предприятии. А поскольку в то время уже был издан указ, запрещающий переход с одного места рабо-

ты на другое без перевода, то рабочие кадры закреплялись практически навсегда — и никакой утечки рабочей силы.

Так формировались и закреплялись рабочие кадры, но это на предприятиях. А как же сельское хозяйство? Ведь «скрытая мобилизация» касалась, прежде всего, сельской молодежи, которая к тому времени уже осваивала технику. Лучшие танкисты вновь формируемых танковых соединений и частей — это бывшие трактористы, навсегда покинувшие колхозные поля. И тут возникло массовое движение, почин которому дала знаменитая трактористка Паша Ангелина, призвавшая сто тысяч своих подруг сесть на трактор. Почин был подхвачен, осознан, и организационно оформлен — и вместо 100 тысяч было подготовлено свыше двухсот тысяч девушек-трактористок, которые заменили ушедших в армию парней. Женщины не только стали основными тружениками села, они и в промышленных центрах, наряду с подростками, встали к станкам.

Страна фактически перешла в «режим военного времени» за полтора года до вторжения фашистов 22 июня 1941 года. Этот режим предполагал продолжительность рабочей смены — 10 часов, а работу всех предприятий ВПК в две смены. В 1940 году выходит закон, запрещающий менять место работы самостоятельно. Все это означало полную мобилизацию промышленности, то есть перестройку ее на военные рельсы.

Конечно, во всем этом нет ничего удивительного, если бы отсчет мобилизационных мероприятий происходил от момента начала Второй Мировой войны, т.е. с 1 сентября 1939 года, когда Гитлер напал на Польшу. Но есть несколько неопровержимых аргументов, подтверждающих, что Сталин начал подготовку к «освободительной войне» совсем по другой причине. Однако, прежде чем приводить эти факты, нужно сразу же отбросить в сторону «аргументы» В. Суворова о том, что именно Сталин развязал Вторую Мировую войну с целью «советизации» Западной Европы и что для этой цели он «вырастил» Гитлера, послужившего «ледоколом» сложившегося мирового порядка.

У Сталина были иные заботы, он готовил упреждающий удар по Гитлеру по той простой причине, что у него не было другого «инструмента» сокрушить внутреннего врага — «коллективное руководство», кроме как победить в молниеносной войне с врагом внешним. А аргументы в пользу того, что после XVIII съезда Сталин стал готовиться к наступательной войне следующие:

Во-первых, решение о «скрытой мобилизации» как людских, так и производственных ресурсов было принято не после начала Второй мировой войны, а значительно раньше. То, что нарком обороны К.Е. Ворошилов сделал доклад на сессии Верховного Совета о необходимости введения всеобщей воинской обязанности 31 августа, а утром 1 сентября 1939 года, одновременно с нападением немцев на Польшу, эта сессия принимает нужный закон, вовсе не говорит о том, что следствие как бы опередило на несколько часов причину. Решение о созыве сессии было принято, как уже отмечалось выше, 19 августа, но ведь положения самого закона были проработаны гораздо раньше этой даты. И после этого солидные ученые мужи утверждают, что принятие закона это правильное и вполне логичное решение в условиях начавшейся Второй мировой войны.

Гитлер 1 сентября не знал, что он начал Вторую мировую войну, а Сталин, распорядившись 19 августа о созыве внеочередной сессии ВС, знал, что закон о всеобщей воинской обязанности будет приниматься в условиях начавшейся Второй мировой войны. Каково?

3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили Германии «странную» войну, и Гитлер был оглушен этой новостью. Он не рассчитывал на такой поворот. Он во Вторую мировую войну вляпался по глупости. А вот товарищ Ворошилов 31 августа 1939 года уже докладывал народным представителям, что без всеобщей воинской обязанности нам никак не прожить. Пока Гитлер был врагом и людоедом, кое-как без всеобщей перебивались, а тут подписали с ним мир, а сами топоры точим.

В беседе с руководством Коминтерна 7 сентября Сталин так оценил сложившуюся обстановку в связи с нападением

Гитлера на Польшу: «... война идет между двумя группировками капиталистических стран за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран. Гитлер, сам этого не понимая и не желая, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»¹.

Во-вторых, сразу же после XVIII съезда, который следует считать точкой отсчета подготовки Сталина к грядущей освободительной войне против Германии, все «партийные заботы» Сталина как бы отошли в тень и вперед выдвинулись дипломаты и военные. Недаром именно Молотов, правая рука Сталина, 3 мая 1939 года возглавил Народный комиссариат иностранных дел (НКВД). А в Наркомат обороны посылать комиссара не пришлось. Им и без того с 1925 года командовал Ворошилов — левая рука вождя. Ну а военным консультантом при Сталине, пока тот не обратил внимания на Жукова, служил шеф Генштаба Б.М. Шапошников.

Безусловно, пакт о ненападении с Германией, подписанный 23 августа 1939 года, несомненная удача советской дипломатии. Только не стоит считать, что нас побудили пойти на договор опасения войны на два фронта или неготовность к прямому столкновению с немцами после оккупации теми Польши. Во-первых, никакой войны на два фронта быть не могло. Москва с минуты на минуту ожидала доклада Жукова о разгроме японцев, окружение которых в районе Халхин-Гола шло успешно с 20 августа.

А, во-вторых, Гитлер, конечно же, авантюрист, но не до такой степени, чтобы по окончании одной кампании тут же, без перерыва и отдыха для войск, ввязываться в новую. В-третьих, отражать агрессию, особенно с хорошо оборудованных позиций, гораздо легче, чем атаковать, что финны нам и про-

---

¹ Цит. по: В. Бешанов. Шапками закидаем! От красного блиц-крига до танкового погрома 1941 года. М., 2010. С. 23—24.

демонстрировали в декабре 39-го. Так что немцы, подуставшие в боях с поляками, получили бы достойный отпор, если бы рискнули пересечь нашу границу вслед за польской.

«В общем, приглашение Риббентропу в Москву Сталин направил не от плохой, а, наоборот, от хорошей жизни. Инициатива целиком принадлежала Кремлю, и Кремль не замедлил с выбором: позволил Германии захватить Польшу в прибавку к Чехословакии и Австрии, дабы чуть позже подгадать момент и освободить либо все три государства, либо, по крайней мере, два — Польшу и Чехословакию. Кто ж тогда ведал, что Франция с Англией так оконфузятся в 1940 году, «умиротворяют» Гитлера всем континентом, включая саму Францию. Представляете, какой у Сталина возник соблазн — стать избавителем целой Европы. Да, соверши генсек подобное, ЦК, наверное, и разгонять не понадобилось бы. По первому требованию коллегия выкинула бы белый флаг. Что касается насильственной советизации европейских держав, то не стоит обольщаться. Сталин — не Гитлер, прекрасно понимал, к чему приводит экспорт революций, и не стремился никому ничего навязывать. Пример послевоенной Финляндии — яркое тому подтверждение. Захотят освобожденные народы строить социализм — ради бога. Не захотят — дело хозяйское, лишь бы не враждовали с нами. Ссылки на послевоенную историю Восточной Европы — не аргумент, ибо в ту пору случилось повсеместное размежевание на два антагонистических блока, готовых воевать друг с другом. Причем первыми нервы подвели не Восток, а Запад, который в августе 1945 года пригрозил СССР ядерными взрывами в Хиросиме и Нагасаки, а в марте 1946 года устами Черчилля в Фултоне обвинил Россию в экспансионизме и призвал цивилизованный мир объединиться против нее. Естественно, после таких демаршей поневоле соберешь в кулак все, что есть под рукой»¹.

Однако вернемся к факторам, красноречиво подтверждающим истинную причину родившегося у Сталина решения о грядущем «освободительном» походе в Европу. Третьим таким фактором является то, что Сталин сумел не только

---

¹ Там же. С. 226.

всесторонне подготовиться к этому походу, но и предугадал примерный срок начала этого похода.

Действительно, начав «скрытую мобилизацию» и поставив под ружье армию численностью свыше 5 миллионов человек, он не мог не понимать, что всю эту массу людей предстоит отпустить по домам через два года, то есть к сентябрю 1941 года. Или ... до 1 сентября 1941 года он должен был «действовать» армию по ее прямому назначению, то есть вступить в войну.

Возразят. Можно было в законодательном порядке объявить о трехлетней службе и задержать демобилизацию еще на один год, поскольку многие историки считают, что Сталин действительно хотел напасть на Гитлера первым, но ... только летом 1942 года. Однако на такой шаг никакой трезвомыслящий политик никогда не решится. Если солдату, который отслужил два года, отсчитал дни, часы и минуты до «неизбежного дембеля», объявят, что ему предстоит служить еще один год, армия мгновенно рассыплется. Такую армию никакими силами не удержишь, поскольку в мирное время такое просто недопустимо. Это все равно, что бегуну-марафонцу успешно, с напряжением последних сил, сумевшего преодолеть 42 километра и 195 метров, без всякого отдыха предложить пробежать еще ровно половину — что с ним будет? Так что нужно было либо начинать войну летом 1941 года, либо распускать от мобилизованную с таким трудом и громадными материальными затратами армию по домам. И тогда становилось бы совсем непонятным, зачем нужны были невероятные расходы на обучение и содержание этой гигантской армии.

Подтверждением тому, что срок «освободительного похода» был выбран не случайно, служит и тот факт, что в конце 1940 года и в первой половине 1941 года началось массовое перемещение войск из центральных и восточных районов на запад страны, а вернее, ко вновь образовавшейся после «освободительного похода» Красной Армии в Западную Украину, Западную Белоруссию и Бессарабию западной границе СССР.

Современные историки уже не спорят о том, хотел или не хотел Сталин совершить упреждающий удар по группировке гитлеровских войск по другой сторону новой границы, ото-

двинутой на запад на 300 с лишним километров. Спор нынче идет о том, какой день был выбран для начала «молниеносной» войны на «чужой территории» и «малой кровью».

После формирования первого стратегического эшелона в непосредственной близости от границы, вперед двинулись войска второго стратегического эшелона, дата полного сосредоточения которого была четко определена — 10 июля 1941 года. Именно эту дату и считают многие историки началом упреждающего удара Красной Армии. Другие военные историки аргументированно доказывают, что начало наступления, а вернее вторжения Красной Армии должно было наступить в воскресенье 6 июля и не потому, что Сталин любил начинать военные действия именно в воскресенье. Дело в том, что все довоенные учебники по стратегии говорят о том, что ждать сосредоточения второго стратегического эшелона незачем, что многократно подтверждает история военного искусства. С уходом в наступление первого стратегического эшелона второй эшелон займет его место, то есть брошенные казармы, учебные поля, складские помещения для боеприпасов, аэродромы и т.д.

В противном случае ему просто негде было бы сосредотачиваться, кроме как в чистом поле или в лесных массивах. А вот если 6 июля войска первого стратегического эшелона двинутся в наступление, второй эшелон в течение 4 суток полностью сосредоточится, как это и предусматривалось стратегическими планами высшего военного командования.

Нынче это уже не секрет и не стоит «пинать» В. Суворова, что это он все выдумал в своем сочинении «День-М». Вот заместитель начальника Генерального штаба генерал армии Иванов проговаривается, что Гитлеру удалось нас предупредить на две недели. Как это он мог «упредить», если с официальной точки зрения мы готовились к отражению нападения, то есть к обороне? Значит, войска изготовились к обороне, заняли все укрепрайоны, как существующие до переноса границы («линия Сталина»), так и воздвигнутые вдоль новой границы, а Гитлер взял и за две недели нас «упредил». А вот если начало наступления наших войск готовилось на воскресенье

6 июля 1941 года, тогда действительно Гитлер нас предупредил, что и явилось величайшей катастрофой для нашей страны.

Наконец, четвертым фактором, подтверждавшим замысел Сталина об упреждающем ударе по гитлеровским войскам и начале освободительного похода на Запад, является широкомасштабная пропагандистская кампания, охватившая всю страну, о необходимости ведения освободительной войны Советского Союза, которая должна произойти на «чужой территории» и с минимальными потерями «освободителей» — малой кровью. Точку в этой кампании поставил сам Сталин, выступив 5 мая 1941 года на приеме в Кремле, устроенном в честь выпускников Академий Красной армии. В частности, согласно дневниковой записи Г. Димитрова, присутствующего на приеме, Сталин сказал:

«...Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне»¹. И вот, когда один из генералов, присутствующих на приеме (по некоторым данным это был начальник Военной академии имени Фрунзе генерал-лейтенант Хозин), провозгласил тост за мирную Сталинскую внешнюю политику, Сталин взял слово и сказал:

«Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная армия есть со-

---

¹ Цит. по: В. Невжин. Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007. С. 139.

временная армия, а современная армия — армия наступательная»¹.

По воспоминаниям другого участника торжественного приема Э. Муратова этот эпизод выглядел несколько иначе. Якобы генерал Сивков громким басом произнес:

— Товарищи! Предлагаю выпить за мир, за сталинскую политику мира, за творца этой политики, за нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сталин протестующе замахал руками. Гости растерялись. Сталин что-то сказал Тимошенко, который объявил: «Прочит слова товарищ Сталин». Раздались аплодисменты. Сталин жестом предложил всем сесть. Когда в зале стало тихо, он начал свою речь. Он был очень разгневан, немножко заикался, в его речи появился сильный грузинский акцент.

— Этот генерал ничего не понял. Он ничего не понял. Мы, коммунисты, — не пацифисты, мы всегда были против несправедливых войн, империалистических войн за передел мира, за порабощение и эксплуатацию трудящихся. Мы всегда были за справедливые войны за свободу и независимость народов, за революционные войны за освобождение народов от колониального ига, за освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации, за самую справедливую войну в защиту социалистического отечества. Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоеванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина. Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне...»²

И, наконец, последний аргумент в пользу того, что Сталин готовил Красную армию именно к решительному наступлению на гитлеровскую Германию — это сам факт заключения пакта Молотова — Риббентропа и подписания секретного

---

¹ Там же. С. 147.

² Там же. С. 150—151.

протокола о разделе Польши. Если бы Сталин не хотел воевать с Германией, то он должен был сохранять барьер нейтральных государств между Германией и Советским Союзом. Тогда нападения Германии не было бы! Но Сталин с Гитлером вместе разделили Польшу, установилась общая граница между СССР и Германией. Сталин придвинул свои границы к границам Германии везде, где только это было возможно, — от Финляндии до Румынии. То есть, от Ледовитого океана до Черного моря, в результате чего прибалтийские страны: Литва, Латвия, Эстония «добровольно» вошли в состав Советского Союза, дав возможность прямого выхода СССР к акватории Балтийского моря. Это ли не великолепный плацдарм для наступления по линии фронта от Балтийского до Черного моря?

Так что Сталин вряд ли долго раздумывал над тем, освободить Европу от гитлеровского порабощения или нет. Из двух зол — коллективного руководства и войны — наименьшим являлась именно война, причем война победоносная с минимальными потерями со стороны Красной Армии — единственный шанс предотвратить неизбежный (лет через двадцать — тридцать) мощнейший политический кризис, способный разорвать первую страну Советов в клочья. К великому сожалению так и произошло, правда, через 38 лет после смерти Сталина. А посему 15—17 июня 1940 года части РККА оккупировали Прибалтику, 28 июня — Бессарабию, оперативно отреагировав на падение Парижа 14 июня и капитуляцию Франции 22 июня. В итоге Советская армия взяла в полукольцо Восточную Пруссию и оказалась очень близко от румынских нефтепромыслов в Плоешти. Затем в течение года шла интенсивная, неприметная подготовка к вторжению с тем расчетом, чтобы закончить ее к середине июля 1941 года. В январе 1941 года Г.К. Жуков возглавил Генштаб РККА, 4 мая 1941 года И.В. Сталин — Совет Народных Комиссаров СССР. Вот два знаковых события кануна войны. По ним нетрудно расшифровать смысл предстоящей акции: успешная военная операция, спланированная Жуковым, гарантирует Сталину успех при осуществлении важной политической реформы.

Искусной игрой в миролюбие и прямо-таки паническую боязнь войны удалось заморочить голову противнику так,

что немецкая разведка ничего не заподозрила и существенного усиления советских войск, в приграничных районах не обнаружила, несмотря на всю свою активность. Наша же, наоборот, сосредоточение и переброску крупных германских соединений к советско-польскому кордону засекала¹. Теперь Сталину оставалось вычислить, куда реально нацелена эта группировка — на СССР или на английский Ближний Восток. Во втором случае транзит через Польшу — всего лишь отвлекающий маневр немцев, запутывающий и союзника (Сталина), и врага (Черчилля).

Откровенно говоря, главу государства, не замышляющего нападение на соседа, не должно особо волновать, в каком направлении от Буга устремится пехота и танки потенциального соперника — на восток или на юг. Он обязан немедленно распорядиться о приведении всех наличных дивизий и полков около границы в боевую готовность и дать добро на отражение любых попыток пересечения разграничительной линии, как провокационных, так и агрессивных, то есть подготовиться к активной обороне, когда враг у твоих ворот.

Почему Сталин этого не сделал? Невразумительные оправдания о неподготовленности СССР в июне 1941 года к войне, о нехватке нескольких месяцев для выпуска нужного числа танков и самолетов новейших модификаций — смехотворны. Относительно, якобы, нашего желания оттянуть дату объявления войны до 1942 года выше уже говорилось. Многомиллионную армию, вышедшую на старт решительного наступления, уже в сентябре 1941 года нужно было отпустить по домам.

«Сталин, прирожденный политик, хорошо все вышеизложенное знал. Почему же вел себя столь странным образом? Почему всячески уклонялся от уже в июне точно назревшего перевода армий Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Одесского военных округов в режим полной боевой готовности? Потому что угодил в ситуацию, в которую не дай бог кому-либо когда-либо попасть вновь.

---

¹ М. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 301—304, 315—317.

Да, Иосиф Виссарионович, конечно, мог приказать всем без промедления занять оборонительные рубежи. Однако такой приказ тотчас ставил жирный крест на триумфальной освободительной миссии РККА, ибо задуманная им наступательная война мгновенно превращалась в войну оборонительную, то есть затяжную и изматывающую. Сталин же нуждался в войне стремительной, молниеносной. Лишь блицкриг, скоротечное освобождение Европы еще в 1941 году обеспечивало главу советского правительства несусветной славой и колоссальным авторитетом в армии. Оборонительная война непременно обернулась бы отступлением войск пусть и не глубоко, но все же в советский тыл с потерей некоторых городов и селений. Кроме того, оборонительная война на первый план неминуемо выдвинула бы военных, тогда как в освободительном походе доминировали бы, безусловно, политики. К тому же влияние партийных органов на солдат и офицеров, воюющих на своей территории, а не на вражеской, тоже возросло бы. В результате, если наступательную войну выигрывал лично Сталин, гениально предвидевший и добившийся низвержения фашизма, то в оборонительной побеждали все вместе — и Сталин, и народ, и армия, и партия. Значит, армии боготворить было бы некого, и она ничего предпринимать против ЦК ВКП(б) не стала бы.

Но раз так, то отдавать в июне 1941 года приказ о приведении в боевую готовность частей Красной армии нельзя до тех пор, пока предупреждения о скором германском нападении на СССР не получают конкретных и неопровержимых подтверждений. И тут разведка должна хорошенько потрудиться. Причем выяснять разведчикам надо в первую очередь не дату возможной агрессии (каковую в условиях дезинформационной войны разведок разных государств выявить почти нереально), а то, насколько серьезны сборы неприятеля накануне предполагаемого выступления. Учтены ли им те особенности предстоящей кампании (климатические, географические, культурные, дипломатические и т.д.), которые могут осложнить или, напротив, облегчить достижение главной цели — покорения Страны Советов? Когда разведка снабдит

лидера всей совокупностью фактов по интересующей проблеме, тому останется сопоставить информацию чекистов с известным ему характером главы враждебной державы и посмотреть, как сочетается работа по экипировке армии вторжения с нравом предводителя. Если ваш соперник — трезвый, расчетливый человек, то вывод делается один; если он — психически неуравновешенный самодур, склонный к авантюрам, то — совершенно другой»¹.

Советская разведка потрудились хорошо и на стол Сталина регулярно ложились справки о соотношении численности войск, вооружения и боевой техники Красной Армии и немецких войск, в том числе сосредоточенных по обе стороны новой западной границы. Сталин прекрасно знал общеизвестное правило, что нападающая сторона должна иметь, как минимум, полуторократное превосходство над обороняющейся стороной, как по численности задействованных войск, так и по основным видам боевой техники. Каково же было это соотношение по состоянию на 21 июня 1941 года? Ниже приводится соответствующая справка².

СПРАВКА

О наличии войск и основной боевой техники по состоянию на 21.06.1941 г.

	Красная Армия (округл. цифры)	Немцы с сателлитами на западной границе СССР			
		Всего	% к Красн. Армии	Полуторакратное превышение (требуемое)	% наличия к потребленному для наступления
Личный состав	5 млн.	5млн. 500 тыс.	110	7 млн. 500 тыс.	73
	10 млн.		55	15 млн.	37
Танки	19 000	3 300	17	28 500	12
	10 500		33	15 225	22
Самолеты	10 000	3 500	35	15 000	23

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923—1953. М., 2006. С. 228—229.

² Источник: К. Загорецкий. Третья мировая война Сталина. М., 2009. С. 266.

Примечания к таблице:

1) По состоянию на январь 1941 года в Красной Армии насчитывалось 4 207 000 человек. Весной этого же года были призваны еще около 800 000 человек под предлогом военных сборов. В среднем укомплектованность дивизий составляла 50%, то есть после развертывания по планам мобилизации (через неделю-две после ее объявления) численность Красной Армии должна была примерно удвоиться.

К середине 1941 года в сухопутной армии Германии было 208 дивизий. В ее действующей части насчитывалось 3,8 млн. чел., из них 3,3 млн. были развернуты против Советского Союза. (Источник — журнал «Советские архивы», 1991, № 4, статья «РККА накануне войны, новые документы».)

2) На 21.06.1941 в Красной Армии имелось всего 22 600 танков. Из них 19 000 исправных, а у западных границ — 10 150. Из общего количества 7800 танков были модели БТ всех серий. А у западных границ они составляли примерно половину всей группировки.

Пушка у БТ имела калибр 45 мм. По своим боевым качествам этот танк был мощнее немецких танков Т-I, Т-II и может сравниться с Т-III и Т-IV. Кроме того, у западных границ Красная Армия имела 1475 самых новейших танков (Т-34 и КВ-1), а также до сих пор секретное число слегка устаревших настоящих тяжелых танков Т-35. (Источник: Шмелев И. П. «Танки БТ». М., 1993).

По общепринятой классификации танки делятся на три типа по весу, выдерживаемому железнодорожными мостами:

- легкие — до 20 т;
- средние — до 40 т;
- тяжелые — до 60 т.

Все немецкие танки, кроме последних модификаций Т-IV, весили до 20 т и были устаревшими по всем показателям.

Из моделей танков, собранных гитлеровцами у западных границ СССР, было:

1404 — Т-III и Т-IV;

1698 — Т-I и Т-II, а также легкие танки чехословацкого производства 35(t) и 38(t), «35» и «38» — год их создания.

У Т-I пушки не было, а только пулемет.

У Т-II — пушка калибра 20 мм.

Другими словами, непосредственно для прорыва обороны противника у немцев имелось только 1404 своих танка (и некоторое количество чешских), но также устаревших и по своему весу тоже попадающих в категорию легких. Фактически средних, а тем более тяжелых танков в то время в вермахте на вооружении не было!

3) Самолетов новых типов (МиГ-1, МиГ-3 и т.д.) у Красной Армии на западной границе было 1317, что составляло около 18% общей численности сосредоточенных у границы. У немцев также были устаревшие типы самолетов, например, штурмовик Ju-88, у которого в воздухе не убирались шасси (советские солдаты их прозвали «лаптежниками»).

Численность самолетов с обеих сторон по типам

Типы	Советские	Немецкие
Бомбардировщики	3888	945
Пикирующие бомбардировщики и штурмовики	317	340 (+60)
Истребители	4989	1036 (+93)
Другие	723	996
Всего	9917	3470

(Источник: киевский журнал «Авиация и время», 1996 год, № 3. Статья московского автора Д. Хазанова «Вторжение»).

Закключение: легких и устаревших танков у немцев имелось чуть больше, чем в Красной Армии было танков только новейших типов. Но имеет место некоторое преимущество по новейшим самолетам (примерно в 2 раза). А по общему количеству войск и техники Германия (совместно со своими союзниками) имеет от 20 до 40% войск, требуемых для наступления против СССР.

Вывод: напасть на Советский Союз в 1941 году она не может!

Так кому должен был верить Сталин? Генералам, которые готовили подобные справки? Или тем, кто выражал тревогу из-за концентрации у западных границ СССР этих самых от 20 до 40% потребных сил?

Но если общее количество войск и техники гитлеровской Германии, сосредоточенных у границы с Советским Союзом, составляло от 20 до 40% от требуемых для наступления против СССР, то это означает, что концентрация наших войск и техники превосходила от 2,5 до 5 раз немецкие войска. Это ли не великолепное соотношение сил и средств для решительного наступления!?

Кроме того, разведка доносит Сталину, что немецкая армия зимним обмундированием и горючим не запасается; дивизий, сосредоточенных на границе, явно не хватает для продолжительной кампании с обороняющейся стороной и тем более для полномасштабной оккупации обширного советского пространства, подписывать мир или перемирие с Англией во избежание войны на два фронта Германия не торопится.

«И Сталин делает вполне закономерный вывод, что здравомыслящий вождь нации с подобным багажом на верное поражение и гибель собственных солдат не пошлет. Это может сделать только безрассудный авантюрист, и забота Сталина заключалась лишь в том, чтобы узнать, не относится ли Гитлер к подобной категории людей. К сожалению, Сталину не посчастливилось лично познакомиться с Гитлером. В противном случае он быстро бы раскусил своего визави. Однако судить о нраве соперника приходилось по делам, кинохронике и впечатлениям тех, кому повезло встречаться с основателем Третьего рейха (например, Молотова). Увы, кинокадры и беседы с очевидцами оказались плохим подспорьем. По крайней мере, опираясь на них, было трудно высказаться о потенциальном противнике окончательно и однозначно. Зато дела немецкого канцлера говорили сами за себя: от обретения власти 30 января 1933 года до разгрома Франции 22 июня 1940 года — сплошная цепь удач и триумфов, что вроде бы невозможно без ежедневной и кропотливой работы головой, без навыков неплохого психолога, умеющего предугадывать реакцию оппонентов. Следовательно, неблагоприятные отзывы о лидере национал-социалистов и образ из кинорепортажей — результат великолепной актерской игры. Отсюда — три вывода: Гитлер — политик трезвый и расчетливый, без тщательной подготовки на СССР не нападет; сосредото-

чение войск на наших границах — отвлекающий маневр, адресованный англичанам; мы можем спокойно завершать развертывание армий второго эшелона и в день «Х» нанести превентивный удар по немцам.

Вот почему Сталин не вывел приграничные дивизии на оборонительные рубежи, продолжал, маскируя под учебу в летних полевых лагерях, подтягивать к границе резервы и категорически не верил предостережениям о надвигающейся опасности вторжения, намеченного на 22 июня 1941 года. Сталин в те дни думал о будущем, о той более серьезной опасности, нависшей над СССР, чем германское нашествие, которую никто, кроме него, не видел и не хотел видеть. Потому он не мог и не имел права отказаться от своего плана без веских на то оснований. Оснований же таких не было и до четырех часов утра 22 июня 1941 года не появилось.

Только на рассвете рокового воскресенья, когда самолеты люфтваффе принялись бомбить советские города, и немецкие танки, преодолевая разрозненное беспорядочное сопротивление Красной Армии, понеслись к Минску, Иосиф Виссарионович понял, что ошибся. Что Гитлер никакой не политический гений, а безрассудный авантюрист, которому просто фантастически везло до сих пор или за которого до июня 1940 года аналитическую работу выполнял кто-то другой. И не будь у Сталина более коварного врага, чем «коллективное руководство», миллионы красноармейцев давно рассредоточились бы по укрепрайонам и на новой и на старой границах, и в июне-июле без особого напряжения отразили бы первый натиск врага¹.

Полторы недели Сталин хранил молчание, уклоняясь от публичных выступлений. Он пережил сильное потрясение, поняв, что трагически ошибся в своих расчетах. Положение усугубила болезнь горла — обострение хронической ангины, которой он страдал всю свою жизнь. Два или три дня он не появлялся в Кремле из-за болезни, что вызвало всевозможные кривотолки о том, что вождь впал в прострацию, уклоня-

---

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923—1953. М., 2006. С. 229—231.

ется от исполнения своих обязанностей. Поползли слухи, что в Кремле произошел государственный переворот, что Сталин убит и т.п. страшилки. До сегодняшнего дня появляются публикации, с разных точек зрения объясняющих поведение вождя в первые 10 дней после начала войны¹.

Сталин осознавал, что: «... теперь СССР, практически обречен, даже если страна оправится от страшного удара и ценой колоссальных жертв одержит верх над Германией, завершив войну в Берлине, в скором времени она столкнется с еще более суровым и тяжелым испытанием. После его смерти коллегии сотворят свое черное дело, и в какой-то момент вполне благополучная жизнь населения вдруг начнет ухудшаться. Это будет прямым следствием того, что когда-то масса второстепенных проблем не удостоилась внимания трех высших партийных инстанций, разрешилась стихией и, значит, не самым лучшим образом. С течением лет к прежним изъянам прибавятся новые, затем еще, и так узелок за узелком стянутся в огромный клубок, который уже никто не сможет распутать, разве что разрубить. Однажды он и заявит о себе внезапным возникновением какой-либо серьезной проблемы. Спустя некоторое время обнаружится другой сбой, потом произойдет третий, четвертый, пятый... Напряжение в обществе будет нарастать, как снежный ком, и в конечном итоге оно с гневом обрушится на непосредственное «бездарное» руководство, заседающее в верховной коллегии — Политбюро. Раскол на сторонников и противников немедленно переизбрания руководителей породят конфликт, который, быстро преодолев рамки дискуссии, сорвется в бездну ожесточенных вооруженных столкновений. Гражданская война подстегнет процесс суверенизации регионов. Финал трагедии легко прогнозируем: страна либо распадется на мелкие самостоятельные республики, либо ценой большой крови заново соберется безжалостной диктаторской рукой в единое целое. И не важно, какой из двух вариантов возобладает. Интереснее иное: какая форма правления утвердится в конгломерате независимых республик или в авторитарном госу-

---

¹ А. Костин. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. М., 2010.

дарстве, возглавляемом харизматической личностью? Если опять коллегиальный, а не монархический, то самоубийственный механизм включится в очередной раз, чтобы через какое-то время катастрофа повторилась...»¹

Итак, вторая попытка обуздать дьявольское наваждение, преследующее Советскую власть — фантом «коллегиального руководства» страной, потерпела крах. Обе попытки, не избавив советских граждан от опасности, лишь трагически углубили их мытарства. «Миллионы репрессированных, вот-вот пополнят миллионы жертв военного лихолетья. Как еще бороться с проклятой системой, он в те тяжелые дни не ведал. При всем том Сталин понимал, что для подвергнувшегося агрессии извне государства коллегиального типа управления единственная надежда на спасение — наличие в нем харизматического вождя. Только вокруг такого лидера народ сможет сплотиться для отпора врагу. И вождем этим в данный критический момент был он. Значит, ему и брать на себя ответственность за ведение тяжелой войны, оказавшейся столь страшной во многом и по его вине. 3 июля 1941 года Сталин выступил по радио со знаменитой речью, призвав нацию решительно сопротивляться вероломному врагу, объединившись «вокруг партии Ленина-Сталина, вокруг советского правительства». Следовательно, в ближайшие годы проблема ликвидации коллективного руководства приоритетной уже не будет»².

---

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923—1953. М., 2006. С. 231—232.

² Там же.

Глава 6

ГОТОВИЛ ЛИ И. В. СТАЛИН ПРЕЕМНИКОВ?

Великая Отечественная война отсрочила возобновление борьбы с ненавистной системой «коллективного руководства», тем более что с самого ее начала власть вождя стала абсолютной. Сталин, оставаясь главой партии, стал еще и председателем Совнаркома, председателем Государственного Комитета Обороны (ГКО), министром обороны и Верховным Главнокомандующим — короче говоря, абсолютным диктатором. Как в Древнем Риме, в годину тяжких испытаний Сенат выдвигал диктатора на роль спасителя государства, так и «коллективное руководство» выдвинуло Сталина в качестве спасителя отечества, подчинившись всецело воле диктатора. По окончании войны на несколько лет диктаторские полномочия Сталина оставались незыблемыми по двум причинам. Во-первых, несмотря на то, что вместо молниеносной наступательной кампании война стала тяжким испытанием для всего советского народа, тем не менее, Сталин вышел из нее победителем, приобретя статус международно-признанного полководца. Дополнительная харизма генералиссимуса позволила диктатору с неограниченными властными полномочиями мобилизовать партию, весь советский народ на восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Во-вторых, разгоревшаяся после окончания Второй мировой войны «холодная война», начало которой положило «рождение» в Соединенных Штатах атомной бомбы, успешное испытание которой состоялось в Лос-Аламосе 17 июля 1945 года, отняла у Сталина еще шесть лет. Только весной 1951 года, после того как СССР обзавелся собственной атомной бомбой (29 августа 1949 г.) и в ходе Корейского конфликта (1950—

1951 годы), показавшего абсурдность размахивания «ядерной» дубинкой со стороны США, воинствующий пыл американского президента Трумэна был охлажден и Сталин наконец-то смог вернуться к решению главной проблемы.

Все эти десять лет, после краха второй попытки обуздать непокорного «коллективного руководителя» в 1941 году, Сталин ни на минуту не забывал об этой проблеме, тем более, что годы страшной войны — это еще и время, когда к вождю медленно, но верно подкрадывалась старость и одолевали многочисленные недуги. Косвенно о том, что эта проблема постоянно довлела над вождем, можно судить по такому эпизоду военного времени, о котором вспоминала Светлана Аллилуева. В конце октября 1941 года она ненадолго приехала из Куйбышева в Москву повидаться с отцом и, между делом, рассказала ему, что в Куйбышеве организовали специальную школу для эвакуированных детей. «Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: «Как? Специальную школу? — я видела, что он приходит постепенно в ярость. — Ах, вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай!»¹.

Эта вспышка гнева на «проклятую касту», как нельзя более ярко высветила непримиримую позицию вождя по ее уничтожению. Что планировал осуществить Сталин на этот раз после двух неудачных попыток сокрушить монстра: демократическим путем и с помощью армии, то есть путем демократических (альтернативных) выборов и освободительной миссии в Европе? Понятно, что из этих двух неудачных попыток можно было извлечь и положительные уроки, то есть в качестве «оружия» использовать некий симбиоз демократических и авторитарных подходов. С одной стороны, Сталин, как Верховный Главнокомандующий имел теперь неоспоримый авторитет в армии, а, с другой стороны, качественно изменился состав партийной элиты. Это уже была не моно-

---

¹ Цит. по: *Е. Прудникова*. Берия. Последний рыцарь Сталина. СПб., 2006. С. 367.

литная каста большевиков ленинского призыва, которая «не поступилась принципами» даже под страхом смерти. Репрессии 30-х годов выбили большинство старых революционеров, время и война серьезно «почистили» ряды оставшихся адептов коллегиальности. На их места в большинстве случаев пришли «советские господа» — новая «элита» со своими спецдомами, спецшколами, спецмагазинами, специальными лечебными учреждениями и т.п. Жизненные устремления новой элиты решительно отличались от идеалов большевиков 30-х годов, правивших бал в органах коллективного руководства. Е. Прудникова заметила: «Если до войны аппаратчики хотели непременно вести страну по своему, вымечтанному в русских ссылках и европейских кофейнях пути, то после войны их вполне устроила бы возможность оседлать страну и ехать в том направлении, в котором она сама движется. Но ехать, а не идти пешком. И тогда между Сталиным и партией появилась возможность диалога»¹.

Мысль, безусловно, верная, но только лишь с небольшим добавлением, что Сталин решил договариваться с партийной элитой о добровольной сдаче позиций, но договариваться ... с позиции силы. Добиться нужных результатов на переговорах гораздо легче тому, у кого лежит камень за пазухой, либо дубинка в руке, спрятанная за спиной, а еще лучше — пистолет.

Все это у Сталина в послевоенные годы имелось в избытке: во-первых, — полководец, генералиссимус, за спиной которого армия, закаленная в боях и боготворящая своего Верховного Главнокомандующего.

Правда, с Г.К. Жуковым, из которого Сталин всю войну, как мог, лепил образ будущего «Бертье», получалась осечка. «Первый» маршал Победы сам себя возомнил великим полководцем — вторым Бонапартом и его пришлось для начала отправить командовать Одесским военным округом. Надо полагать легко отделался, поскольку ему были предъявлены серьезные обвинения и оргвыводы могли быть куда более серьезными. В ходе следствия по делу Главного маршала

---

¹ Там же. С. 269.

авиации Н.Н. Воронова, последний под пытками «признался», что он состоял в антиправительственном заговоре вместе с Жуковым. Арестованный в мае 1946 года генерал-лейтенант Крюков тоже показал, что он вместе с Жуковым участвовал в антиправительственном заговоре, а также рассказал о присвоении Жуковым трофейного имущества в больших размерах. Так закрутилось дело «о заговоре Жукова». Жуков со дня на день ждал ареста. И Сталин действительно дал команду начальнику своей личной службы контрразведки А. Джуге произвести арест маршала, но тот уговорил его не делать этого, поскольку никакого «заговора Жукова» в природе не существовало. Сталин ограничился разбором «отдельных недостатков» национального героя на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на которое были приглашены все маршалы, в том числе маршалы родов войск.

Открывая заседание, тов. Сталин сказал, что к нему поступило много жалоб на Жукова, который унижает человеческое достоинство подчиненных. В то же время Жуков так зазнался, что заявляет, что все важные операции Великой Отечественной войны разработаны, якобы, им одним лично. В то время как присутствовавшим хорошо известно, что они результат коллективного разума Ставки Верховного Главнокомандующего. Поскольку присутствующие здесь маршалы заявляют, что работать с Жуковым не могут, ЦК ВКП(б) хотел бы знать Ваше мнение, как поступить с товарищем Жуковым.

Присутствовавшие резко критиковали Жукова, в то же время просили ЦК ВКП(б) учесть большие заслуги его в Великой Отечественной войне. Жуков ничего внятного в свое оправдание сказать не смог, чем лишний раз подтвердил справедливость критики в свой адрес.

Расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) единодушно поддержало предложение об освобождении Жукова от должности заместителя Наркома обороны и командующего Сухопутными войсками.

Необходимо отдать должное А. Джуге, который, по существу, спас Жукова от неминуемой расправы, хотя начальник сталинской контрразведки был неважного мнения о «пол-

ководческих» заслугах маршала. Он, например, считал, что Жуков виновен в огромных и неоправданных человеческих жертвах. За один месяц (с 5.12.1941 года по 7.01.1942 года) Западный фронт под командованием Жукова потерял более 260 тыс. человек. В 1945 году в ходе подготовки Висло-Одерской операции Жукову создали огромное преимущество перед противником: в 4 раза в живой силе, в 6 раз — в танках, в 7 раз — в орудиях, в 8 раз — в авиации. Однако потери составили 194 тысячи человек. Особенно Джуга вменял в вину Жукову около 400 тысяч человеческих жизней, которыми Жуков пожертвовал в последние дни войны в ходе Берлинской операции, чтобы войти в историю в качестве полководца, захватившего «фашистское логово».

Серьезный конфликт со Сталиным произошел, по свидетельству самого Джуги, в 1945 году, перед награждением Жукова третьей Золотой Звездой Героя Советского Союза. Выслушав все доводы Джуги против награждения, Сталин их не принял и подписал указ. Однако, когда Сталин предложил Джуге арестовать Жукова, после «разбора полетов» маршала Победы на заседании Высшего Военного Совета, проходившего под председательством Сталина 1 июня 1946 года, Джуга сказал:

— Поздно, товарищ Сталин, Вы сделали его национальным героем. Народ это не поймет¹.

Надо подчеркнуть, что и у Сталина отпала необходимость «использовать» Жукова в роли Л. Бертье. Не в пример Наполеону, он теперь имел сам бесспорную харизму Великого полководца, так что на роль представителя армии в переговорах с высшей партийной элитой о добровольной сдаче позиций «коллегиальности», вполне сгодился другой маршал, правда, не боевой, а «паркетный» — Николай Александрович Булганин. Именно по этой причине Булганин, который по выражению Сталина «сидит на коне, как начальник Военторга», взметнулся на самую вершину карьерной лестницы военно-

---

¹ В. Вахания. Личная секретная служба И.В. Сталина. М., 2004. С. 316—318; 323—324.

служащего, будучи во время войны всего лишь членом Военного совета фронта, то есть «партийным подсматривающим» за командующим фронтом.

Таким образом, в качестве «переговорщиков» по добровольной сдаче позиций коллегальности, была сформирована вполне компетентная «четверка» представителей партийно-государственного Олимпа: Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Переговоры ведутся в тиши Ближней дачи, без протоколов, под видом застольных посиделок, на которые не допускаются даже такие долголетние участники подобных совещаний, как Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов, которые уже «списаны» Сталиным в «партийный архив».

О чем секретничали со Сталиным члены «четверки»? Исследователи до сегодняшнего дня спорят друг с другом по поводу повестки этих совещаний. Наиболее «ходовая» версия — Сталин, будучи больным, отошедшим от активной государственной деятельности «выбирал» себе преемника, предчувствуя свой скорый уход в мир иной. Наиболее глубоко эта версия проработана в сочинениях Е. Прудниковой, которая пришла к однозначному выводу, что Сталин готовил в качестве своего преемника Лаврентия Павловича Берия. Этой же точки зрения придерживается и другой почитатель Берии Сергей Кремлев¹.

Согласно этой версии, Берии должен был достаться пост главы объединенного министерства (МВД и МГБ), чтобы навести «порядок» в запущенных министрами Игнатьевым и Кругловым делах этих ведомств. Подобно тому, как в конце 1938 года он был призван искоренить «ежовщину», так и в марте 1953 года он назначался, чтобы расчистить «авгиевы конюшни» «игнатиевщины». На этот период главой правительства должен стать Маленков, а его первым заместителем все тот же Берия. Сразу поручить пост Председателя правительства Берии не позволяла его национальность — страна, якобы, не «выдержит» правление еще одного грузина. А вот

---

¹ См. например: С. Кремлев. Зачем убили Сталина? М., 2008; Он же. Лучший менеджер XX века. М., 2008.

по прошествии какого-то времени, когда Берия в полную силу проявит свои организаторские способности, он должен еще при жизни Сталина выйти из тени Маленкова и полностью взять власть в свои руки. А куда девать самого Сталина? Он, по мнению С. Кремлева, должен возглавить парламент страны, то есть законодательный орган — Верховный Совет СССР и под своим патронажем «вырастить» достойного преемника. То, что события по передаче власти планировались именно таким образом, подтверждает, якобы, процедура перехода власти в руки соратников Сталина (где-то за несколько часов до смерти), а также фактическое управление страной Берией в течение отведенных ему после смерти Сталина 112 дней. Булганин должен занять пост министра обороны, а Хрущеву доставался Секретариат ЦК ВКП(б) — вот о чем и совещались члены «четверки» со Сталиным вплоть до 28 февраля 1953 года включительно.

Все вроде бы сходится, однако существовал список из 213 элитных персон, подлежащих ликвидации, подготовленный сталинской службой безопасности и врученный ему 12 октября 1952 года. Возглавляли этот список Маленков, Берия, Хрущев и Микоян, но Сталин тогда полагал, что осуществлять акцию по ликвидации «заговорщиков» пока преждевременно. Чтобы «вычислить», когда же это будет «своевременно», нужно хотя бы фрагментарно ознакомиться с аргументацией начальника сталинской контрразведки Александра Джуги по обвинению элиты партноменклатуры страны в неких тяжких грехах и сопоставить ее (аргументацию) с собственными планами Сталина по нанесению третьего, сокрушающего удара по коллегальности — самому опасному врагу, с которым вождь боролся на протяжении 30 лет.

В отношении Л.П. Берии у сталинской службы контрразведки были серьезные подозрения о наличии у него грехов молодости. Во время секретного обыска в служебном кабинете Берии в Москве в середине 1938 года, был обнаружен документ, подтверждающий его службу в мусаватистской контрразведке. В этом документе говорится: «Зачислить Берия Л.П. агентом по наружному наблюдению с месячным окладом в

800 рублей». На папке, в которой находился документ, рукой Берия написано: «Передал мне тов. Багиров 1.XI.1939 г.»¹

Однако, когда А. Джуга доложил об этом Сталину, тот сказал: «Нам это известно. Но Орджоникидзе и Микоян утверждают, что Берия в мусаватистской контрразведке работал по заданию подпольной организации большевиков. Письменно подтвердили это и в заявлениях в комиссию партийного контроля»².

Тем не менее, А. Джуга продолжал подозревать Берия в том, что тот является законспирированным агентом английской разведки, поскольку в смутные годы Гражданской войны мусаватистская контрразведка являлась ее филиалом. Серго Орджоникидзе по вполне понятным причинам подтвердить алиби Берии не мог, а Микояну А. Джуга не доверял, поскольку тот тоже был «на крючке» у Сталина, который частенько иронизировал над «27-м бакинским комиссаром». Подозрения у Джуги вызывал еще и тот факт, что Берия испытывал панический, буквально животный страх перед Сталиным. Достаточно было Сталину сурово взглянуть на Лаврентия Павловича и резко высказать ему свое неудовольствие, чтобы вызвать у Берии ужас. Так, В. Жухрай вспоминает, что в 1950 году Берия явился на прием к Сталину в новом дорогом костюме, что выглядело контрастно по отношению к Сталину, в гардеробе которого после его смерти обнаружили только два костюма, один из которых был парусиновый. Да и у других членов Политбюро также не было принято выделяться обновками. Сталин внимательно осмотрел Берию и сказал: «Хорошо живете, товарищ Берия». Берия смертельно побледнел. На следующий прием Берия появился в явно старом и дешевом костюме³.

А. Джуга был убежден, что подобное поведение Берии вызвано тем, что Сталин все прекрасно знал о мусаватистском прошлом Берии, но ценил его организаторские способности и своей службе безопасности велел неустанно следить

---

¹ В. Вахания. Личная секретная служба И.В. Сталина. М., 2004. С. 384.

² Там же.

³ Там же. С. 385.

за поведением Берии. Джуга также ценил организаторский талант Берии, но сам факт службы в мусаватистской контрразведке вызвали у него подозрения, что британские спецслужбы не упустят возможность, используя компрометирующие материалы, держать под своим контролем столь важную фигуру сталинского окружения. На профессиональном жаргоне контрразведчиков подобная категория агентов именовалась «консервы». Задание было одно: в нужный момент организовать государственный переворот, не обязательно вооруженный, с целью прихода к власти сил, подконтрольных западным государствам и способных повернуть страну с социалистического пути развития.

Постоянно наталкиваясь на нежелание Сталина расстаться с Берией, которого он ценил за уникальные организационные способности, умение организовать работу ученых, прежде всего, по разработке атомной и водородной бомб, сталинская контрразведка делала все возможное для того, чтобы предотвратить негативные последствия враждебной деятельности Берии. Дело дошло до того, что А. Джуга пытался ликвидировать Берию самостоятельно, разработав операцию, имитирующую его самоубийство. Операция сорвалась. Узнав об этом, Сталин приказал вызвать к нему ее организатора. В. Жухрай вспоминал:

— Как ты посмел без моего разрешения, — гневно заговорил Сталин, — решиться на ликвидацию Берии, да еще таким бандитским способом? Неужели ты действительно не понимаешь, что членов Политбюро нельзя ликвидировать без суда, да еще на основании только подозрений? Ведь у тебя нет ни одного веского факта, который подтверждал бы измену Берии. Разве ты забыл, что именно под руководством Берии создана атомная бомба?

— Под вашим руководством, товарищ Сталин, — возразил Джуга.

— Не имеет значения, — продолжал Сталин, — все равно вклад Берии в создание атомной бомбы очень большой. Если Берия действительно виноват, его будет судить Военная коллегия Верховного суда.

И, не желая выслушивать оправданий и возражений Джуги, сделавшего было попытку что-то еще сказать, Сталин закончил:

— Одним словом, я отстраняю тебя от работы, не показываясь мне на глаза, но из Москвы не отлучайся¹.

Тем не менее, когда в середине 1951 года начало раскрываться «Мингрельское дело», на очередном донесении сталинской контрразведки о возможной причастности Берии к заговору грузинских сепаратистов, Сталин оставил такую резолюцию: «Товарищ Джуга! Ищите большого мингрела». И Джуга активно «искал», но не найдя прямых улик причастности Берии к «Мингрельскому делу», он категорически требовал арестовать Берию, как затаившегося английского шпиона. На очередном донесении Джуги Сталин наложил резолюцию: «Арестовывать Берию, поскольку он успешно работает над созданием водородной бомбы, пока что преждевременно, продолжайте его разрабатывать, не спускайте с него глаз...»²

Таким образом, Сталин, активно используя несомненный организаторский талант Лаврентия Павловича, создал ему условия работы, аналогичные тем условиям, в которых трудилась многочисленная когорта ученых и конструкторов в так называемых «шарашках», где создавались шедевры боевой техники и вооружений, и откуда не могла просочиться секретная информация. Так что Сталин не мог допустить даже мысли, чтобы оставить «наследником дел своих» Берию, требовавшего постоянного контроля со стороны его секретной службы безопасности. Да и последовавшие после смерти Сталина события подтвердили опасения Сталина, что нельзя оставлять без постоянного контроля деятельность Берии. Он оказался одним из самых активных разрушителей управленческой структуры, созданной Сталиным для борьбы с коллегальностью, воссоздавая Политбюро в прежнем варианте и выдвигая на пост главы правительства Г.М. Маленкова.

А его бурную деятельность в течение 112 дней многие исследователи расценивают как предтечу горбачевской пе-

---

¹ Там же. С. 405.

² Там же. С. 395.

рестройки. В частности, об этом писал и сын Л.П. Берии Серго Берия.

Мог ли стать преемником Сталина Георгий Максимилианович Маленков, фамилия которого значится на первом месте в «списке 213-ти»? После войны Маленков был снят с поста второго секретаря ЦК ВКП(б) и направлен в длительную командировку в Казахстан. Дело в том, что А. Джуга доложил Сталину, что при негласной проверке кабинета Берии в конце марта 1947 года служба сталинской контрразведки обнаружила в одном из сейфов рукописное заявление бывшего Наркома НКВД СССР Ежова, полученное Берией при допросе Ежова в Сухановской тюрьме. В этом заявлении Ежов утверждает, что Маленков враг, скрытый троцкист — агент Нью-Йоркского антисоветского центра. Это заявление Ежова от тов. Сталина утаили. По резолюции Сталина Маленков с этого момента находился в активной разработке секретной службы контрразведки.

Вопреки резким протестам генерала Джуги в 1948 году Маленков возвращен Сталиным из фактической ссылки в Казахстан и назначен вновь секретарем ЦК ВКП(б) и руководителем Оргбюро ЦК ВКП(б), отвечающего за кадровую политику, а вскоре получил право подписи за товарища Сталина.

Джуга со свойственной ему резкостью говорил Сталину, что вновь назначая Маленкова в ЦК партии, он совершает большую ошибку. «Этот дворянчик, — говорил Джуга о Маленкове, — скрытый антисоветчик и я верю, как утверждал Ежов на допросе его в Сухановской тюрьме, что он агент иностранной разведки. Эта старая баба Маланья, — так Джуга презрительно называл Маленкова, — еще себя покажет»¹.

Все приватные разговоры между членами Политбюро прослушивались личной службой контрразведки Сталина. В частности, Джуга докладывал Сталину о следующих разговорах.

Между Л.П. Берией и Н.С. Хрущевым от 12 декабря 1949.

Берия: «Слушай — Маленков безвольный человек. Вообще козел, но может внезапно прыгнуть, если его не придержать. Поэтому я его и держу, хожу с ним»

---

¹ Там же. С. 340.

Между Хрущевым и Маленковым от 18 октября 1952 года.

Хрущев: «Удивляюсь, неужели ты не видишь и не понимаешь, как Берия относится к тебе? Ты думаешь, что он тебя уважает? По-моему, он издевается над тобой»

Маленков (после долгого молчания): «Да, я вижу, но что я могу поделаться»¹.

Сталин и сам был не высокого мнения об организаторских способностях Маленкова, называя его «писарем». «Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. На какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он неспособен». И после этого стоит ли говорить о том, что именно по инициативе Сталина Маленков вознесся на вершину руководящего Олимпа после его смерти? Что именно такой «расклад» руководящих должностей обсуждался на совещаниях «четверки» на сталинской даче в конце 1952 — начале 1953 года? Нет, там обсуждались совсем другие вопросы.

Что-либо говорить о претензиях других членов «четверки» (Булганин, Хрущев) на правопреемство просто несерьезно.

А вот тандем Н.А. Вознесенского и А.А. Кузнецова в качестве преемников рассматривался Сталиным очень серьезно. Он высоко ценил организаторские способности и волевые качества руководителя Госплана СССР Николая Александровича Вознесенского и Секретаря ЦК ВКП(б) Алексея Александровича Кузнецова, организаторские способности которого особенно ярко проявились в дни блокады Ленинграда, партийной организацией которого он руководил.

Но вот в июле 1949 года служба сталинской контрразведки докладывает вождю, что в Ленинграде сложилась крепко спаянная между собой группа, в которую входят партийные и советские руководители Ленинграда: Попков, Капустин, Лазутин, Гурко, Закржевская и Михеев. В Москве им покровительствуют и всячески их поддерживают выходцы из Ленинградской партийной организации Вознесенский, Кузнецов и Родионов. На квартире Попкова, по случаю открытия в Ле-

---

¹ Там же. С. 341.

нинграде Всесоюзной торговой ярмарки, было застолье, на котором помимо вышеуказанных лиц присутствовали также приехавшие из Москвы Вознесенский, Кузнецов и Родионов. Сталину зачитали выдержки из записанных разговоров участников банкета (Лавров)¹.

Попков, находившийся в сильной стадии опьянения: «В последнее время товарищ Сталин, судя по всему, очень плохо себя чувствует. Похоже, что в скором времени он, по состоянию здоровья, отойдет от дел. Надо бы подумать, кого будем выдвигать ему на замену.

Капустин: «А чего тут долго думать? У нас есть готовый председатель Совета Министров СССР — наш дорогой Николай Алексеевич Вознесенский».

Попков: «Правильно говоришь. И кандидатура на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) среди нас тоже есть. Предлагаю тост за будущего председателя Совета Министров Советского Союза Николая Алексеевича Вознесенского и будущего генерального секретаря ЦК ВКП(б), нашего дорогого и любимого Алексея Александровича Кузнецова».

Сталин: И что же Вознесенский и Кузнецов?

Лавров: Промолчали, товарищ Сталин, но за предложенный тост выпили».

Лавров: Продолжает читать.

Попков: «Я давно хочу сказать об одной исторической несправедливости: почему нет Коммунистической партии РСФСР? Во всех республиках коммунистические партии есть, а в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике нет. Почему такая несправедливость?»

Кузнецов: «Конечно, это неправильно. Тем более и кандидатура на пост первого секретаря ЦК компартии РСФСР у нас в лице товарища Попкова есть. Да и пора уже давно объявить столицей РСФСР город Ленина».

Вознесенский: «Надо будет выйти с таким предложением на Политбюро».

Сталин: По-видимому, хотят вытащить основу из-под союзного правительства.

---

¹ Руководитель сталинской секретной службы разведки и контрразведки.

Джуга: Пока это всего-навсего пьяная болтовня.

Сталин: Не перебивай, вечная твоя манера — слушаешь только себя. Запомни, все заговоры в России начинались именно с «невинной» пьяной болтовни.

Лавров: Самое неприятное, что ленинградские руководители нанесли большой экономический урон стране.

Сталин: О каком уроне вы говорите?

Лавров: На торговой ярмарке, которую Попков и Лазутин устроили в Ленинграде. Из-за низкой покупательной способности покупателей не сумели своевременно продать продовольственные товары, свезенные в Ленинград со всей страны. Продукты испортились и оказались непригодными к употреблению. И это в условиях, когда в стране так остро стоит продовольственная проблема. Нанесенный ущерб исчислялся астрономической суммой более чем в 4 миллиарда рублей.

Сталин: Кто, без моего ведома, разрешил ярмарку?

Лавров: Проведение ярмарки разрешил Вознесенский, а непосредственную ее организацию возглавил заместитель министра торговли Крутиков.

Сталин: Немедленно обоих в тюрьму. (Подходит к телефону, снимает трубку). Товарищ Поскребышев, вызовите завтра ко мне в кремлевский кабинет к двум часам дня Вознесенского»¹.

На следующий день, ровно в два часа Вознесенский вошел в кремлевский кабинет Сталина.

Не здороваясь, Сталин спросил:

— Что у вас произошло в Ленинграде?

По тому, как побледнел от его вопроса Вознесенский, Сталин, понял, что сведения, полученные от Лаврова и Джуги, были как всегда верными. После некоторого замешательства Вознесенский попытался скрыть правду, уйти от прямого ответа на вопрос Сталина и этим погубил себя.

— По-моему, все в порядке, товарищ Сталин, — сказал он.

— В порядке? — переспросил Сталин. — Четырехмиллиардный ущерб, который вы нанесли стране, называете поряд-

---

¹ Там же. С. 351—353.

ком? И потом, как вы осмелились в Госплане без моего на то разрешения снизить план промышленного производства на первый квартал 1949 года? — И, не дав Вознесенскому ответить, приказал: — Кладите на стол партийный билет, он к вам попал случайно. На работу можете больше не выходить, считайте себя под домашним арестом!»¹.

Так началась раскрутка «Ленинградского дела». После ухода Вознесенского Сталин приказал арестовать заместителя министра торговли Крутикова. 23 июля 1949 года был арестован второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по стандартному обвинению в шпионаже в пользу Англии. Шесть дней Капустина в следственной части МГБ СССР по особо важным делам подвергали активному допросу, в ходе которого он не только признал факт его вербовки английской разведкой в Лондоне, но и дал показания, что в Ленинграде сложилась антисоветская, антипартийная группа во главе с членом Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем Председателя Совета Министров СССР Вознесенским, секретарем ЦК ВКП(б) Кузнецовым, которому поручено по линии ЦК наблюдение за органами государственной безопасности, председателем Совета Министров РСФСР Родионовым и первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии Попковым. Что в эту группу помимо его, Капустина, входят: второй секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Турко, председатель Ленгорисполкома Лазутин, заведующая орготделом Ленинградского обкома партии Закржевская. Всего с этой группой в той или иной степени связаны, твердо ее поддерживая, более 75 человек из среды ленинградского партийного актива.

Через некоторое время лица, названные Капустиным как руководители и наиболее активные участники этой группы, были арестованы по обвинению в государственной измене и заговорщической деятельности.

29—30 сентября 1950 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесен-

---

¹ Там же. С. 344—345.

ского, Капустина, Лазутина, Родионова, Турко, Закржевской, Михеева.

В ходе судебного заседания обвиняемые свою вину признали полностью.

Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина и Родионова к расстрелу.

По распоряжению Сталина Маленков, Берия и Булганин допросили Вознесенского и пришли к выводу, что он виновен в предъявленных ему обвинениях. В подписанной ими докладной записке на имя Сталина говорится:

«Товарищ Сталин! По Вашему указанию Вознесенского допросили и считаем, что он виновен».

После того, как т. Сталин лично, в присутствии Абакумова, передопросил Вознесенского и Кузнецова и они полностью признали свою вину, приговор был приведен в исполнение.

Обвиняемый Турко был осужден на 15 лет тюремного заключения, Закржевская и Михеев — на 10 лет.

Всего по «Ленинградскому делу» Особым совещанием МГБ СССР было осуждено 175 человек. С 1949 по 1952 год в связи с «Ленинградским делом» были сняты со своих постов более двух тысяч руководящих работников.

Таким образом, используя методы, отработанные при «чистке партии» в 1935—1937 годах, Сталин разгромил наиболее последовательную в борьбе с режимом сталинской диктатуры Ленинградскую партийную организацию. Высшей руководящей партийной элите страны был преподан наглядный урок о том, что ожидает упорствующих в сохранении системы коллективного руководства.

После завершения двух кровавых дел («Мингрельского» и «Ленинградского»), Сталин приступил к переговорному процессу по процедуре сдачи своих позиций защитниками коллегиальности «мирным путем».

И тут же Сталин решил, что бесполезно искать своих будущих преемников среди высшей партийной элиты, которая окончательно разложилась, несмотря на показушную с их стороны преданность делу Ленина — Сталина.

Нужно было искать иные пути, среди которых Сталин прорабатывал вариант наследственной коммунонархии, как это имеет место, например, в Северной Корее. После разгрома Ленинградской партийно-советской руководящей элиты у него состоялся разговор с Александром Джугой, во время которого он сообщил о своем намерении рассматривать Джугу в качестве преемника и своей готовности приступить к официальному введению Джуги во власть. Сталин рассказал о своем намерении уйти на покой, поскольку состояние его здоровья стало критическим, и усталость препятствовала нормальной работе. Сталин обосновал свой выбор не только тем обстоятельством, что Джуга через сеть стратегической разведки и контрразведки контролировал всю систему государственной безопасности, военные, партийные и хозяйственные органы, но, постоянно находясь рядом со Сталиным, фактически осуществлял ряд функций по оперативному управлению страной, отработав навыки, необходимые главе государства. Джуга отказался рассматривать такую возможность. (По информации В. Жухрая, распространенной им в СМИ, А. Джуга, равно как и его заместитель Ю.М. Марков были внебрачными сыновьями И. В. Сталина. — А.К.)

Свое решение Сталин сформулировал в приказном порядке: «Готовься принимать управление страной. Я тяжело болен. Я не читаю бумаг, я не встречаюсь с людьми». В этот период у Джуги начались отношения с женщиной, которая в дальнейшем стала его женой до самой своей смерти, которую он искренне любил и которая принесла нечто незнакомое в его суровую жизнь. Да и просто сказывалась общая усталость. Джуга ответил резким отказом: «Товарищ Сталин, я больше десяти лет не знаю другой жизни, кроме работы. Я хочу немного пожить как нормальный человек». Отказ, по-видимому, был шокирующим для Сталина. Окаменев лицом, он сказал Джуге: «Коммунист ты липовый. А еще говоришь, что служишь народу. Иди»¹.

С этого момента отношения между Сталиным и Джугой охладели, встречи стали очень редкими. Джуга в основном

---

¹ В. Вахания. Личная секретная служба И.В. Сталина М., 2004. С. 327—328.

все материалы направлял Сталину в письменной форме, но редко получал указания.

В период работы XIX съезда ВКП(б), когда Сталин окончательно сделал свой выбор относительно преемников, он фактически уволил А. Джугу и Ю. Маркова, подписав 12 октября 1952 года распоряжение об отправке их в 3-месячный отпуск. Предчувствуя большие перемены, которые последуют после смерти Сталина, А. Джуга воспользовался предложением Э. Ходжи и нелегально, вместе с молодой женой, перебрался в Албанию. Так закончилась карьера 39-летнего генерал-полковника, руководителя грозной сталинской службы контрразведки и несостоявшегося преемника Сталина, обладавшего ярко выраженными диктаторскими способностями.

Но к этому времени Сталин подобрал уже «второй тандем» в качестве своих преемников. Впервые о том, что Сталин готовил на пост Председателя Совета Министров СССР Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, сообщил в своих мемуарах И. Бенедиктов, свыше двадцати лет проработавший наркомом, а затем министром сельского хозяйства в кабинете, возглавляемом И.В. Сталиным. О предстоящем назначении П. Пономаренко на пост Предсовмина, который Сталин собирался оставить, заявив об этом участникам первого Пленума ЦК КПСС, сформированного на XIX съезде ВКП(б), И. Бенедиктов писал: «... Сталин вскоре достойного, с его точки зрения, преемника, по крайней мере, на один из высших постов, подобрал. Я имею в виду Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, который во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Обладая твердым и самостоятельным характером, Пантелеймон Кондратьевич одновременно был коллективистом и демократом до мозга костей, умел располагать к себе, организовывать дружную работу широкого круга людей. Сталин, видимо, учитывал и то, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи.

Документ о назначении П.К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли. Став Первым секретарем ЦК, Хрущев, который, естественно, был в курсе всего, предпринял необходимые шаги с тем, чтобы отодвинуть Пономаренко подальше — сначала в Казахстан, затем, в 1955 году, на дипломатическую работу, послом в Польшу, а потом в Нидерланды. Впрочем, и здесь он работал недолго — опасного «конкурента» быстренько препроводили на пенсию, весьма скромную и без причитавшихся ему льгот за государственную службу. Человек простой, скромный и непритязательный в личной жизни, обремененный заботами о родных и близких, он в буквальном смысле влачил полунищенское существование, когда, наконец, после отставки Хрущева друзья, обратившись в ЦК, добились достойного обеспечения его старости»¹.

Благодаря стараниям Н.С. Хрущева, П.К. Пономаренко менее чем за десять лет сошел с политической арены, был всеми забыт и ныне редко кто может вспомнить имя этого выдающегося государственного деятеля Советского Союза. В настоящее время имя П.К. Пономаренко постепенно возвращается из политического небытия, появились статьи и книги, повествующие о жизни и деятельности этого замечательного человека. Первый шаг в этом направлении сделал А.И. Лукьянов, долго работавший с архивом Сталина и другими материалами Общего отдела ЦК КПСС и пришедший к следующему выводу: «К этому человеку Сталин присматривался давно, как бы сберегая его на будущее. ...Решение о назначении Пономаренко Председателем Совета Министров уже было согласовано с большинством членов тогдашнего партийного руководства, и только неожиданная смерть Сталина помешала выполнить его волю»².

Недавно опубликовано интересное исследование историка Владимира Доброва, вышедшее в серии «Загадка

---

¹ И. Бенедиктов, А. Рыбин. Рядом со Сталиным. М., 2010. С. 198—199.

² Цит. по: Ю. Емельянов. Сталин перед судом пигмеев. М., 2008. С. 42.

37 года»¹, которое на наш взгляд, устраняет еще один исторический пробел эпохи Сталина.

«Изучив немало исторических, публицистических работ, архивных материалов, мемуаров, побеседовав с множеством людей, работавших в органах государственной и партийной власти, автор дает развернутую картину положения, сложившегося в стране в последние годы правления Сталина». Доказывает, что Сталин готовил себе преемника. Уже первая часть книги В. Доброва звучит интригующе: «Кому Сталин хотел доверить страну. Знакомьтесь: преемник Сталина». Таковым, по мнению автора, должен был стать Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Сейчас нередко звучит мнение, что Сталин настолько не хотел расставаться с властью, что не думал даже о своей смене, не подготовил её. Автор показывает: смена готовилась. И не в тепличных условиях режима наибольшего благоприятствования и опеки, а в борьбе, под ударами, без афиширования планов и намерений»². Полностью солидаризуясь с мнением редакции газеты «Завтра», так высоко оценивший вклад историка В. Доброва в развенчание еще одного исторического мифа о деятельности И.В. Сталина, мы приводим ниже некоторые фрагменты о жизни и деятельности П.К. Пономаренко, заимствованные из его книги, а также из вышеуказанного сочинения историка Ю. Емельянова.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко родился в 1902 году на хуторе Шелковском Кубанской области. В 1932 году окончил Московский институт инженеров транспорта (МИИТ). Затем занимал различные управленческие посты. С июня 1938 года до 1948 года был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Одновременно с мая 1942 года по март 1944 года был начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования. В 1944—1948 годах Председатель СНК (затем Совета Министров) Белоруссии. В 1948—1952 годах был секретарем ЦК ВКП(б), одновременно занимая пост министра заготовок СССР. На октябрьском Пленуме ЦК КПСС избирается членом Прези-

---

¹ В. Добров. Тайный преемник Сталина. М., 2010.

² О. Стрельцова. Сталин – провидец // Завтра. 2010. С. 3.

диума ЦК и Секретарем ЦК КПСС. С 1953 по 1956 год кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, являясь одновременно министром культуры (1953—1954 г.г.) и заместителем Председателя СМ СССР (1952—1953 г.г.). С 1954 года Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. С 1955 по 1962 год на дипломатической, а затем преподавательской работе. Умер П.К. Пономаренко в 1984 году.

Впервые Сталин услышал фамилию Пономаренко на одном из предвоенных совещаний в ЦК партии, в аппарате которого в то время работал выпускник МИИТа. На совещании наряду с другими вопросами обсуждался и утверждался список научной и учебной литературы, которую предстояло выпустить в ближайшие годы. Она издавалась массовым тиражом и требовала немалых бюджетных средств, которые надо было экономить, учитывая начавшийся разворот всей хозяйственной, общественной и научной жизни в сторону подготовки к надвигавшейся войне. Совещание вел заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК партии Маленков, но в Президиуме сидел Сталин, который, не теряя время, просматривал списки книг и учебников, которые предстояло резко сократить. Впрочем, все вопросы, видимо, были проработаны и согласованы ранее с теми же учеными, специалистами и сотрудниками цеховского аппарата, которые сидели в зале. Когда речь зашла о списке учебников для университетов и институтов технического профиля, Маленков, скорее для проформы, задал вопрос: «Есть ли возражения по этому списку?» — готовясь уже перейти к следующим документам.

— Есть, товарищ Маленков. Здесь нет очень важного учебника по металлургии, а это лучшее учебное пособие в настоящее время. Без него трудно будет вести полноценную подготовку инженеров.

Из первых рядов, где сидели сотрудники аппарата ЦК, поднялся молодой человек, на которого сразу же устремились все взоры. Видно было, что он волновался, но говорил четко и уверенно.

— Я знаю, о чем вы говорите. У этого учебника какое-то мудреное название, его даже не выговоришь. Когда я обратил на это внимание, мне посоветовали его вычеркнуть. Кста-

ти, как раз профессор, специалист по горному делу. И вообще этот вопрос уже решен, — заметил Маленков.

— Не знаю, какой он специалист, только как инженер, закончивший транспортный институт, могу поручиться: лучше учебника по металлургии сейчас нет. Название действительно мудреное, но оно нам не мешало. Без этого учебника вести подготовку инженеров будет трудно. А если вопрос решен, зачем спрашивать наше мнение?

— Подождите, товарищ, как вас зовут? — В разговор вмешался Сталин.

— Пономаренко, — подсказал сидящий рядом с ним сотрудник аппарата ЦК.

— Вы действительно уверены, товарищ Пономаренко, в необходимости этого учебника?

— Уверен, товарищ Сталин. И как коммунист, и как выпускник инженерного института. Лучшего пока нет.

— Ну, раз уверены, то, я думаю, надо еще раз изучить этот вопрос. Хорошие инженеры сейчас нужны.

На следующий день, когда Маленков пришел к Сталину подписать окончательное решение о списках, тот продолжил начатый на совещании разговор:

— Этот ершистый паренек Пономаренко прав. Я посмотрел ваши списки и не нашел там еще несколько книг и учебников, которые нужно было оставить. В чем дело? И с какими специалистами вы консультировались?

— Это известные ученые и опытные специалисты. Мы подбирали наиболее надежных и преданных советской власти. И старались сохранить поменьше учебной литературы, созданной в царское время.

— В этом ваша ошибка. В металлургии и химии классовый подход — несусветная глупость. Вам ли не знать это с вашим инженерным образованием. А насчет известных ученых, мой вам совет: прислушивайтесь к ним, но решение принимайте самостоятельно. Среди научной и творческой интеллигенции немало таких, которые ловят настроения начальства на ходу, стараются ему угодить и сделать приятное, а потом попросить что-нибудь взамен. Когда же мы, партийные руководители, примем неверное решение, легко отмежуются от него. Не мы,

мол, были главными. Это все они, невежественные большевики, деспоты и диктаторы, враги культуры и знаний. Постарайтесь, товарищ Маленков, впредь учитывать это.

Учебник сохранили. Сталин сохранил в глубине своей феноменальной памяти фамилию этого «ершистого» сотрудника аппарата ЦК. У вождя был какой-то особый нюх на способных, перспективных людей, и он редко его подводил. Вскоре, впрочем, он вновь услышал эту фамилию¹.

Через несколько месяцев, на докладе у Сталина Маленков решил сообщить ему о конфликтной ситуации в одной из крупных областных партийных организаций. Речь шла о Сталинградской области, куда для разбора поступившей в ЦК жалобы о несправедливости привлечения к суду как «врагов народа» группы партийных и хозяйственных работников был послан инструктор Центрального Комитета П.К. Пономаренко. Накануне в ЦК партии прошло совещание, где резко осуждались необоснованные аресты и увольнения людей, и говорилось о необходимости соблюдения партийных норм и советской законности. Пономаренко и прибыл в Сталинград как представитель партийного Центра для наведения порядка и прекращения беззаконий.

Сразу с железнодорожного вокзала он направился в обком партии, к его первому секретарю А.С. Чуюнову, который, несмотря на позднее время, работал у себя в кабинете. Предложил немедленно заняться разбором поступившего в ЦК письма. Чуюнов подтвердил, что в тюрьме под следствием находится свыше 30 партийных, советских и хозяйственных работников, обвиненных во вредительской деятельности. Тут же вызвали начальника областного управления НКВД, попросив его доставить в обком личные дела подсудимых. Папками с ними вскоре завалили кабинет секретаря.

Пономаренко, несмотря на возражение чекиста, тут же вместе с Чуюновым приступил к проверке первого дела. «Один день в тюрьме — это пять лет жизни, — сказал он. — Будем работать сутками напролет, но поручение Центрального Комитета выполним как можно быстрее». Чуюнов, по-

---

¹ В. Добров. Тайный преемник Сталина. М., 2010. С. 12—14.

нимавший необоснованность многих арестов, согласился с ним, а начальник областного управления НКВД, сославшись на поздний час, уехал домой.

До утра Пономаренко с Чуяновым тщательно изучили несколько дел. Все они были основаны на малоубедительных, а то и просто надуманных обвинениях. Когда пригласили тех, кто сигнализировал о «вредительской деятельности» арестованных, стало ясно, что все обвинения липовые.

В течение трех суток с небольшими перерывами на сон и еду Пономаренко с Чуяновым занимались проверкой возбужденных дел. Серьезные основания для привлечения к суду за «вредительскую деятельность» нашли только в четырех. Остальных людей, несмотря на яростные возражения начальника областного управления НКВД, приехав в тюрьму, выпустили, извинившись перед невинно пострадавшими людьми. При этом Пономаренко ссылался на директивы ЦК, что помогло снять все преграды. Но уже вечером в Сталинградский обком позвонил из Москвы Маленков и в повышенном тоне потребовал от Пономаренко прекратить самовольные действия. Ему уже звонили из областного управления НКВД, а затем и сам всеильный глава НКВД Ежов с жалобой на «ставшего на сторону врагов народа» инструктора ЦК. «Никто не позволит вам либеральничать, — выговаривал в телефонную трубку Маленков. — Вы превысили свои полномочия и понесете за это самую строгую ответственность». «Я к этому готов, — ответил Пономаренко. — Но прошу заметить, что наши с Чуяновым действия поддержали все члены бюро обкома. Все они подписались под письмом, которое направлено в ЦК».

Вот об этом конфликте Маленков и рассказал Сталину, зная, что ему все равно доложат о письме руководителей областной партийной организации.

— Как фамилия того инструктора? — спросил Сталин.

— Пономаренко, он работает в аппарате недавно. Рекомендовал лично товарищ Андреев. Претензий по работе нет. Характеризуется положительно. Вот только с партийной дисциплиной у него явный беспорядок... Может заупрямиться и стоять намертво на своем.

— Это не тот ли ершистый молодой человек, который отстоял учебник по металлургии?

— Да, именно он, товарищ Сталин.

— Ну, а почему вы обращаетесь прямо ко мне, что вы сами-то сделали, чтобы решить этот вопрос?

— Я предупредил инструктора о самой строгой ответственности, которую он понесет за свои самоуправные действия по возвращению в Москву, просил его изменить свою позицию. Но он моему указанию не подчинился. Заявил, что послан в Сталинград не Маленковым, а Центральным Комитетом партии, и что принял решение, руководствуясь своим партийным долгом и совестью коммуниста. Изменить свое решение его не заставит никто, даже сам товарищ Сталин.

Маленков как опытный аппаратчик понимал, что молодой партийный работник будет отстаивать свою позицию и наверняка обратится к своему протезе Андрееву, а к нему Сталин относился с большим уважением. Да и сам вождь с его феноменальной памятью наверняка вспомнит фамилию того инструктора, из-за которого на совещании в ЦК по изданию научной и учебной литературы Маленков получил изрядную взбучку.

— Инструктор прав, — после небольшого молчания сказал Сталин. — Генеральный секретарь не может изменить постановления Центрального Комитета, так же как и заставить рядового коммуниста действовать против его совести. А что касается НКВД, так его действия как раз и проверялись.

Позже, когда окончательно выяснилось, что обвинения против сталинградских работников были действительно сфабрикованы, и что имела место явная попытка расправиться с настоящими коммунистами, честно служившими советской власти, Сталин в довольно резких тонах отчитал Ежова и предупредил его, что за продолжение таких беззаконий он понесет самую суровую ответственность. К этому времени стало ясно, что НКВД явно перебарщивает по части массовых арестов «врагов народа»¹.

---

¹ Там же. С. 14—17.

Это был критический период в истории непримиримой борьбы Сталина с высшей партноменклатурой по искоренению системы коллегиального руководства страной. Начавшаяся по инициативе Сталина «чистка» рядов высшей партноменклатуры переросла в почти неконтролируемую со стороны руководства страны фазу массовых репрессий, когда Сталину пришлось отступить от задуманного плана и остановить кровавый разгул озверевших партийных руководителей регионов и подчиненных им руководителей местных органов НКВД. В январе 1938 года было принято специальное Постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу, где резко осуждались необоснованные репрессии и намечались меры по исправлению допущенных злоупотреблений.

Вскоре после этого Пономаренко, направленного в Белоруссию возглавить республиканскую партийную организацию, вызвали к Сталину. Тот без обиняков сказал ему, что Пономаренко направляют для наведения порядка в республике и, прежде всего, для прекращения репрессий. В руководство республики, да и в местные органы власти пролезло немало людей, умышленно вредивших партии, срывавших строительство новой жизни. Миндальничать с этими явными и замаскированными врагами народа было нельзя. Но наряду с ними пострадало немало честных и преданных советской власти людей. Республиканские органы НКВД явно перестарались и, несмотря на принятые партией решения, продолжают необоснованные аресты.

— Вам надо унять этих людей, — сказал Сталин, — и наладить работу партийных организаций, которые, похоже, растерялись и слепо идут на поводу у распоясавшихся чекистов.

Вождь подошел к Пантелеймону Кондратьевичу и продолжал с горечью, как бы оправдываясь:

— Люди на руководящие посты попадают случайные, выслуживаются как могут. А партия — единственное ведомство, которое должно наблюдать за работой всех, не допускать нарушений.

— Но, товарищ Сталин, я там человек новый. Местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими

действиями. У них там наверняка круговая порука. А мне одному трудно будет с ними справиться.

— Вы не из робкого десятка, потому туда и посылаем. Конечно, не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь один. И если не поймут, поясните им это. От того, как вы себя поставите, будет зависеть ваш авторитет и успешность работы. Но главное — налаживайте активную работу партийных организаций и опирайтесь на них.

Сталин приблизился к Пономаренко и тихо, без патетики произнёс:

— Вы представляете в Белоруссии силу, выше которой ничего нет. Вы можете в любое время поднять трубку телефона и сказать мне, с чем или с кем вы не согласны. У вас — неограниченные полномочия. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

— Да, понял, товарищ Сталин. Но хотел бы все-таки получить ваш совет, с чего начать.

— Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери — и пусть идет домой. Вам это не впервой. И помните, мы вам доверяем¹.

Пономаренко так и сделал, сразу же после избрания нового руководства республиканской парторганизации он организовал тщательную проверку уголовных дел находящихся в тюрьмах политзаключенных. А работников республиканских органов НКВД, всячески препятствующих этой проверке, он собрал на совещание, на котором выступили те заключенные, которые после проверки были освобождены после доказательства их невинности. В заключительном выступлении он заявил: «Не буду скрывать, товарищи, что послан в республику лично товарищем Сталиным. И имею от него необходимые полномочия. Прямо скажу, столкнулся с вопиющими безобразиями. За тюремной решеткой оказались честные люди. Будут мне мешать, там окажутся те, кто сейчас от нее по другую сторону»². После этого сопротивление прекратилось.

---

¹ Там же. С. 14—19

² Там же.

Вскоре после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии неожиданно возник серьезный конфликт между Пономаренко и Хрущевым, который в то время был Первым Секретарем Компартии Украины и в то же время членом Политбюро ЦК ВКП(б). Конфликт возник на почве разногласий сторон по поводу прохождения границы между республиками с учетом новых территорий, доставшихся Советскому Союзу согласно секретному протоколу, прилагаемому к Пакту Молотова — Риббентропа, подписанному 23 августа 1939 года. Подготовленные белорусской и украинской сторонами проекты прохождения административной границы значительно отличались друг от друга.

Если проект белорусской стороны был составлен с учетом этнографической границы, то есть к Белоруссии должны были отойти территории, население которых в своем большинстве составляли белорусы, то Украина претендовала на исконно белорусские территории, включая такие города как Брест, Кобрин, Лининец, Пинск. То есть, по существу, вся Беловежская Пуца должна была стать украинской.

В ноябре 1939 года партийные руководители республик были вызваны в Москву для защиты своих проектов прохождения административной границы в западных районах. Еще в приемной Сталина в присутствии его помощника А.Н. Поскребышева произошел, по словам Пономаренко, «драматический инцидент между Хрущевым и мной, определивший на долгие годы его отношение ко мне».

Пономаренко вспоминал: «После того как я поздоровался, Хрущев спросил меня, подготовили ли мы свои предложения о границе и в чем их суть. С должным уважением к нему, как к члену Политбюро ЦК ВКП(б) и известному деятелю партии, я, как можно деликатнее, сказал: «Мы подготовили предложения, но они не совпадают с Вашими». Далее я сказал, что мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим составом населения и что граница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лининца, Кобрин, Барановичей и Бреста, а посему эти города и Беловежская Пуца должны остаться в составе Советской Белоруссии.

Хрущев вскипел и грубо спросил: «Кто Вам состряпал эту чепуху, и чем Вы можете это обосновать?» Я ответил, что предложения, которые мы вносим, составили члены ЦК Компартии Белоруссии. Мы вовсе не считаем это чепухой и готовы привести обоснования на основе статистики и истории. Хрущев заявил, что украинские историки имеют другую точку зрения, и высказал свои наметки границы. На это я ответил: «Трудно предположить, чтобы ученые могли обосновать такую границу, противоречащую понятиям этнографии, статистики и истории».

Хрущев расвирепел и со злостью стал кричать: «Ага, Вы ученым не верите, Вы что, больше других знаете? Да что Вы знаете? А слышали ли Вы о том, что, начиная со Средних веков, на территориях, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцы, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие включали население этих территорий в свои войска, что исторические книги вовсе не упоминают в связи с этими районами о белорусах» и т.д., и т.п.

Я ему ответил: «Товарищ Хрущев, меня сейчас больше всего волнует то, в каком тоне и в какой грубой форме вы разговариваете со мной. Это ведь не личный вопрос. Даже если, вопреки нашим предложениям, эти районы включают в состав Украины, никакой катастрофы не произойдет. Мы одна страна, а Украина тоже советская. Но я обязан защищать интересы Белоруссии, и имею на этот счет свои предложения, которые опираются на обоснованные данные».

В этот момент нас позвали к Сталину. Он сидел в кабинете один. После нашего приветствия он ответил: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали войну из-за границ? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?» Потом Сталин предложил нам сесть и доложить свои варианты. Хрущев и я вытащили тексты предложений и схемы. Первым докладывал Никита Сергеевич. Он развернул на столе схемы, но, излагая содержание своего проекта, ни разу не сослался на них.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на его схеме, как пройдет граница. После моего выступления и ответов на ряд вопросов Сталин

твердо заявил: «Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема. Она ничем не может быть обоснована. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская Пуща являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезают. И это была бы плохая национальная политика».

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: «Скажите прямо, выдвигая эти предложения, вы, наверное, имели в виду другое: вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много?»

На это Хрущев ответил: «Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало». «Это другое дело, — заметил Сталин, — это можно учесть. Белорусы предлагают правильную, обоснованную границу. Объективность их варианта подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширская отнести к Украине. Мы утвердили границу, в основном совпадающую с проектом товарища Пономаренко, но с некоторой поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса».

Он взял карту и прочертил линию границы, почти совпадающую с нашим предложением. Только в одном месте сделал на зеленом массиве карты небольшой выгиб к северу и сказал: «Пусть этот район отойдет к Украине». Хрущев выразил свое согласие. Я был особенно доволен таким решением вопроса.

После этого Сталин пригласил Хрущева и меня к себе обедать. По лицу, по настроению Никиты Сергеевича чувствовалось, что он остался недоволен таким исходом и эту историю надолго запомнит. Я не ошибся¹.

Действительно, казалось бы разрешенный Сталиным возникший конфликт должен погаснуть, но Хрущев был человеком злопамятным и с этой поры затаил ненависть к своему белорусскому соседу. Эта ненависть еще более окрепла в

---

¹ Цит. по: Ю. Емельянов. Сталин перед судом Пигмеев. М., 2008. С. 43—45.

1942 году, уже во время войны, когда, казалось бы, можно позабыть уже о конфликте трехлетней давности. Этот конфликт произошел после одного из совещаний, состоявшихся у Сталина. Вот как об этом вспоминал сам Пономаренко:

«На совещании я застал известных украинцев: Корнейчука, Сосюру, Бажана, Рыльского, Тычину, Довженко. Обсуждался режиссер и киносценарист Александр Довженко, который ошибался, считая, что теперь, во время войны, следует обращаться к народу не от имени ЦК, а от имени тех или иных деятелей культуры, интеллигенции, которых мол, люди знают и ценят, а они-то должны поднимать народный дух. Сталин считал это неверным.

Иосиф Виссарионович, обращаясь к Довженко, сказал: «Не заглядывайте в рот Хрущеву. Он плохо занимается идеологической работой на Украине, и эту работу провалил. Он считает, что национализм можно изжить только репрессиями. Это неверно. Репрессии против националистов только расширяют и укрепляют национализм, создавая им ореол борцов и мучеников. Нужно проводить линию по изживанию пороков другим путем: убеждением, практикой работы, уважением к национальным традициям, привлечением национального в общий интернациональный фонд — только тогда можно изжить вредные националистические настроения буржуазно-реставрационного характера. Хрущев этого не понимает».

Довженко признал ошибки, извинился, что отрывает Сталина от более важных дел, и обещал исправиться.

Сталин деликатно отнесся к Довженко. Подойдя ко мне, спросил: «Найдем другого на место Хрущева?» — и взял меня за руку. Я ответил: «Товарищ Сталин, партия большая, на любое место можно найти человека». Хрущеву об этом, конечно, сообщили»¹.

В том же 1942 году возник еще один конфликт между Пономаренко и Хрущевым, на этот раз в связи организацией Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). К этому времени во всех советских республиках, захваченных врагами, развернулось партизанское движение. Особен-

---

¹ Цит. по: В. Добров. Тайный преемник Сталина. М., 2010. С. 21—22.

но большой размах оно приняло в Белоруссии. До половины территории республика оставалась партизанским краем, где фактически сохранялась советская власть. Поэтому, когда встал вопрос о создании единого центра по руководству партизанским движением на оккупированных территориях, к разработке этого вопроса были привлечены руководители этой республики во главе с первым секретарем ЦК КП (б) Белоруссии П.К. Пономаренко, который вспоминал: «...в декабре 1941 года и в первой половине 1942 года работа по созданию Центрального и республиканских штабов развернулась полным ходом. Но вдруг 26 января 1942 года Г.М. Маленков сообщил мне, что ГКО решил приостановить все подготовительные мероприятия. Судя по последовавшим событиям, принятие важного решения было отложено из-за сложных маневров, предпринятых Хрущевым для того, чтобы установить свой контроль над партизанским движением всей страны. Союзником Хрущева на заседании ГКО выступил Берия».

Пономаренко вспоминал, что «в двадцатых числах мая 1942 года» он «был снова вызван в Москву по тому же вопросу». Тогда П.К. Пономаренко познакомился с наркомом внутренних дел Украины В.Т. Сергиенко, который ему представился как будущий начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). На заседание ГКО был представлен проект, подготовленный Маленковым, Берией, Хрущевым и Булганиным. Отметим, что это как раз та самая «четверка», от которой зависело, будет ли утвержден в должности Предсовмина П.К. Пономаренко в начале марта 1953 года. С докладом по вопросу создания ЦШПД на заседании ГКО выступил Л.П. Берия, который заявил, что Сергиенко «очень хорошо проявил себя в должности наркома внутренних дел Украины». Очевидно, что этот человек устраивал и Хрущева, так как он оставался на посту украинского наркома, и Берию, так как он был подчинен ему по линии НКВД.

Но неожиданно хорошо подготовленный план натолкнулся на сопротивление Сталина. «А вам не жаль отдавать в Центр такие хорошие украинские кадры?» — спросил не без иронии Сталин, обращаясь к Хрущеву и Берии. Вслед за этим, уже более резким тоном он сказал, смотря только на Бе-

рию: «У Вас — узковедомственный подход к этой чрезвычайно важной проблеме. Партизанское движение, партизанская борьба — это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия. Сейчас то, что требуется, мы и исправим. И начальником Центрального штаба партизанского движения будет член ЦК ВКП(б)». «С этими словами, — рассказывал Пономаренко со слов Микояна, присутствовавшего на этом заседании ГКО, — Сталин взял синий карандаш, обвел стоявшую последнюю в представленном списке мою фамилию и стрелочкой поставил на первое место».

По словам Пономаренко, «Хрущев и Берия, особенно Хрущев, были недовольны таким решением и моим назначением, посчитав это «поражением Украины и НКВД»... Хрущев... расценил это как «унижение Украины» или «белорусский подкуп» под нее и даже санкционировал тогда некоторые сумасбродные и рискованные противодействия». С одобрения Хрущева «одним из руководителей партизанского движения на Украине Алексеем Федоровым была подготовлена, растиражирована и разбросана в ряде оккупированных районов листовка, в которой говорилось примерно следующее: «Я, батька всей Украины Алексей Федоров, провозглашаю себя главнокомандующим всеми партизанскими силами, требую, чтобы мне подчинялись, и мои приказы беспрекословно выполняли все партизанские соединения и отряды»... и т.д., и т.п.».

Подобное послание могло бы появиться во времена Гражданской войны от лица руководителя анархистских или «зеленых» формирований, и Пономаренко сначала решил, что эта листовка является фашистской фальшивкой. Очевидно, что Хрущев и его союзники, прикрываясь спецификой партизанской войны, пытались взять реванш за провал своих попыток установить контроль над партизанским движением всей страны. Правда, как вспоминал Пономаренко, история с листовкой Федорова была замята, а иначе «не сносить «дорогому Никите Сергеевичу» головы, не говоря уже о Федорове».

Вероятно, что отказ Сталина поддержать предложение Берии и Хрущева не в последнюю очередь был связан с тем, что в это время еще не остыли страсти после поражения со-

ветских войск в ходе Харьковской операции, инициатором которой был и Н.С. Хрущев. И Сталин всерьез продумывал вопрос о назначении П.К. Пономаренко Первым секретарем Компартии Украины. Именно по этой причине замечания Сталина о Хрущеве, высказанное в ходе дискуссии о состоянии культуры Украины в присутствии Пономаренко, вряд ли можно было считать случайным. Однако, как отмечал Пономаренко в беседе с писателем Аркадием Первенцевым, опубликованной в журнале «За семью печатями» в 2006 году, «...Маленков, Берия, Булганин сказали Сталину, что сейчас не время снимать Хрущева, идет война, сделать это нужно после войны. Сталин согласился, но неприязнь Никиты ко мне окрепла еще больше». Росли разногласия между Пономаренко и другими членами Политбюро, которые поддерживали Хрущева в этих спорах.

Война еще не кончилась, а у Пономаренко возник новый конфликт с руководителями страны. Пантелеймон Кондратьевич вспоминал: «В августе 1944 года, примерно через месяц после освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков, позвонил Г.М. Маленков и сообщил мне, что имеется указание об образовании Полоцкой области с центром в г. Полоцке и что секретариат ЦК составил по этому поводу проект решения, который он хочет согласовать с ЦК КП(б) Белоруссии. Я ответил, что Центральный Комитет Компартии Белоруссии, как думается, не будет возражать и поддержит предложение об образовании Полоцкой области.

«Да, но Вы должны иметь в виду, — сказал Маленков, — что Полоцкая область будет образована в составе РСФСР и таким образом Полоцк и соответствующие районы отойдут из БССР в РСФСР». Это было для меня настолько неожиданным, что в первые минуты я не нашелся, что ответить. Чтобы исключить возможность возражений, Маленков добавил: «Не думаете же, Вы, что Полоцкой области в Российской Федерации будет хуже, чем в составе БССР?».

Я ответил, что, конечно, не думаю, но есть причины для возражений против такого решения и я хочу их обдумать, обсудить с товарищами, а затем сообщить наше мнение. На это Маленков ответил: «Обсуждать не следует, выезжайте в Москву».

14 августа Пономаренко прибыл в Кремль на совещание к Сталину. В ходе дискуссии Маленков сказал: «Пономаренко возражает против передачи Полоцкой области в состав РСФСР». Пономаренко вспоминал, что Сталин спросил его: «Почему? Вы считаете Полоцк исконным белорусским городом?»

Пономаренко, по его словам, «прежде всего, подчеркнул, что Полоцк принято считать старинным белорусским городом. Но это можно оспаривать, поскольку Полоцк существовал задолго до того времени, когда в силу исторических причин от одного могучего ствола, именовавшегося Русью, пошли три ветви: русская, украинская и белорусская. Следовательно, когда Полоцк называют старинным русским городом — это тоже правильно. Крайность в этих толкованиях отдает либо национализмом, либо великодержавным шовинизмом. Однако во все времена исторического существования Белоруссии Полоцк был в ее составе, включая и 25 лет существования Советской Белоруссии... Это первое».

«Что же второе?» — спросил внимательно слушавший Сталин. «Второе, — отметил я, — это то, что Полоцк в сознании белорусов, особенно интеллигенции, является старинным центром белорусской культуры. Там родился и вырос один из крупнейших белорусских просветителей Скорина, первый доктор медицины, пожалуй, не только в Белоруссии, но и в России. Он также переводчик многих книг, в том числе Библии на белорусский язык, который, впрочем, тогда, более 400 лет назад, мало или почти не отличался от русского языка. Из Полоцка, — добавил я, — происходят многие другие виднейшие деятели культуры Белоруссии, в том числе немало известных современных писателей. Это важное, хотя тоже не главное обстоятельство».

«Когда же Вы скажете главное», — спросил, улыбаясь, Сталин. «Главное, по-моему, — сказал я в заключение, — состоит в следующем. Заканчивается победоносно для Советского Союза Великая Отечественная война. В ней народы всего Советского Союза понесли потери, огромные жертвы. Враг агонизирует, и могущество СССР возрастает не только в территориальном, но и в политическом отношении. Тяжелей-

шие жертвы на фронтах, в партизанской и подпольной борьбе понес и белорусский народ.

И вот к окончанию войны Белоруссия территориально и по населению сокращается за счет отхода ряда районов и г. Полоцка к РСФСР. Мне кажется, что это не будет народом понято и многих обидит. Тем более что это будет ассоциироваться с тем, что на западе Белостокская область и часть Беловежской Пуши, как известно, могут отойти к Польше. Кроме того, ведь накануне войны некоторые районы, находившиеся в составе БССР с основания республики, по бесспорным соображениям переданы Советской Литве. Поэтому, мне кажется, не следует образовывающуюся Полоцкую область передавать в состав Российской Федерации, хотя сама Полоцкая область от этого ничего не потеряла бы».

Сталин нахмурился, наступила тягостная пауза, все молчали и ожидали его решения. Наконец он поднялся, медленно прошел туда и обратно вдоль стола, потом остановился и сказал: «Хорошо, покончим с этим вопросом. Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его, действительно, не следует».

После этого заговорили все. И могло показаться, что по данному вопросу все думали точно так же. Один Маленков, главный инициатор проекта, был расстроен и мрачен, хотя все высказанные мною соображения, я еще подробнее изложил ему перед заседанием. Плохо скрывал свою досаду и Хрущев¹.

Позже, когда П.К. Пономаренко был переведен в Москву, где его избрали секретарем ЦК, у него были столкновения не только с Хрущевым, но и с другими руководителями страны. В них проявились принципиально разные подходы к решению сложнейших вопросов дальнейшего развития страны. Так, за полгода до своей смерти Сталин дал оценку запискам различных руководителей по вопросу о развитии зернового хозяйства.

---

¹ Цит. по: Ю. Емельянов. Загадка смерти Сталина // Наш современник, март 2009, №3. С. 163—165.

Сталин сказал: «Вот вы, товарищ Хрущев, считаетесь у нас самым главным специалистом по сельскому хозяйству, а за все время не поставили ни одного дельного вопроса. А вот Пономаренко, который не считает себя таким крупным специалистом, как вы в этом деле, изложил свои соображения по зерновому балансу страны, который очень важен и в котором нам следует разобраться и решить. Поэтому, оставляя Пономаренко секретарем ЦК, я предлагаю сделать его моим заместителем по Совмину, советником по сельскому хозяйству, членом коллегии...» Как Сталин решил, так и сделал; естественно, эта история наших с Хрущевым отношений не улучшилась». Однако Сталин, наблюдая за этим конфликтом, нарастающим отнюдь не по вине Пономаренко, постарался успокоить его, сказав как-то: «Не обижайтесь на Хрущева товарищ Пономаренко. Активный, энергичный, инициативный работник. Но чувствует свой низкий потолок и завидует тем, у кого он выше! Вам ещё не раз придется с этим столкнуться. Привыкайте работать с людьми, даже если они из совсем другой породы. Что делать, таких, как вы, у нас не очень-то много»¹.

Пономаренко называли «антиподом Хрущева», и в таком сравнении было немало резона. В отличие от невежественного, малограмотного «Микиты» он принадлежал к интеллектуальному крылу руководства партии. «Крыло» было довольно узким. В него входил А. Жданов, второй человек в государстве в первые послевоенные годы, а также М. Суслов, Д. Шепилов и, в определенной мере, П. Пospelов. Последнего, правда, Сталин недолюбливал, считал человеком ограниченным и не очень разбирающимся в марксистской теории. В чем, кстати, не ошибся — Пospelов впоследствии сыграл активную роль в подготовке антисталинского выступления Хрущева на XX съезде партии, выступления, полностью разрывавшего с марксистско-ленинским подходом.

Пономаренко был высокообразованным и эрудированным человеком, много знал, много читал, собрал у себя одну из лучших библиотек в стране. Среди практически безграмот-

---

¹ В. Добров. Тайный преемник Сталина. М., 2010. С. 33.

ных соратников Сталина (высшее образование кроме Г.М. Маленкова никто из них не имел) П.К. Пономаренко выглядел «белой вороной», то есть он был не «их круга». Так, Л.М. Каганович откровенно признался: «Жаль, что ты не в нашей группе», но не стал уточнять в какой. Работать в такой обстановке было весьма неудобно, вспоминал Пономаренко: «...постоянно чувствовал какую-то натянутость и скованность по отношению ко мне членов Политбюро, какое-то скрытое недоброжелательство. И если Маленков, который хорошо ладил со всеми, держался, как говорится, в рамках приличий, то другие близкие к Сталину люди вели себя не так сдержанно.

Помню, когда я заходил в кабинет к Молотову, тот быстро переворачивал лежащие на столе бумаги лицевой стороной вниз. Как будто боялся, что я что-нибудь увижу. Не выдержал я и сказал как-то, что если он мне не доверяет, пусть скажет прямо, заходить к нему просто не буду. Он промолчал, перестал переключать бумаги, но своей манеры вести со мной разговор сухо и официально не изменил.

Не очень-то стремились к сближению и другие члены руководства. Я понял, что лучше не обращаться к ним за советом или помощью и поддерживал чисто официальные, служебные отношения. Работы было много, начиналась она с утра, а затягивалась до глубокой ночи, захватывая иногда даже утренние часы. Так что на обиды времени не хватало. Не стал уточнять у Кагановича, в какой группе стоило бы мне находиться и что должен сделать, чтобы стать «своим». Не понимал я всего этого и просто работал. Внимания на то, кто с кем, и кто против кого не обращал»¹.

Зато Хрущев, утвержденный секретарем ЦК партии несколько позже и переведенный в Москву чтобы возглавить ее партийную организацию, хорошо понимал закулисную расстановку сил и использовал это для укрепления своих позиций. Он уже не проявлял грубость по отношению к Пономаренко, напротив, внешне был приветлив и доброжелателен. Как-никак, секретарь ЦК, пользуется особой симпатией

---

¹ Там же. С. 58—59.

Сталина. Но камень за пазухой против «белорусского выскочки» все время держал. Дожидаясь момента, когда его можно было пустить в ход.

Итак, Хрущев, а также Берия и Маленков вряд ли могли сработаться с Пономаренко после его назначения на пост Председателя Совета Министров. Имелись основания и у Булганина быть недовольным выдвижением Пономаренко. По воспоминаниям Акакия Мгеладзе, Первого секретаря компартии Грузии, И.В. Сталин, выступая на Октябрьском (1952 г.) Пленуме ЦК КПСС и говоря о своем желании уйти в отставку, якобы сказал, что «есть, кому его заменить, например, Председателем Совета Министров можно было бы назначить Н.А. Булганина». Таким образом, назначение Пономаренко, который до октября 1952 года не был даже членом Политбюро, было бы неожиданным и неприятным сюрпризом для Н.А. Булганина, который с апреля 1951 года был единственным первым заместителем Сталина в Совете Министров, для Л.П. Берии и Г.М. Маленкова, которые были членами Политбюро с марта 1946 года, а в 1941—1945 годах были членами всевластного Государственного комитета обороны СССР, для Н.С. Хрущева, который с марта 1939 года был членом Политбюро. При этом Пономаренко, занимая высший пост исполнительной власти, опирался бы на поддержку всемогущего Сталина. А если бы Пономаренко преуспел в своей деятельности, то шансы стать наследниками Сталина у Маленкова и других сводились бы к нулю.

Известный историк и биограф И.В. Сталина Юрий Емельянов в этой ситуации, сложившейся вокруг предполагаемого назначения П.К. Пономаренко, усмотрел причину, вынудившую «ближайший круг» пойти на отчаянный шаг по устранению Сталина. Так, ссылаясь на мнение А.И. Лукьянова, который помог «раскрыть решающую тайну тех роковых дней» он пишет:

«Обычно, рассказывал Анатолий Иванович, визирование документов в руководстве шло «сверху вниз»: сначала визировали документ лица, занимавшие наиболее крупное положение, а затем — руководители менее значительного ранга. Но с бумагой о назначении Пономаренко вышло по-ино-

му. Сначала ее подписали руководители, занимавшие не столь высокое положение, а затем стали подписывать вышестоящие лица. К 28 февраля все в руководстве завизировали решение, кроме Булганина, Хрущева, Берии и Маленкова. В своей статье «Возвращение Сталина» А.И. Лукьянов замечал, что назначение Пономаренко «могло приблизить гибель Сталина».

Ведь именно эти четыре человека, не завизировавшие решение относительно Пономаренко, отправились со Сталиным на поздний ужин на дачу. Можно предположить, что во время долгого застолья ими предпринимались попытки уговорить Сталина отказаться от кандидатуры Пономаренко или же хотя бы оправдать свое сопротивление, его назначению¹.

То есть Анатолий Иванович Лукьянов — еще один сторонник версии о насильственной смерти И.В. Сталина. По вышеприведенной версии получается ситуация, аналогичная той, которая возникла в 1917 году согласно известному афоризму: «Сегодня рано, а послезавтра поздно — значит завтра». Переиначивая этот знаменитый слоган, получаем, — сегодня (то есть 28 февраля) рано, поскольку за посиделками у Сталина незаметно закончилась зима, а послезавтра, то есть 2 марта, когда соберется на свое заседание Президиум ЦК КПСС и примет решение по Пономаренко, поздно.

Значит завтра! То есть 1 марта, а вернее в ночь с 28 февраля на 1 марта, должно свершиться это злодеяние. И только потому, что «четверка» не смогла уломать Сталина — отказаться от своего решения о назначении Пономаренко на пост Председателя Совета Министров СССР.

Полноте! Даже если среди вопросов, рассматриваемых на последнем совещании «ближнего круга», и стоял вопрос об этом назначении, то только в одном-единственном ракурсе — «четверка» дружно завизировала документ, и совещание приступило к рассмотрению других вопросов. Противное исключено по определению, ибо сопротивляться воле Сталина, то есть оспаривать уже им принятое решение еще никто и никогда не осмеливался, тем более в той, сложившейся ситуации, когда у Сталина был под рукой «Список 213-ти», о существо-

---

¹ Ю. Емельянов. Сталин перед судом пигмеев. М., 2008. С. 53.

вании которого «четверка» не могла не знать. Противное — это заговор! А что Сталин делал с заговорщиками, они прекрасно знали.

Но есть и другая кандидатура на роль «тайного преемника» Сталина — уже на посту Генерального, в то время просто Секретаря, то есть руководителя партии, должность, которую Сталин так же решил оставить.

После XIX съезда ВКП(б) на политическом горизонте неожиданно вспыхнула новая звезда, имя которой — Леонид Ильич Брежнев. Скромному и ранее неприметному Первому секретарю ЦК Компартии Молдавии, который даже не был членом ЦК ВКП(б) неожиданно предоставляется слово для выступления на съезде. Впервые выйдя на трибуну перед столь внушительной аудиторией, Брежнев сильно волновался и не мог оторваться от ранее заготовленного текста. Тем не менее, произнес свою речь Брежнев четко, по-военному, ибо лишь совсем недавно он повесил в шкаф свой военный китель с погонами генерал-майора. Он знал, о чем говорить, — о расцвете социалистической Молдавии за послевоенные годы, в том числе за последние три года, в течение которых он руководил республиканской парторганизацией. В заключение выступления он наконец-то оторвался от листа и произнес здравицу и клятву в любви и преданности великому вождю и учителю Иосифу Виссарионовичу Сталину. Зал ритуально взорвался аплодисментами, а Сталин в это время что-то говорил к склонившемуся в его сторону Н.С. Хрущеву.

И вот наступает последний, наиболее важный час работы съезда — выборы членов ЦК КПСС (на съезде партия переименована и отныне стала называться Коммунистическая партия Советского Союза), учащенно забилося сердце в груди Брежнева, поскольку у него не было сомнений, что сейчас случится важное событие в его жизни. Несомненно, главу одной из 16 республик должны избирать в ЦК, хотя эта республика по своим размерам и экономическому потенциалу уступала Днепропетровской области Украины, которой он руководил до избрания на высшей партийный пост в Молдавии. В притихшем зале Брежнев слушает приятный, очень грамот-

но выговаривающий слова голос Маленкова: «В состав членов Центрального комитета предлагаются следующие товарищи...». Вот он заканчивает перечисления кандидатов на букву «А»: «т.т. Андреев, Андрианов, Аристов, Арутюнов...». Теперь пошли на букву «Б», сердце в груди вроде бы приостановилось: «Бабаев, Багиров, Байбаков, Беляев, Бенедиктов, Берия, Бещев, Бойцов, Борков, БРЕЖНЕВ... Сердце Брежнева громко забило в груди словно набат, и он уже не слышал следующую за ним фамилию Булганина, не говоря уже фамилии, начинающиеся на букву «В»: Ваганов, Ванников, Василевский, Волков, Воронов, Ворошилов и т.д. до Яковлева и Янова включительно.

И вот новоизбранные члены ЦК остались в опустевшем зале. Теперь предстояло избрать членов Политбюро, или, как с того же дня принято было именовать — Президиума ЦК КПСС. Радостно успокоившийся Брежнев приготовился узнать имена тех, кто будет им, рядовым членом ЦК, руководить. Поднялся Сталин, в одиночестве оставшийся в президиуме. Он неловким, старческим движением достал из нагрудного кармана бумажку, не спеша, развернул, тихим голосом, который едва усиливал микрофон, начал читать. Список немалый, 25 человек, гораздо больше, чем Политбюро последнего состава. Окончив, Сталин переходит к кандидатам. И по алфавиту первым именем он называет Брежнева... Тот потрясен и почти оглушен услышанным. Но затем Сталин зачитывает список новых десяти секретарей ЦК. И вторым он опять услышал свое имя...

Оглушенный неожиданным взлетом на невысказанную высоту, Брежнев, несомненно, можно предположить, долго не мог прийти в себя. Никогда, не будучи заносчив и высокомерен, он даже в самых своих честолюбивых мечтах и помыслить не смел о таких должностях. Тем более что причины случившегося, и не только с ним, он не понимал и даже не мог представить.

Вечером в его гостиничный номер заглянул П.К. Пономаренко, который решил поздравить своего давнего знакомого еще с времен войны, а затем будучи «соседями» по руко-

водству парторганизациями Белоруссии и Молдавии. За рюмкой чая разговорились, Брежнев, в свою очередь поздравил Пономаренко с избранием его членом Президиума ЦК КПСС, затем разговор незаметно переметнулся к обсуждению проблем, стоящих перед новым составом ЦК КПСС. Брежнев, даже не мог представить, какими вопросами он будет заниматься в Секретариате. Расчувствовавшись к концу гостиничных посиделок, он поделился с гостем своими мыслями о том, что не представляет, почему Сталин обратил на него столь пристальное внимание, «ведь он, по существу, меня совсем не знает». На что более опытный и искушенный в кремлевских тайнах, а также будучи на четыре года старше Брежнева, Пантелеймон Кондратьевич сказал, прощаясь: «У Сталина в вопросах кадровых назначений случайностей не бывает. Вспомни, когда и при каких обстоятельствах тебе лично приходилось сталкиваться со Сталиным». На этом их посиделки закончились, и Леонид Ильич, расчувствовавшись окончательно, полез целоваться и объясняться в своих искренних чувствах к новому члену Президиума ЦК КПСС. Ни тот, ни другой не могли тогда даже предположить, что совсем скоро их судьбы сначала тесно переплетутся на целинных просторах Казахстана, а затем разойдутся навсегда.

Проснувшись рано утром, Брежнев углубился в воспоминания, следуя совету Пономаренко. Вспомнилось многое, по существу, вся его жизнь, как в кадрах кинохроники, проплыла перед его глазами: босоное детство, трудовая юность, учеба, общественная работа. А потом партия! Всем, чего он достиг в своей жизни, он обязан партии, верным солдатом (офицером, генералом) которой он всегда был. Последуем и мы за мыслями будущего Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, который руководил великой страной на протяжении 18 лет и вошел в историю нашей страны как «архитектор эпохи застоя», что является явной несправедливостью.

Путь к вершинам политического Олимпа у Леонида Ильича протекал весьма неспешно. «Публичным политиком» он стал гораздо позднее своих будущих коллег по Политбюро,

которые даже были моложе его (Гришин, Мазуров, Полянский, Шелепин и др.). Впервые его имя было упомянуто в Малой Советской энциклопедии, в I томе, изданном в 1958 году, где говорилось: «Родился 6(19) декабря 1906 — деятель Коммунистической партии и Советского государства. Родился в городе Днепродзержинске в семье рабочего-металлурга. С 1921 начал трудовую деятельность. В 1927 окончил землеустроительно-мелиоративный техникум в г. Курске. В 1927—30 гг. работал на Урале землеустроителем, зав. районным земельным отделом, зам. председателя райисполкома, зам. зав. Уральским областным земельным управлением».

Первым цитирование сухого справочного материала, но отметим немаловажное: начальная биография Брежнева изложена тут точно. Далеко не о всех советских вождях, больших и не очень, была такая открытость в публикуемых данных. А Брежнев был действительно простым парнем из трудовой семьи, скрывать ему ничего не приходилось, ни относительно анкетных данных, ни относительно каких-либо сомнительных обстоятельств.

Родился он в рабочем поселке Каменское, который известен как ремесленный центр и пристань на Днестре уже с 1750 года, как только стал осваиваться богатейший, но тогда совершенно пустынный край, названный тогда же Новороссией. В конце XIX века началось бурное промышленное развитие Нижнего Приднепровья, не миновало оно и скромный поселок Каменское — тут вырос огромный по тем временам металлургический завод, благо и уголь, и железная руда были рукой подать. Поселок быстро стал городом, в двадцатых годах там насчитывалось 34 тысячи жителей, многие областные города страны были тогда куда малочисленнее. В 1936 году Каменское переименовали в Днепродзержинск.

Леонид Брежнев был потомственным пролетарием в самом точном смысле этого когда-то весьма почетного социального признака. Дед Леонида Брежнева курский крестьянин Яков, как и тысячи ему подобных, приехал на строящийся металлургический завод и поступил рабочим в прокатный цех, профессия была тяжелая, да и опасная. По обычаям того

времени его сын Илья, как стал подростком, тоже пошел работать вместе с отцом. Рано женился на юной красавице из той же рабочей слободы, и вот в 1906 году 6 декабря (нового стиля тогда простой люд не ведал) Наталья, супруга мастерового Ильи, родила сына, нареченного Леонидом.

Леонид — имя древнегреческое, означает оно «подобный льву». Так и вспоминается спартанский царь, павший со своими гоплитами в отчаянном бою у Фермопил. Святых Леонидов Русская Православная церковь знает двух, их имена поминаются в марте, апреле, июне, июле и августе, все даты далеки от начала декабря. Значит, имя младенцу дали по воле родителей, по обычаям той поры это делалось в память родного или близкого человека. Леонид Ильич, вырастая, по складу своей природы на грозного льва никак не походил, хотя свой воинский долг в положенное время выполнил достойно.

О семье брежневских родителей известно очень мало. Вот почему большую ценность в этой связи представляют собой воспоминания супруги Леонида Ильича, записанные писателем В. Карповым и опубликованные в 2000 году. О старших Брежневых Виктория Петровна поведала следующее: «Илья Яковлевич — отец Лёни — из деревни Брежнево Курской области. Деревня и сейчас называется так. Там многие носят фамилию Брежневы, даже не родственники. В каком году он уехал из деревни, я не знаю, уехал на заработки. Познакомился с Натальей Денисовной в городе. Они поженились в 1904 году. У них первая девочка родилась в 1905 году, но вскоре умерла. 19 декабря 1906 года родился Лёня. Потом, в 1912 году родилась Вера.

Когда случился голод 1921 года, все уехали в деревню, потому что завод не работал. А когда завод заработал, вернулись. Последнее время отец Лёни занимал должность фабрикантора, это вроде коммерческого директора: ему давали задание, он распределял его по цехам, те выполняли, и он отправлял продукцию заказчику — железо, болванки разные. В 60 лет вышел на пенсию и вскоре умер — месяц лишь успел отдохнуть. Наталья Денисовна часто потом у нас гости-

ла и умерла в 1975 году. Была она простой, доброй русской женщиной»¹.

Кем был Леонид Ильич по пресловутому «пятому пункту» анкеты, который всегда так беспокоил и беспокоит и поныне наших «двойных» граждан? Вот любопытное свидетельство генерала Д. Волкогонова:

«Где-то в конце семидесятых годов, после моего служебного текущего разговора с генералом армии А.А. Епишевым у него в кабинете, тот неожиданно поднялся, открыл сейф и вынул оттуда толстую папку с надписью «Личное дело генерал-лейтенанта Брежнева». Именно у начальника Главпура хранились личные военные документы генсека (той поры, когда Брежнев служил в армии). Молча, пролистав папку, Алексей Алексеевич, не произнося ни слова (тогда подслушивали всех руководителей и везде), указал пальцем на строчку анкеты, где было написано чернилами: «русский». Убедившись, что я прочел, генерал армии нашел другую страницу дела, где тем же почерком было означено: «украинец». Вопросительно взглянув на меня, Епишев задал мне риторический вопрос:

— Так кто же он?

Естественно, я был не в состоянии ответить.

Но вот сейчас, листая «партийное дело» Генерального секретаря Л.И. Брежнева, я обратил внимание на «листок по учету кадров», где будущий лидер партии еще в годы войны собственноручно написал: национальность — «украинец», социальное положение — «служащий».

В аттестационном листе на присвоение воинского звания «генерал-майор» записано — «украинец». В аттестации, подписанной генералами Ватутиным и Крайнюковым, — «украинец»... В десятках других документов — тоже «украинец». В паспорте, выданном 11 июня 1947 года № 637803-IV ЯЛ в Запорожье, тоже значится «украинец».

Но как только Брежнев вошел в высшие органы КПСС, он тут же стал «русским». После приезда в Москву в его анкетах, биографиях — везде «русский»².

---

¹ Цит. по: С. Семанов Брежнев. Правитель «Золотого века» М., 2004. С. 14.

² Там же. С. 14—15.

Несмотря на явно провокационный характер этих замечаний антисоветчика Д. Волкогонова, следует отметить, что ничего «крамольного» в этих биографических данных Леонида Ильича не было, поскольку между русскими и украинцами разница была и остается весьма условной, ибо корень этих народов один — Киевская Русь. Так что Л.И. Брежнев вырос в русской семье, был этническим русским, но всегда искренне и глубоко любил Украину, на земле которой рос, воевал и плодотворно трудился.

Гражданскую войну Лёня Брежнев пережил подростком. В 1915 году Илья Яковлевич смог устроить сына в гимназию, что стоило тогда немалых денег. Учился Леонид старательно, ему легко давалась математика, а вот иностранные языки — там изучали немецкий и французский — давались ему плохо. Весной 1921 года Леонид Брежнев получил свидетельство об окончании средней школы. Учили его там неважно — это не гимназия, но и с этим дипломом перед ним открывалась возможность продолжить образование. Однако пришлось думать, прежде всего, о хлебе насущном, ведь он был старшим сыном, что налагало на юношу ответственность за младших: сестру Веру и брата Якова. Начал он учеником слесаря, учился на металлурга, но промышленность восстанавливалась медленно, даже опытные рабочие не находили себе применения, что уж говорить о судьбе ученика-подростка! Зато село, особенно на богатых украинских землях, в годы нэпа быстро поднималось.

Возможно, это и определило выбор практичного не по годам юноши: он уезжает в Курск и поступает в тамошний землеустроительный техникум, при единоличном земледелии (а колхозов еще не было) это была весьма необходимая профессия на селе. В 1926 году, учась в техникуме, он проходил практику в Орше, что в Витебской области, а в 1927 году заканчивает его. В двадцать лет он имел уже немалый жизненный опыт, когда по распределению выехал на Урал с молодой женой — студенткой Курского медицинского техникума. Так у Леонида Брежнева и Виктории Денисовой началась семейная жизнь, продлившаяся более чем на полвека.

Толковый и работающий землеустроитель Брежнев потихоньку продвигался по служебной лестнице. В самом конце 20-х годов на Урале началась «сплошная коллективизация». Прямого отношения к ней Брежнев не имел. В его личной судьбе гораздо важнее иное: в 1929 году он был принят в кандидаты ВКП(б), что было в ту пору чрезвычайно сложной процедурой, за «пролетарским происхождением» следили тогда очень строго (порой его заменяла принадлежность к ранее «угнетенным нациям», но это касалось в основном евреев или некоторых нацменов, украинцы в это число не входили). В следующем году Брежнев стал полноправным членом партии, которой верой и правдой прослужил более полувека без единого взыскания.

А затем — новый крутой поворот в жизни. Брежнев с детства имел несомненную тягу к образованию, хотя значительными способностями явно не обладал. Потомственный металлург, он, видимо, «не прилепился» душой к сельским делам, решил пойти по стопам отца и деда. Его супруга позже рассказала о том очень обстоятельно:

«В 1930 году Леню пригласили на работу в Свердловск, в земельное управление. До осени там работал. А в сентябре он с товарищами решил поступать в институт. Поехали в Москву, в Институт сельскохозяйственного машиностроения. Поступили. А мне куда же деваться?! Где жить? На что жить? Я Галю оставила своей маме в Белгороде. Но все равно, видим, в Москве не прожить. Тогда Леня написал в Днепродзержинск: можно ли устроить перевод в местный институт? Там жили его родители, они бы нам помогли с жильем, да и вообще во всем. Разрешение на перевод получили и в 1931 году приехали в Днепродзержинск. У Лёни нет работы, а факультет вечерний, надо обязательно работать на заводе. И он поступает в теплосиловой цех кочегаром. Работали там в три смены. Получалось так: когда утром идет на работу, то вечером — в институт, а если вечером работает — утром учится. Бывало, придет, одни зубы белые: кочегар есть кочегар! Ванны не было. Воду на плите нагревали, кочегара отмывали, в студента превращали! Мы плиту коксом топили, он хорошо

горит, легкий, от него меньше копоти, он чище, чем уголь. Потом, правда, сделали душ, ванну. Вот так четыре годика прокрутились. Закончил он институт в 1935 году. Диплом защитил с отличием. В условиях, в каких мы жили, да еще работы, это не так просто.

На третьем курсе Леню избрали парторгом. С того дня он уже в цеху не работал, немного легче стало: занимался в комнате институтского парткома¹.

Еще будучи студентом, Брежнев становится сначала парторгом своего факультета, а потом и целого института, назначается директором вечернего рабфака, который готовил будущих студентов из числа рабочих. Наконец, в январе 1935 года он защищает на «отлично» диплом по теме «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях, завода имени Ф.Э. Дзержинского». Работа была связана с практикой его завода, что и требовалось в то время. Брежневу было присвоено звание инженера-теплосиловика. Профессия узкая, но насущно необходимая в стремительно развернувшейся индустриализации.

На родном заводе Брежнев предстал теперь в новом качестве — начальником смены силового цеха. Время было напряженное, продукции металлургических заводов с нетерпением ждала вся промышленность страны. И в это самое время его, кому уже близилось тридцать лет, отца двоих малолетних детей, призывают в Красную Армию рядовым. И он охотно отправляется на призывной пункт. Направили не очень молодого призывника на другой конец Советской державы, в город Читу, Забайкальский военный округ. То был округ приграничный, а граница — самая, пожалуй, напряженная среди тысяч километров нашей пограничной линии.

Служба шла как обычно: отслужил курсантом в полковой школе, освоил управление боевой машиной. Здесь-то и привилась ему любовь к быстрому движению, водителем он на всю жизнь остался прекрасным. Член партии в ту пору — редкость среди новобранцев, и вскоре он становится политруком танковой роты. Воинских званий тогда в Красной ар-

---

¹ Там же. С. 25—26.

мии не существовало, это было что-то вроде современного лейтенанта.

Отслужив в танковой части около года, Брежнев демобилизовался и в ноябре 1936 года вернулся домой в Днепродзержинск.

Сразу же вышел на работу. Его, опытного и образованного инженера, поставили не на прежний участок, а назначили директором вновь образованного Днепродзержинского металлургического техникума. Он любил работать с людьми, и назначение принял охотно. Но и тут довелось ему проработать очень недолго, в ту пору жизнь шла стремительно и бурно. Вот что рассказал он сам в позднейших воспоминаниях:

«Вскоре после возвращения из армии меня избрали заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. Председателем был тогда Афанасий Ильич Трофимов, старый член партии, моряк-балтиец, участник Октябрьской революции, рабочий нашей Дзержинки. Образование он имел небольшое, очень обрадовался моей инженерной подготовке и сразу предложил ведать в исполкоме вопросами строительства и городского хозяйства...

В Наркомтяжпроме мне удалось получить ассигнования, и мы проложили трамвайную линию от Баглея до площади Ленина — настоящее торжество было, когда красные вагоны побежали через весь город. Помню, как возвели (за шестьдесят два дня) красивое здание, в котором и сегодня помещается Дворец пионеров... В городском Совете Днепродзержинска я был более года»¹.

В этой должности Брежневу очень помогали такие черты характера, как мягкосердечность, личное обаяние, готовность прийти на помощь людям, отсутствие малейшего высокомерия и зазнайства. В советской реальности такие качества ценились высоко и старшие начальники не могли не заметить и не оценить эти качества.

В мае 1938 года он был утвержден заведующим отделом торговли Днепропетровского обкома. Вопреки скромному наименованию, обязанности его оказались широки: тут и ор-

---

¹ Там же. С. 28—29.

ганизация общественного питания, торговые базы и склады, транспорт и т.п. Осенью того же года по всей Украине прошли партконференции в связи с предстоящим республиканским съездом. Брежнева избирают членом обкома, а уже с февраля 1939-го он становится секретарем Днепропетровского обкома по пропаганде. Это была уже очень высокая номенклатура. Ну, вряд ли Брежнев стал выдающимся идеологом, не имел он к тому никогда никакой тяги, но работу свою, видимо, тянул, как все вокруг.

И вот — новое назначение, которое на сей раз, вполне соответствовало его интересам и способностям. Сам он позже вспоминал об этом так:

«В 1940 году Днепропетровский обком получил ответственное задание ЦК ВКП(б) — перевести часть предприятий области на выпуск военной техники. Из Москвы пришла шифровка предлагавшая нам учредить должность секретаря обкома по оборонной промышленности. Заседание бюро проводил Задонченко, первый секретарь обкома, который сказал, что, учитывая особую важность этой работы и значение, которое ей придает Политбюро Центрального Комитета, надо на этот пост выдвинуть не только технически подготовленного, знающего металлургию специалиста, но и дельного организатора, умеющего работать с людьми. Вот так примерно он говорил и предложил мою кандидатуру. Проголосовали единогласно»¹. На этой должности Л.И. Брежнев работал, как и все тогда работали в предчувствии надвигающейся военной угрозы, то есть, не зная ни покоя, ни отдыха.

Страшная война обрушила все привычное течение жизни. Да, ее ожидали, и скоро, и простые граждане, и секретари обкомов, но грянула она, тем не менее, внезапно. Главное же в ином: 22 июня 1941 года ни один житель полумиллионного Днепропетровска в страшном сне не мог себе представить, что уже через два месяца в город войдут немцы, да притом еще захватят неповрежденным огромный мост через Днепр, и что более двух лет жить им придется в оккупации...

---

¹ Там же. С. 33.

В первые недели войны Брежневу пришлось заниматься эвакуацией населения и вывозом оборудования с предприятий, особенно военных. Но в середине июля он был откомандирован в распоряжение штаба Южного фронта, которым командовал генерал армии И.В. Тюленев. Брежнев получил воинское звание полковник и был назначен заместителем начальника политотдела. Все четыре года войны Брежнев провел на фронте, не имея ни одного дня отлучки. Осенью 1942 года его направляют на Кавказ, назначив на должность заместителя начальника политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта. Командовал этой группой генерал-лейтенант И.Е. Петров, герой обороны Одессы и Севастополя. В этом же году за участие в войсковых операциях Брежнев получил свой первый орден — Боевого Красного Знамени.

Весной 1943 года полковник Брежнев назначается начальником политотдела 18-й армии, которой командовал боевой генерал К.Н. Леселидзе. В этой должности он воевал вплоть до 9 мая 1945 года. Войска армии участвовали в десантной операции в Крыму, освобождали Керчь, с боями прошли по Правобережной Украине, затем через Венгрию и Польшу вошли в Чехословакию, где и встретили День Победы. Брежнев вместе со штабом армии передвигался на запад. Служба его тянулась так же, однообразно как, впрочем, и других политотделах: собрания, заседания, награждения, перемещения по служебной лестнице подчиненных, многочисленные отчеты. С начальством он как всегда ладил, с подчиненными оставался доброжелательным, не кричал, как иные, все шло у него благополучно. И вот 2 ноября 1944 года он получает звание генерал-майора.

Уже после окончания войны — 12 мая 1945 года он назначается начальником политотдела 4-го Украинского фронта и в этой должности активно занялся подготовкой сводного полка для участия в Параде Победы 24 июня 1945 года. К этому времени он был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени и орденом Богдана Хмельницкого — за освобождение своей родной Украины.

После окончания войны 4-й Украинский фронт был преобразован в Прикарпатский военный округ и Брежнева назначили начальником политотдела округа. Однако в мае 1946 года Министерство обороны приняло решение объединить Прикарпатский и Львовский военные округа со штабом во Львове. Брежнев подлежал увольнению из армии, как и многие другие высокопоставленные армейские политработники. Всех отставников отзывали для партийной, государственной и хозяйственной руководящей работы, для чего их собрали в Москву, где и происходило распределение отставников. Занималось этим ответственным делом Управление кадров ЦК ВКП(б) совместно с Главпуrom Вооруженных сил. Там и решилась дальнейшая судьба Брежнева при следующих обстоятельствах.

При открытии совещания, проходившего в Кремле, присутствовал Сталин, обративший внимание на статную фигуру генерал-майора в первом ряду. Нагнувшись к Хрущеву, сидевшему слева, Сталин обратил и его внимание на Брежнева.

— Смотри, какой красивый молдаванин, не знаешь кто такой?

Хрущев ответил, что он прекрасно знал Брежнева, поскольку до войны тот работал под его началом в качестве секретаря Днепропетровского обкома партии по обороне. При этом не преминул добавить, что желательно направить Брежнева снова в Днепропетровск, для восстановления промышленных предприятий которого требуется не только хороший организатор, прошедший суровую школу войны, но и грамотный инженер, коим является приглянувшийся Сталину статный «молдаванин». Однако Сталин предложил свой вариант дальнейшего использования указанных Хрущевым качеств Брежнева.

— Я думаю, что поручить ему Днепропетровскую область пока рановато. Нынешний первый секретарь А. Найденов неплохо справляется со своими обязанностями. А вот возглавить Запорожский обком КП(б)У — будет в самый раз. Если он хороший металлург, так пусть восстановит для начала «Запорожсталь», а там посмотрим.

С тех пор Сталин пристально следил за работой своего назначенца, о чем, естественно Брежнев даже не подозревал. Об этом событии он вспоминал:

«Шло жаркое лето 1946 года. В тот год партия направила меня в Запорожье. Мне поначалу было поручено ознакомиться со всеми делами области, обратив особое внимание на строительство и сельское хозяйство. ЦК партии выдал мне соответствующий мандат, и я, не теряя времени, выехал в область...

На XI пленуме Запорожского областного комитета КП(б)У, в котором я, после предварительного ознакомления со стройками, принимал участие... по рекомендации Центрального Комитета ВКП(б) меня избрали первым секретарем Запорожского обкома партии. Это было 30 августа 1946 года»¹.

Время для всей Украины, но особенно для Запорожской области, было исключительно тяжелым, страшная засуха погубила урожай. Разоренная страна не могла оказать заметной помощи, люди в сельской местности голодали. Население области было относительно небольшое, около миллиона человек, в основном селяне, в столице области — менее трехсот тысяч, но промышленность там была сосредоточена очень важная. А работники — преимущественно женщины, немалая часть которых — вдовы.

Брежнев к тому времени был уже достаточно опытным руководителем, чтобы отличить «главное звено» в своих многочисленных обязанностях. Ясно, что истощенным от недоедания колхозникам нужно помочь, но за промахи в работе тогда не слишком-то ругали, страна и ее народ привыкли к бедствиям. А вот за промышленное развитие спрос был особый. Тем более что в Запорожье часть этой самой промышленности была напрямую связана с обороной. А с такими делами в сталинское время не шутили.

Вот на эту сторону дела новый первый секретарь и налегал с особой силой. Осторожный и осмотрительный, он прислушивался к мнению не только высшего начальства — Сталин все-таки далеко и высоко, — но и своего непосредствен-

---

¹ Там же. С. 46.

ного, которое находилось в Киеве. Хрущев был крут и скор на расправу, о чем знала вся Украина. Вот почему, выступая с официальной статьей в областной газете «Большевик Запорожья», Брежнев велел своим помощникам вставить следующую предупредительную фразу:

«Великая поддержка оказана области со стороны ЦК КП(б) и правительства Советской Украины во главе с верным соратником великого Сталина Никитой Сергеевичем Хрущевым. Повседневную заботу и помощь ощущают трудящиеся в своей работе со стороны ЦК ВКП(б), нашего Советского правительства и лично товарища Сталина».

«Наш Никита Сергеевич» лезть любил всегда, задолго до 13 октября 1946 года, когда эта простоватая и провинциальная даже по киевским меркам почтительная реприза была ему преподнесена. Ясно, что ему о том доложили, и ясно, что это ему пришлось по душе — простой и глуповатой. Но Брежнев был не прост: Хрущев Хрущевым, но и товарища Сталина, верховного вождя, он тоже тут своевременно и скромно-почтительно помянул.

Как вскоре выяснилось, не зря. Три десятка лет спустя, находясь уже не только на вершине, но и на исходе своей неопишуемой политической карьеры, Брежнев вдруг вспомнил один незначительный вроде бы, но крайне характерный для описываемой эпохи эпизод. Нет ни малейших сомнений, что то были именно его личные воспоминания, а не старания литзаписчиков, ибо подобное свидетельство может быть только сугубо личным. Или не сохраниться в памяти вовсе. Брежнев вдруг вспомнил весну 1947 года: «Во время сева, помню, возвращался из Бердянска... заехал в Пологовский район. Беседа с секретарем райкома Шерстюком, спросил, как идет сев, что с техникой, а он, смотрю, как-то мнется.

— Ты что, Александр Саввич? Говори прямо, что у тебя?

— У меня порядок... Вы радио слышали утром?

— Нет, а что?

— В «Правде», понимаете, в передовой разделали нас. За низкий темп восстановления «Запорожстали». Формулировки очень резкие.

Помолчали.

— Так... — говорю. — Значит, будет звонить Сталин. Надо ехать.

Ночью мне действительно позвонил И.В. Сталин, и разговор был серьезный. То, чего мы успели добиться, что еще недавно считалось успехом, обернулось вдруг едва ли не поражением. Изменились обстоятельства — не у нас в области, а в стране и в мире. Сроки ввода всего комплекса, который должен был производить стальной лист, нам перенесли на ближайшую осень, темпы строительства предписали форсировать. Я уже говорил, что это связано было с «холодной войной»¹.

После этого телефонного разговора, как вспоминала много лет спустя вдова Брежнева Виктория Петровна, он «ходил сосредоточенный, окаменелый какой-то... И когда первый прокатный лист дали, впервые за год отоспался».

Итоги недолгой деятельности Брежнева в Запорожье были внешне весьма впечатляющими. Вот только два важнейших события, которые тогда отмечала вся страна: дал первый ток восстановленный из руин ДнепрогЭС и пошла первая плавка на знаменитой «Запорожстали».

Сталин действовал своим излюбленным приемом «кну-та и пряника». Стеганул кнутом — результат налицо, а теперь нужно в порядке «поощрения» направить на более сложный участок и потребовать невозможного. Если у подчиненного не все резервы физических и духовных сил исчерпаны — получишь максимум. Так и случилось. Обратимся к воспоминаниям вдовы Брежнева: «У нас ведь как заведено, на того, кто везет воз, на того и нагружают! Вскоре вызвали Лёню в Москву. Оказывается, в соседней Днепропетровской области, где промышленность, и особенно оборонная, была до войны еще мощнее, чем в Запорожье, и разрушения тоже страшнее, чем в Запорожье, восстановление идет медленно. «Не тянет», как у нас говорят, секретарь обкома. А Брежнев показал, что он «тянет» хорошо и мощно. Вот и решили его перевести в Днепропетровск, тоже на должность первого секретаря обкома. Взвалить на него и здесь ликвидацию разрухи. Опять мотивы вроде бы убедительные — вы в Днепропетровске ра-

---

¹ Там же. С. 47—48.

ботали, все там знаете, вам и на вхождение в курс дел времени тратить не надо. Так что пленум вас, несомненно, изберет первым секретарем. И приступайте»¹.

22 ноября 1947 года скучная областная газета «Днепропетровская правда» поместила краткое сообщение, которые всегда с большим интересом воспринимали граждане области:

«21 ноября 1947 года состоялся пленум Днепропетровского обкома КП(б)У.

Пленум освободил тов. Найденова П.А. от обязанностей первого секретаря обкома КП(б)У. Первым секретарем Днепропетровского областного комитета партии и членом бюро обкома пленум избрал тов. Брежнева Леонида Ильича.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП(б)У тов. Мельников Л.Г.»².

Новый партийно-государственный пост Брежнева был исключительно высоким. Днепропетровская область была не только одной из крупнейших в республике, но уже тогда стала общесоюзным центром машиностроительной промышленности, в том числе и самых передовых оборонных предприятий. Сельское хозяйство области также было высокопроизводительным. Дела в «хозяйстве» Брежнева шли успешно. На новом посту он вел себя как обычно: не любил круто командовать и тем паче расправляться с людьми, острых и новаторских действий осторожно избегал, с начальством умел ладить, подчиненных не угнетал. В сталинское время среди руководителей высокого ранга таких было немного, они обращали на себя внимание.

Брежнев и тут оставался верен своей манере, внимательно присматривался к окружающим его работникам, отмечая и запоминая тех, кто обращал на себя его внимание. Немаловажным фактором в успешной работе на этом посту была поддержка со стороны Н.С. Хрущева в бытность его в ту пору Первым секретарем Компартии Украины.

Весной 1950 года Брежнев неожиданно для всех, и прежде всего для себя самого, был направлен Первым секретарем

---

¹ Там же. С. 49.

² Там же. С. 50.

рем ЦК компартии Молдавской Республики. Это было значительным повышением, и утверждалось оно непосредственно Сталиным, тот всегда держал важные кадровые назначения и перемещения под своим неусыпным наблюдением («кадры решают все» — этот сталинский принцип Брежнев усвоил на всю свою долгую жизнь руководителя и непременно следовал ему).

Вот как вспоминала о том в своем простодушном рассказе вдова Брежнева (несомненно — со слов самого супруга): «Его вызвал в Москву Сталин. Это было в 1950 году. Вот теперь о Сталине пишут, что он тиран, истреблял хороших людей. Да, это было. Но не только это. Совсем забыли, что победу над сильнейшей гитлеровской армией одержали под руководством Сталина.

Восстановили народное хозяйство тоже при нем. В 1948 году, на третий год после такой великой разрухи в стране, карточки отменили! Сталин же умел ценить тех, кто проявил себя в трудной работе. Вот и Лёню заметил. Вызвал и сказал: «Хорошо работаете. Партия считает — можете руководить уже не областью, а целой республикой. Поезжайте в Молдавию, там ваш опыт восстановления хозяйства очень пригодится. Познакомьтесь с делами. Думаю, коммунисты Молдавии знают о вашем умении вести дело и выберут вас первым секретарем».

Тут надо честно сказать, что не только личные качества, опыт и заслуги Лени имели значение для избрания его на самый высокий пост в республике. Главный аргумент, конечно же, слово Сталина»¹.

В бесхитростном рассказе Виктории Петровны выпирает главная мысль: Сталин пристально следил за карьерным ростом Л.И. Брежнева, уже тогда разглядев в нем своего возможного преемника. Интересно отметить, что с назначением Брежнева «на Молдавию» появились легенды не легенды, но и на анекдот не похожие рассказы, которые, впрочем, и сам Леонид Ильич охотно поддерживал.

---

¹ Там же. С. 53—54.

Так, в 70-е годы в устном фольклоре ходила следующая забавная легенда об одной встрече Сталина и Брежнева. Случилось это якобы 7 ноября 1950 года в Большом театре, где торжественно праздновали 33 годовщину Октябрьской революции. Как обычно, после речей все встали и запели «Интернационал». Сталин тоже встал и приложил руку к козырьку, хотя на голове у него ничего не было.

— Постарел наш вождь! — печально вымолвил Поскребышев, увидев этот жест.

Сталин, отличавшийся тонким слухом, услышал эту фразу, но промолчал.

Праздничный концерт окончился зажигательной пляской молдавского танцевального коллектива, которая очень понравилась зрителям. Танцоров проводили бурными овациями всего зала. Сталин вышел из правительственной ложи и увидел какого-то человека с густыми широкими бровями, идущего ему навстречу. Сталин похвалил его:

— Молодцы твои молдаване!

Тот улыбнулся в ответ на неожиданную похвалу. В этот момент вмешался Поскребышев:

— Товарищ Сталин, это Брежнев, секретарь Днепропетровского обкома.

— Эх, постарел ты, Поскребышев, — укоризненно сказал Сталин, — ничего не понимаешь!

На следующий день Леонид Ильич был назначен первым секретарем ЦК компартии Молдавии!

Согласно другой версии легенды, Сталин просто заметил: «Какой красивый молдаванин!». Чтобы оправдать это замечание, и пришлось назначить Брежнева главой компартии Молдавии. (Заметим, впрочем, что в действительности молдавскую компартию Брежнев возглавил не в ноябре, а в июле 1950 года).

Сам Леонид Ильич эту легенду пересказывал в более правдоподобном виде. На каком-то совещании Сталин вдруг обратился к нему со словами:

— Ну а как там у вас идут дела — в Молдавии? Скажите-ка нам.

Леониду Ильичу не оставалось ничего иного, как вступить в публичный спор с самим Сталиным.

— На Украине, Иосиф Виссарионович!..

Но тот настаивал, сохраняя прежний доброжелательный тон:

— Я, кажется, совершенно ясно спросил. Не на Украине, а в Молдавии. За Украину у нас есть свои ответчики...

Сбитый с толку, Брежнев замолчал. Сталин, не дожидаясь его ответа, перешел к другим вопросам. «Именно так, а не иначе объяснял свое появление в Молдавии сам Леонид Ильич, — писал автор очерка о генсеке Владислав Владимиров. — Он рассказывал об этом с вальяжной шутливостью, но прекрасно отдавал себе отчет в том, что исторический его диалог с вождем вполне мог повлечь за собой совершенно другие результаты». Свой веселый рассказ об этой истории Леонид Ильич вел в Алма-Ате, за уставленным местными яствами столом.

— А что, дорогие товарищи, — хитро спросил он в заключение, — разве я теперь из молдаванина не превратился в казаха?

Между прочим, историк Вильям Похлебкин считал, что Сталина ввела в заблуждение внешность нашего героя: «Ни у кого не повернулся язык поправить Сталина и разъяснить, что Брежнев вовсе не молдаванин. Более того, многие были уверены, что это именно так — густые и черные как смоль брови, холеное, с толстыми щеками лицо. Брежнев был весьма похож на молдаванина или румына»¹.

Однако случилось это «заблуждение» у Сталина еще в 1946 году, когда решалась карьерная судьба генерала-майора Брежнева.

И вот наступил октябрь 1952 года, XIX съезд партии, выступление на нем и волнительные, незабываемые «минуты славы», когда он словно взлетел из политического небытия на вершину политического Олимпа! Мало того, его выдвигают кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, он избирается

---

¹ Цит. по: А. Майсурия. Другой Брежнев. М., 2004. С. 103—104.

еще и секретарем ЦК. Занимает — страшно сказать — ту же должность, что и сам Сталин!

Все вышесказанное из биографии Леонида Ильича Брежнева пронеслось тогда ранним утром 17 октября 1952 года, словно в калейдоскопе в его, слегка отяжелевшей от бессонницы и выпитого вечером голове. Вспомнились все встречи со Сталиным, его отеческие напутствия и «телефонная выволочка» тогда, в Запорожье. И, наконец, он понял, что все эти 6 лет Сталин пристально следил за его работой, слегка поправляя его, но уже в 1950 году, благославляя его на работу в Молдавию, Сталин был твердо уверен, что из Брежнева медленно, но верно вырастает крупный партийный и государственный деятель. И не случись внезапной смерти вождя, еще неизвестно, в каком качестве вошел бы в историю «архитектор» «не то застоя, не то застолия», а на самом деле — крупный государственный деятель «золотой эры Советского Союза», как ныне называют двадцатилетие 1960—1970-х годов.

Глава 7

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ» В КРЕМЛЕ

1 марта 1953 года.

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ

Большинство исследователей событий, происходивших в высших эшелонах власти в период с октября 1952 по февраль 1953 года, сходятся на том, что Сталин на XIX съезде, а вернее на Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года, потерпел поражение, поскольку участники Пленума воспротивились его желанию оставить два важнейших поста, о чем выше уже не раз упоминалось. На наш взгляд, это не совсем так, поскольку «побед», достигнутых Сталиным на этом съезде, было гораздо больше, чем «поражений». Во-первых, 13 октября делегаты съезда одобрили новый устав партии, согласно которому одна из коллегий, гириями висящих на ногах Сталина в его 30-летней борьбе с коллегиальностью, а именно Оргбюро, упраздняясь. Во-вторых, Политбюро было переименовано в Президиум ЦК КПСС, и смена названия высшей коллегии отнюдь не случайна. Цель выяснится уже через два дня после закрытия съезда, 16 октября, на первом Пленуме: число членов высшей инстанции с обычных десяти-двенадцати человек возрастет в два раза, до двадцати пяти персон, да плюс еще 11 кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС. Ту же метаморфозу переживет и вторая коллегия — Секретариат. Здесь количество членов увеличится тоже в два раза — с пяти до десяти. Что дает Сталину это серьезное увеличение численности двух оставшихся коллегий? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить первый этап борьбы Сталина с коллегиальностью. При Ленине членов Политбюро вообще было 5 человек, правда, когда он почувствовал опасность

раскола, то срочно увеличил коллегии на два человека вопреки требованиям Устава. Сталин уловил этот момент и в последующем, от съезда к съезду варьировал численность членов Политбюро, вводя в него преданных ему соратников и постепенно выводя оппозиционеров. Так что после XVII съезда ВКП(б) численность Политбюро возросла до 17 человек, причем все члены этого коллегиального органа были преданными Сталину соратниками.

Заметим также, что помимо Президиума ЦК КПСС был утвержден тогда непонятный никому орган, уставом КПСС не предусмотренный — Бюро Президиума ЦК КПСС. Вспомним также, что список будущих членов и кандидатов в члены Президиума, а также членов Секретариата был составлен лично Сталиным, что и вызвало недоумение «старых» членов Политбюро. Этим приемом Сталин «убивал» сразу двух зайцев. Во-первых, большая часть «новых» членов этих, теперь уже двух, коллегиальных органов ЦК КПСС были не «прожженные» партаппаратчики, а люди конкретного дела, и работать дальше с ними по «урезанию» полномочий партаппарата Сталину будет несравненно легче, чем с «твердокаменными» большевиками типа В.М. Молотова. Кстати, Молотов и Микоян в ближайшем будущем «вылетят» из высшей коллегии, как пробка из бутылки. Сталину в этом отношении опыта не занимать. Та же судьба была уготована еще двум «твердокаменным» — Ворошилову и Кагановичу, хотя, соблюдая приличия, Сталин ввел их даже в Бюро Президиума ЦК, но на правах «вольноопределяющихся», без занятия конкретных должностей в Правительстве. Должности пятых — десятых заместителей Предсовмина — не в счет, поскольку сам Сталин саркастически заметил, что он и сам не знает сколько у него теперь заместителей.

Во-вторых, через «рудиментарный» орган Бюро Президиума Сталин вознамерился вернуться в самое ближайшее время к Политбюро ЦК, но уже в новом составе и новом качестве, кооптируя туда из Президиума ЦК «своих» людей. На начальном этапе в Бюро Президиума два его члена уже были «людьми дела» (Первухин и Сабуров), готовы «на вылет» Ворошилов и Каганович, вместо которых, естественно предпо-

ложить, войдут в его состав «тайные» преемники Сталина — Пономаренко и Брежнев. Судьба «четверки» должна была определиться на втором Пленуме ЦК, который планировался на март 1953 года. Они «дружно» выйдут из состава Бюро Президиума, скорее всего, по собственному желанию, апеллируя к естественным причинам: кто по состоянию здоровья, кто по возрасту, кто для того, чтобы «сосредоточиться» на работе где-то в другом качестве. С самого начала работы Бюро Президиума (сам Президиум ЦК КПСС так и ни разу не собрался) было ясно, по тому, как долго и упорно вел переговоры с «четверкой» Сталин, что для ее членов уготована роль «камикадзе». То есть, они «добровольно» шли на самопожертвование.

Проще всего дело обстояло с Лаврентием Павловичем Берией, которого и партаппаратчиком-то назвать было нельзя. Он был и оставался бы — уже в новом качестве — человеком дела. Ему предназначался пост министра МВД, объединенного с МГБ, за ним оставался важнейший пост председателя Спецкомитета, курирующего мероприятия по разработке ракетно-ядерного щита СССР, ему больше ничего и не надо. Да он и сам давно и открыто говорил о бутафорской роли своего членства в Политбюро. Мало того, в роли руководителя объединенных спецслужб он привлекался как раз к активной работе по подавлению сопротивления партноменклатуры на местах, если такое, паче чаяния, будет иметь место.

Легко решался на «самопожертвование» Николай Александрович Булганин, поскольку ему «светила» должность министра обороны, а что еще «паркетному» маршалу нужно? Он с легкостью поддержит, при необходимости, решение Сталина о привлечении армии к подавлению сопротивления партноменклатуры, но до этого, пожалуй, дело не дойдет. Хотя кто его знает? Вот, например, после смерти Сталина Булганин принял самое активное участие в ликвидации второго по значимости человека в руководящем ареопаге, то есть Л.П. Берии, 26 июня 1953 года, и ничего, справился.

Труднее обстояло дело с «твердокаменными» аппаратчиками Маленковым и Хрущевым. Что мог предложить Сталин после свержения власти коллегиального руководителя? Сместем предположить, что им была уготована роль заместителей

или советников («кураторов») при «тайных» приемниках Сталина, когда тайное станет явным: Маленков при Пономаренко, а Хрущев при Брежневе. Это гораздо «выгоднее», чем идти на голгофу (на плаху, под гильотину), чему они должны были быть безмерно счастливы. Все эти вопросы должны были рассматриваться на заседании Президиума ЦК КПСС 2 марта 1953 года. Отправив в отставку, заметим — по собственному желанию, практически всех членов Бюро Президиума (кроме Сталина, Первухина и Сабурова) и тут же кооптировав в него Пономаренко, Брежнева и еще четверых членов Президиума ЦК КПСС (кого имел в виду Сталин персонально — тайна сия великая есть, но то, что это «люди дела» — нет никаких сомнений), Сталин практически подготовил бы почву по приведению коллегиальных органов к уставным требованиям.

Уже на втором Пленуме ЦК КПСС он поставит вопрос о возвращении к жизни Политбюро ЦК КПСС в новом составе и ликвидации Президиума ЦК КПСС вместе с его Бюро. Вот какая «многоходовка» была задумана Сталиным накануне XIX съезда ВКП(б), а Вы утверждаете, что Сталин потерпел поражение на съезде! Ну а дальше-то что? Было до съезда Политбюро и снова его возрождение, правда, в совершенно обновленном составе. А вот это уже немало! Теперь нужно созвать внеочередной XX съезд партии, лучше всего назвать его Чрезвычайным, на котором избрать чрезвычайные органы по ликвидации руководящей и направляющей роли КПСС. Обновленный состав Политбюро как раз и должен был выполнить эту роль.

Естественно для такого чрезвычайно важного мероприятия должен быть учрежден чрезвычайный орган и диктатор с неограниченными властными полномочиями, как это случилось в начале Великой Отечественной войны, когда Сталин возглавил Государственный Комитет Оборона (ГКО). А предстоящее событие того стоит! Диктатора долго искать не пришлось бы, — он, собственно, никуда и не девался — Сталин! Но к этому времени он уже будет в ранге Председателя Президиума Верховного Совета СССР, то есть в ранге международного признанного главы государства. На Чрезвычайном съезде он будет избран Председателем партии и главой чрез-

вычайного ликвидационного комитета в составе уже ранее сформированного Политбюро ЦК КПСС, целиком состоящего из преданных Сталину «людей дела». Во что превратится КПСС после XX чрезвычайного съезда? Отвечаем — в широкомасштабную общественную организацию с очень важной задачей по идейному воспитанию населения страны, то есть по воспитанию «нового человека» — строителя светлого коммунистического будущего.

Многие исследователи утверждают, что Сталин предполагал оставить партии еще и кадровую работу. Но это не так, ибо оставь партии кадры, которые «решают все», партия со временем приберет к своим рукам «ВСЕ». Приведем по этому поводу аргументацию Е. Прудниковой, которая утверждает, что во время «переговоров» с членами «четверки» они договорились: «Партии — кадры и пропаганда, Сталину и Берии — управление государством. Вероятно, Сталин изначально предполагал оставить партии одну лишь пропаганду, но, проиграв на съезде, пришлось отдать и кадровую политику. Это много, это огромное влияние, это коррупция и взятки, но тут уж ничего не попишешь, надо платить откупной. Кадровая политика была громадной уступкой, но кадры пришлось отдать в качестве репарации»¹.

Во-первых, как мы попытались показать выше, Сталин на съезде вовсе «не проиграл», а по многим позициям выиграл «вчистую», а, во-вторых, на основании каких аргументов Е. Прудникова делает столь пессимистичный вывод? Вот этот аргумент: «О том, опять же косвенно, свидетельствует разговор, воспроизведенный в книге воспоминаний Судоплатова. Автора мемуаров больше всего поразило, что Берия обращается к Хрущеву на «ты», а саму реплику министра он приводит лишь для иллюстрации. Между тем, Берия говорил Хрущеву:

— Послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом!»²

---

¹ Е. Прудникова. Берия. Последний рыцарь Сталина. СПб., 2006. С. 377.

² Там же.

И не больше! Других аргументов для подтверждения столь серьезного вывода Е. Прудникова не приводит. Но этот фрагмент взят из диалога между Берией и Хрущевым, когда Берия уже возглавил МВД, в котором он наводил «порядок», то есть после смерти Сталина, в свои «112 дней». Так ведь к этому времени, а точнее 5 марта, за несколько часов до смерти Сталина, «старая гвардия» вернула все на круги своя, в том числе и кадровые вопросы. Не случись внезапной смерти вождя, такой диалог не мог состояться в принципе. Так что, по плану Сталина, партии предстояло, конечно, заниматься и кадрами, но исключительно своими собственными, и не более. Да об этом красноречиво говорит, нет, криком кричит, сам факт упразднения на съезде Оргбюро, основной работой которого была как раз кадровая.

А вот одну серьезную ошибку во время работы XIX съезда Сталин все-таки совершил, отправив в 3-месячный отпуск руководителей тайной службы контрразведки — А. Джугу и Ю. Маркова. Эта служба славно потрудились, отработав и представив Сталину «Список 213-ти» лиц высшей партноменклатуры, подлежащих ликвидации по мере реформирования руководящих органов страны. Поскольку Сталин не делал ничего, не продумав тщательно последствий своих действий, то попробуем «восстановить» ход его рассуждений в связи с временной отставкой указанных лиц.

Получив на руки основной «плод» деятельности отставников, Сталин решил, что «мавр свое дело сделал» и на подготовительном этапе реализации своих чрезвычайных реформ «мавра» можно отправить в тень, дабы не сорвать трудный переговорный процесс с «четверкой». Если же в ходе начавшихся мероприятий по реформированию властных структур возникнут очаги сопротивления, то «отставников» можно будет срочно призвать. Надо полагать, это делалось из гуманных соображений, Сталин не желал кровопролития, не хотел повторения ужасов 37-го. И для этого у него были серьезные основания, о чем выше уже говорилось: и Сталин был не тот (генералиссимус, международно-признанный полководец Второй мировой войны) и партноменклатура не та, что была в 30-е годы (твердокаменная, большевистская).

Однако риск весьма определенных негативных последствий в связи с «увольнением» руководства сталинской службы контрразведки все-таки был. Он состоял в том, что мог возникнуть заговор «обреченных», почувствовавших ослабление контроля за ними со стороны сталинских «церберов». О возможности существования такого заговора с целью физического устранения Сталина говорят практически все исследователи и «любители» изучения последних дней (недель, месяцев) жизни Сталина.

Иные «исследователи» относят возможность возникновения такого «заговора» чуть ли не к началу 1952 года, когда был сначала отстранен от должности, а затем и арестован многолетний руководитель сталинской службы охраны генерал-лейтенант Власик. Подумать только! Якобы Игнатъев расправляется с Власиком, затем с Поскребышевым, убивает коменданта Кремля Косынкина, меняет по своему усмотрению лечащих врачей — да что же это за монстр такой неукротимый выискался — вот-вот доберется до самого Сталина! Хорошо если эти действия, якобы, дело рук Игнатьева — он руководит МГБ и лично возглавляет сталинскую охрану. Но ведь большинство «исследователей» приписывают все вышеперечисленные «подготовительные мероприятия» Л.П. Берии, он же курирует, якобы, токсикологическую лабораторию Майрановского, в которой имеет свободный доступ к ядам, ампулы с которым постоянно имеет при себе и только ждет случая, чтобы вытряхнуть их содержимое в пищу или вино, которые подают вождю.

Итак, ближайшее окружение Сталина, якобы, преисполнено желанием убить Сталина. Это могут сделать действительно только самые близкие, допущенные к «телу» вождя люди, поскольку никакие диверсанты не смогли бы даже близко подойти к нему. Самое большее — иметь «удовольствие» видеть вождя на трибуне Мавзолея. Так что «следы» ЦРУ и других иностранных спецслужб затерялись где-то в тумане.

В поездках Сталина предпринимались чрезвычайные по тем временам меры безопасности. Причем их надежность многократно усиливалась их конспиративностью, обстановкой абсолютной тайны. Ближайшее окружение (неполити-

ческое) — были сверхнадежные, многократно проверенные люди. «Одной из основ тирании Сталина был его необыкновенный инстинкт самосохранения, выразившийся в безошибочном подборе личных сотрудников и личной охраны... Работник, подобранный по признакам, одному только Сталину ведомым, проходил свой испытательный стаж по заданиям Сталина и под его непосредственным наблюдением. Тот, кто выдерживал это испытание, навсегда входил в «живой инвентарь» внутреннего кабинета Сталина. Опираясь на этот «кабинет», Сталин и захватил «необъятную власть», о которой Ленин пишет в своем «Завещании» (А.А. Авторханов).

Если отбросить в сторону антисталинские эпитеты и формулировки, то следует признать, что Авторханов прав — Сталин надежно охранялся. И здесь исключительно важную роль играла секретная служба сталинской разведки и контрразведки, о существовании которой ни Авторханов, ни большинство из пишущих на сталинские темы ничего не знали. Да и поныне не знают. Вот, например, что пишет известный биограф И.В. Сталина, историк и весьма плодовитый публицист А.Б. Мартиросян, который в одной из своих последних книг приводит следующие слова одного из фигурантов личной сталинской разведки и контрразведки, которого автор хорошо знал:

«До архивов личной разведки Сталина... не добраться — официально ее не существовало, первые экземпляры многих ее документов, поскольку они находились у Сталина, были уничтожены Хрущевым в первые три года после смерти Сталина, иначе не получилась бы его дурдомовская «оттепель»... А неофициально... — когда придёт время, эти архивы заговорят в полный голос, и многим, очень многим и на Западе, и на Востоке, не говоря уже о России, придётся, мягко выражаясь, вертеться, как жареным карасям на сковородке...»¹

Вся система взаимоотношений Сталина с окружающими была построена таким образом, что чем человек был ближе к Сталину, тем меньше у него было оснований быть им недовольным. К обслуживанию Сталин был всегда добр и внимателен, выполнял просьбы, никогда не проявлял капризов или

---

¹ А. Мартиросян. Заговор маршалов. М., 2006. С. 7.

чрезмерных требований. Начальник его личной охраны — генерал-лейтенант Власик — был многократно награжден, личный повар Сталина тоже носил воинское звание генерал-лейтенанта. Трое бывших личных охранников Сталина — Круглов, Серов, Игнатов — стали высшими чинами в системе внутренних дел и госбезопасности (двое из них — министрами). Личный секретарь Поскребышев стал академиком. И все это держалось не только на личном расположении Сталина, но и на его физическом существовании.

Кто мог покуситься на жизнь Сталина из его самого ближайшего политического окружения? Приводим интересные рассуждения по этому поводу профессора Д. Колесова: «В скорейшем уходе Сталина из жизни могли быть заинтересованы лишь некоторые деятели из его ближайшего политического окружения (не считая, разумеется, троцкистов и других официальных политических противников).

С возрастом Сталин стал недоверчивым даже к таким близким сотрудникам как Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович. Утрата же доверия Сталина всегда была знаком готовиться в мир иной. Эти люди в первую очередь могли быть заинтересованы в его смерти. Однако по своим психологическим качествам они были неспособны на подобные акции.

Другая группа — Берия, Булганин, Маленков, Хрущев — более вероятна в плане заговора. Однако единственной возможностью его реализации было осуществление акции кем-либо из них лично: осуществить ее с помощью каких-то «верных людей» было бы невозможно из-за абсолютно непредотвратимой утечки информации. Лично же осуществить подобное по своим качествам способен был только Берия. И действовать ему пришлось бы на свой страх и риск, ни с кем не сговариваясь. Почему?

Предположим, **А** задумал убрать вождя и предлагает **В** присоединиться к нему в осуществлении этой акции. **В** начинает рассуждать.

Вариант первый: если акция сорвется или о ее подготовке узнают заранее, они будут уничтожены.

Вариант второй: если акция удастся, то неизвестно, кто извлечет из нее выгоду: предсказать течение последующих

событий невозможно, ясно лишь, что вероятно серьезная борьба с неопределенным исходом. И действительно, Хрущев и Маленков при поддержке других «убрали» Берия, а затем Хрущев при поддержке «новых людей» «убрал» Маленкова, а затем Молотова, Кагановича и т.д.

Вариант третий: выдав вождю планы заговорщиков, можно отличиться и заслужить его доверие, которого хватит, чтобы прожить еще несколько лет. Потенциальные же соперники в последующей борьбе за власть будут им уничтожены, и позиции выдавшего на будущее станут предпочтительнее. Вождь же все равно долго не проживет: уже стар. Следовательно, оптимальной тактикой выживания будет выдать заговорщиков. И так должен был бы рассуждать каждый из получивших предложение принять участие в заговоре.

Вариант четвертый: каждый из получивших предложение может расценить его как провокацию: стоит, хотя бы для вида, согласиться, и ты пропал: предложивший сам донесет вождю. И твое согласие с его предложением станет достаточным основанием для казни. А утверждения о том, что согласие было лишь для вида, будет выглядеть в этой ситуации смехотворным.

Вариант пятый: получив предложение принять участие в акции **В** отвечает отказом, но ничего не предпринимает. В этом случае ему грозят две опасности: от **А**, который оказался связанным своим предложением, и от вождя вследствие недонесения ему о заговоре. И сам отказ от участия при недонесении о заговоре был бы расценен не как проявление лояльности (лояльным было бы донести), а как проявление малодушия на фоне враждебности. И опять гибель.

Мнение о том, что соратники Сталина могли договориться, чтобы «убрать» его, основано на ошибочном предположении, что всех их вокруг него объединили какие-то личные симпатии или взаимное согласие по важным проблемам. Напротив, их, с их властными амбициями объединяла только личность вождя. Стоит вождю уйти из жизни, как начнется обостренное соперничество, поскольку амбиции каждого уже не будут сдерживаться его более сильной личностью. И жизнь многократно показывала, что именно так всегда и

происходило. Ближайшее окружение Сталина не могло этого не понимать.

Зададимся вопросом: кто, с кем, как и о чем должен был бы договориться? Какова должна быть последовательность действий и как обеспечить взаимное доверие «изодренных в интригах» заговорщиков, «властолюбцев, враждующих каждый со всеми» (см. Ю. Власов). Каковы могли бы у них быть основания для такого доверия? Как осуществить акцию, чтобы никто из посторонних о ней не узнал?

Совершенно очевидно, что договариваться нужно было бы так, чтобы СЛОВО не было произнесено! Кто его произнес бы, тот автоматически подписывал себе смертный приговор: другие тут же отдали бы его на растерзание вождю или «общественности». Ведь все они боялись не только его, но и друг друга. Они друг другу не доверяли, находясь в отношениях соперничества, прикрываемого общей подчиненностью вождю и взаимной настороженностью. Так что «Вы-то как раз и не осмелитесь убить меня, потому что знаете, что, убрав меня, станете убивать друг друга» (Г.Г. Маркес).

Единственной возможностью приблизить смерть Сталина и единственной формой соучастия в осуществлении того, о чем они не могли не думать, было молчаливое взаимопонимание в неказании ему срочной и квалифицированной медицинской помощи после того, как с ним случился инсульт. То, что это был именно инсульт, никаких сомнений быть не может. Все описания его последних часов говорят только об этом. И все решила сама природа, а не вероятные заговорщики.

Тактика их поведения, действительно, свидетельствует о том, что соратники не спешили с медицинской помощью.

В этом варианте действий (или, вернее, бездействия) не оказывался «подставленным» никто из них. Никто ничем связан не был. Никто никого в смерти вождя обвинить не мог. И действовали все в полном соответствии с установленным им же порядком: именно Сталин запретил кому-либо входить к нему без вызова.

Поэтому к Сталину долгое время не вызывали бригаду скорой медицинской помощи, формально действуя правильно. Они не были обязаны догадываться, что с ним что-то слу-

чилось, если он долго никого к себе не вызывает. И только сын Василий, правильно улавливая дух ситуации, обвинил их — всех вместе! — в смерти отца. Хотя дело решила сама природа, и вряд ли даже своевременная медицинская помощь смогла бы ему в чем-то помочь.

Сложность подобного рода договоренностей хорошо видна на примере событий августа 1991: путчистам хотелось, и в соответствии с развитием событий было остро необходимо, использовать силу. Но никто так и не решился отдать соответствующий приказ: каждый сознавал, что в случае успеха, достигнутого не без использования кровопролития, власть делить будут уже без него. Воспользовавшись взятой им на себя ответственностью, на него же и спишут все издержки акции, именно его выставив перед обществом в качестве инициатора.

Понимание этого и отсутствие взаимного доверия парализовало действия заговорщиков: каждый весьма отчетливо сознавал, что, отдавая приказ о начале насильственных действий, он подписывает себе приговор, который его же однодельцы с удовольствием приведут в исполнение, чтобы успокоить граждан и показать всем, что новая власть — за справедливость, против насилия и кровопролития.

Наконец, подумаем и о такой аналогии. Брежнев «был обнаружен уже остывшим своим адъютантом, который пришел будить генсека. Хотя он был давно и серьезно болен, но почему-то ни служба охраны, ни медики не держали вблизи не только врачей, но даже медсестры, и реанимировать его взяли охранники... но было поздно. Прибывшие реаниматоры лишь констатировали смерть...» (В.И. Болдин). Но ведь оснований опасаться Брежнева у его окружения не было, и входить к себе он не запрещал.

И, тем не менее, аналогия с последними часами жизни Сталина очевидна: человек остался без помощи в критический момент, видимо, дело не в отношении к конкретному лидеру, а в системе. При всех настойчивых декларациях заботы об обобщенном «советском человеке», заложенная в глубине политической системы отчужденность положения **конкретного отдельного человека** самым неожиданным образом актуализируется для ее главы. В момент, когда стира-

ются различия между ним и любым из прочих граждан — в момент расставания с жизнью. Как бы ни сложна и иерархична была система взаимоотношений в обществе, перед природой равны все. И это выясняется самым наглядным образом в момент, когда именно она вступает в свои права»¹.

Согласимся с убедительной аргументацией профессора Л. Колесова относительно невозможности осуществления тайного сговора ближайших соратников с целью убийства Сталина, но сделаем при этом два замечания.

Во-первых, наличие у Сталина «Списка 213-и», подготовленного его секретной службой безопасности. Ближайшее окружение знало, как о существовании этого списка, так и о повадках заплечных дел мастеров указанной службы, а посему даже тайная мысль, которая могла возникнуть в голове его приближенных, казалась им преступной и ее гнали как можно скорее прочь.

Во-вторых, не могло быть между ближайшим окружением Сталина и «молчаливого взаимопонимания в неоказании ему (Сталину. — А.К.) срочной и квалифицированной медицинской помощи после того, как с ним случился инсульт», с целью приблизить его смерть. Здесь профессор косвенно признается, что он находится в плену завиральных версий «очевидцев» смерти Сталина, т.е. «легенды Лозгачева» и мемуаров Н.С. Хрущева. Не могло быть подобного «соучастия» и «взаимопонимания» по той простой причине, что заведомое неоказание своевременной медицинской помощи смертельно больному человеку есть тяжкое преступление. Случись такое, то после проведенного расследования все участники «молчаливого взаимопонимания» были бы выявлены, осуждены и расстреляны. И об этом тоже знали все соратники Сталина из его ближайшего окружения. Но поскольку никакого расследования не проводилось, не было следствия и суда, значит, смерть Сталина действительно произошла по естественным причинам и, возможная по тем временам медицинская помощь ему была оказана вовремя, но положительного результата не дала.

---

¹ Д. Колесов. И. В. Сталин. Право на власть. М., 2000. С. 183—188.

Однако, вернемся в зал заседаний XIX съезда партии и еще раз оценим царившую там обстановку с точки зрения перспективы реформирования самой партии, а, следовательно, всей политической системы страны.

В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду, с которым выступил Г.М. Маленков, открытым текстом прозвучал тезис о необходимости пересмотра роли партийных организаций в жизни советского народа.

«Создалась известная опасность отрыва партийных органов от масс и превращения их из органов политического руководства... в своеобразные административно-распорядительные учреждения... <...> Партии нужны не заскорюзлые и равнодушные чиновники, предпочитающие личное спокойствие интересам дела, а неутомимые и самоотверженные борцы за выполнение директив партии и правительства, ставящие государственные интересы превыше всего...» И далее Маленков заявил, что: « У руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знатоки своего дела».

От таких слов, надо полагать, невольно пробежал противный холодок по спинам у тех высших партчиновников, которые предпочитали давать руководящие указания, командовать всеми и вся, при этом абсолютно ни за что не отвечая.

Краткая 7-минутная речь Сталина на съезде была ритуальным выступлением, содержание которого адресовалось представителям зарубежных коммунистических и рабочих партий. Но «присутствие» Сталина явно ощущалось как в отчетном докладе Маленкова, который в вышеприведенном фрагменте доклада явно «озвучил» мысли Сталина, так и в выступлениях его ближайших соратников. В этом отношении весьма характерно выступление заведующего особым сектором ЦК ВКП(б), многолетнего помощника и секретаря сталинской канцелярии А.Н. Поскребышева.

Формально, речь Поскребышева была посвящена, хотя и важному, но частному вопросу — необходимости укрепления партийной и государственной дисциплины. Но даже по некоторым фрагментам этой речи, которые приводятся ниже, становится понятным, что к делегатам съезда, а через них и

ко всей партии и советскому народу обращался именно Сталин, и слова эти звучали не просто грозно, они говорили о предстоящих серьезных переменах в стране.

«Есть у нас, к сожалению, среди партийных и советских работников (заметим, что хозяйственные работники здесь не упомянуты. — А.К.) такие, которые почему-то уверены в том, что законы обязаны исполнять не они, а кто-то другой, а что они сами могут обходить законы, нарушать или применять их по своему усмотрению по принципу: «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло». От такого весьма странного понимания законов всего один шаг к... преступлению... Иные руководители почему-то считают, что критиковать дозволено только своих подчиненных, а подчиненные, видите ли, не вправе критиковать свое начальство. Это... ничего общего не имеет с партийностью. Руководитель... ограждающий себя от критики, заведомо роет пропасть между собой и массами <...>.

Критика и самокритика — это мощная сила, способная делать чудеса, если ею умело пользоваться, если она применяется честно, открыто, по-большевистски. <...>

Критику и самокритику не уважают лишь люди с нечистой совестью, это либо нарушители партийной и государственной дисциплины, либо презренные трусы, либо жалкие обыватели, недостойные носить высокое звание члена партии...»¹

Конечно же, сам Поскребышев ничего подобного по своей инициативе сказать не смог бы! Он ведь выступал не на районном или областном партийном активе, а на долгожданном высшем партийном собрании всего Советского Союза, перед всей коммунистической «головкой» планеты, в присутствии самого Сталина!

Поскребышев никогда и ни в чем не мог проявлять сколько-нибудь серьезной инициативы даже не в силу каких-то своих личностных качеств, а просто потому, что если бы он однажды на это и отважился, то всё равно все сочли бы, что инициатива исходит от товарища Сталина, а Поскребышев — не более чем исполнитель.

---

¹ Цит. по: С. *Кремлев*. Зачем убили Сталина? М., 2008. С. 259—260.

Так что это говорил, конечно же, Сталин. Но если бы это сказал он сам, то эффект был бы не только оглушающим, но и не тем, которого Сталин добивался. Ведь это было еще не всё, что сказал он устами Поскребышева, ведь дальше следовали еще более грозные, весомые и значительные слова:

«Имеются... случаи, когда некоторые вельможные чиновники, злоупотребляя своей властью, учиняют расправу за критику, прямо или косвенно подвергают подчиненных репрессиям и преследованиям (далее выделение мое. — А.К.). Но всем известно, как строго карает таких вельмож наша партия и ее Центральный Комитет, не считаясь при этом ни с чинами, ни со званиями, ни с прошлыми заслугами...»¹.

Мог ли это сказать Поскребышев — всегда подчеркнуто скромный, подчеркнуто незаметный и подчеркнуто несамостоятельный человек — в публичной обстановке, в зале, где во всем блеске и великолепии чинов, мундиров и наград был собран весь партийный авангард страны.

Нет, конечно! Говорил это Сталин. Но говорил так, чтобы при всей грозности и серьезности предупреждения оно не было воспринято как предвестие новых крупных чисток в партийно-государственном руководстве и аппарате.

Устами Поскребышева Сталин не угрожал, не пугал. Он предупреждал. Но предупреждал всерьез и, как всегда, по-сталински. То есть, во-первых, предельно сдержанно — потому он и поручил сказать то, что было сказано, другому. Во-вторых, весомо. И можно было не сомневаться, что вся высшая партократия — и сидящая в зале, и орудующая вне его стен, поняла Сталина верно.

Да и как она могла его не понять, если Сталин говорил на эту тему уже не первый раз. И даже не второй... Говорил он это, например, 13 апреля 1928 года на совещании актива московской организации ВКП(б), говорил спустя 6 лет в январе 1934 года в отчетном докладе XVII съезду ВКП(б):

«По части подбора людей и смещения тех, которые не оправдали себя, я хотел бы сказать несколько слов.

---

¹ Там же. С. 260—261.

Помимо неисправимых бюрократов и канцеляристов, на счет устранения которых у нас нет никаких разногласий, есть у нас еще два типа работников, которые тормозят нашу работу, мешают нашей работе...»

О первом типе Сталин сказал так: «Один тип работников — это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая, партийные и Советские законы? Они надеются на то, что Советская власть не решится их тронуть из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы... Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом... Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место...».

А дальше Сталин сказал и о втором типе негодных работников, которых он назвал «честными болтунами», и с чисто сталинским юмором сетовал:

«И когда снимаешь с постов таких болтунов ...они разводят руками и недоумевают: «За что же нас снимают? Разве мы не сделали всего того, что необходимо для дела, разве мы не собрали слет ударников, разве мы не провозгласили на конференции ударников лозунгов партии и правительства. Разве мы не избрали весь состав Политбюро ЦК в почетный президиум, разве не послали приветствие товарищу Сталину, — чего же вы еще хотите от нас?»¹

Этих Сталин рекомендовал тоже снимать с руководящих постов — в 1934 году. Через три года, в 1937 году, лишь снятием с постов ограничиваться удавалось уже не всегда... Не удалось бы, скорее всего, и в 1953-м.

Нельзя не заметить несомненного текстуального сходства приведенных фрагментов речи Сталина в 1934 году и По-

---

¹ Там же. С. 262—263.

скребышева на XIX съезде ВКП(б), и делегаты съезда это сходство, безусловно, уловили и почувствовали себя на месте делегатов XVII «расстрелянного» съезда ВКП(б). А если даже не заметили сходства, то их референты сразу же на это сходство внимание «шефов» обратили бы. Вот, мол, что сказано Александром Николаевичем Поскребышевым, а вот что сказано на страницах 369—372 тринадцатого тома собрания сочинений товарища Сталина, изданного год назад.

А если бы что-то просмотрели и референты, то уж те изменения в руководстве партией, которые произошли после съезда, навели бы на серьезные раздумья даже не очень далеких людей.

Так что делегаты съезда разъехались по домам в ожидании скорых и весьма серьезных перемен в жизни партии, страны и в их собственной жизни. Немногие исследователи этого периода в жизни страны обращали внимание на то, что в самом конце 1952 года 30 декабря, исполнилось 30 лет со дня образования СССР. Но особых торжеств по поводу столь знаменательного юбилея не было, лишь в «Правде» была опубликована статья того же Поскребышева «Великое многонациональное государство».

Действительно, было не до торжеств, поскольку внутриполитическая ситуация в стране после съезда как-то свернулась в странный, тугой узел. Доклады и отдельные выступления, прозвучавшие на съезде и особенно выступление Сталина на Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года не обещали партийным и иным руководителям всех рангов безоблачной жизни, от них требовалось научиться много работать при сравнительно низких льготах. И поэтому тридцатилетняя война, которую вел Сталин с феноменом коллективного руководства, осенью-зимой 1952—1953 годов обещала вспыхнуть с новой силой. Накопившиеся обиды и амбиции — злобные, мелочные, мещанские, потребительские могли снова пробудиться, ввергнув страну в новый, кровавый хаос.

Задача, стоящая перед Сталиным накануне решительной схватки, третьей по счету и последней по вполне естественным причинам, состояла в том, чтобы смягчить удар настоль-

ко, насколько позволяли объективные условия, сложившиеся на тот период, и обойтись на этот раз «малой кровью» в затянувшейся войне со своей собственной партией. То, что он искал смягчающие обстоятельства при подготовке нового раунда «гражданской войны», косвенно подтверждает в своих мемуарах Д.Т. Шепилов. В 1952 году он был занят важнейшим делом — написанием учебника по политэкономии социализма. И вдруг его назначают главным редактором «Правды».

Он — к Сталину: как же так, у меня ведь учебник...

— Да, я знаю, — сказал Сталин. — Мы думали об этом. Но слушайте, сейчас, кроме учебника, мы будем проводить мероприятия, для которых нужен человек и экономически, и идеологически грамотный. Такую работу можно выполнить, если в нее будет вовлечен весь народ. Если повернем людей в эту сторону — победим! Как мы можем это практически сделать? У нас есть одна сила — печать... — ну, и так далее».

Поскольку в это время в стране муссировались слухи о переселении всех евреев на Дальний Восток, возникшие после «успешного» завершения дела Михоэлса, ратовавшего за подобное переселение, но только в Крым, то это дало Е. Прудниковой повод для иронии: «Какие глобальные преобразования задумал Сталин? В настоящее время самым крупным его делом, будто бы намеченным на 1953 год, считается предполагаемое выселение евреев на Дальний Восток. Если ради этого ему понадобилась помощь всего советского народа и экономически грамотный человек на посту редактора «Правды», то, извините, это не политика, это психиатрия, диагноз под названием «мания величия» — не у Сталина, разумеется, а у борцов с антисемитизмом.

Итак, Сталин готовил какие-то преобразования в стране. Но перед их началом надо было что-то сделать с парт-аппаратом, который мог торпедировать любые начинания. Открытый бой вождь проиграл, теперь приходилось договариваться. Тем более что возможность диалога, как уже говорилось, была...»¹

---

¹ Е. Прудникова. Берия. Последний рыцарь Сталина. СПб., 2006. С. 377.

Действительно, возможность диалога не только была, но она уже вылилась в реальные многотрудные переговоры Сталина с «четверкой», о чем выше уже говорилось. Ну так что из этого? Результатом этих переговоров, который явно просматривался уже в начале 1953 года, должна была стать фактическая самоликвидация партии, как руководящей и направляющей силы советского общества. И успех этого проекта был уже очевиден, поскольку наученный горьким опытом двух предыдущих попыток, Сталин учел все возможные препятствия на пути претворения в жизнь этого поистине исторического решения. Ну а дальше то что?

О каких исторических преобразованиях (по Сталину — «мероприятиях»), в которые будет вовлечен весь советский народ, идет речь? К сожалению, Е. Прудникова уклонилась от ответа на этот вопрос, ограничившись тем мнением, что речь идет всего лишь о преемнике Сталина, как будто бы его будет выбирать весь советский народ. Ну а дальше смерть Сталина, главный претендент на роль преемника после 112 дней своего фактического правления предательски уничтожается, и страна покатилась к своему неизбежному краху.

А ответ на этот вопрос и прост и бесконечно сложен. Сталин готовил серьезную экономическую реформу, предтечей которой должна была стать реформа политической системы. К моменту стартового выстрела для начала политической реформы был намечен 1-й квартал, а точнее март месяц 1953 года. Именно к этому сроку Сталин подготовил мощную теоретическую базу, то есть сочинение «Экономические проблемы социализма в СССР», первая часть которого была завершена к концу сентября 1952 года, то есть накануне XIX съезда ВКП(б). Вторая часть книги была к концу года еще не готова, но с некоторыми рукописными главами его ближайшие соратники были ознакомлены и, судя по их «глухим» отзывам, некоторые положения и выводы этого сочинения вызвали у них стойкое неприятие, что грозило вылиться в ближайшем будущем в противостояние.

Поскольку после смерти Сталина неоконченная рукопись второй части его исследования бесследно исчезла, то

теперь сложно рассуждать о характере предполагаемых экономических реформ. Это, во-первых. Во-вторых, рамки обозначенной в настоящем исследовании темы не позволяют углубиться в раскрытие этой сложной, совершенно самостоятельной темы на основании имеющихся документальных источников. А вот относительно извечного для российской интеллигенции «еврейского вопроса» Е. Прудникова иронизирует не совсем уместно, поскольку он, правда несколько с другого бока, здесь явно присутствует под незамысловатым названием — «Дело врачей».

Один весьма немаловажный фактор не позволял Сталину наметить точную дату не только для старта третьей фазы его тридцатилетней войны с партноменклатурой, но даже определиться с датой проведения XIX съезда ВКП(б). И фактор этот — Соединенные Штаты Америки. Война в Корее несколько укротила амбиции заокеанского «союзника». И в 1950—1951 годах СССР пребывал в состоянии относительно политического покоя. Как отреагирует Вашингтон на возникновение в «империи зла» новой политической лихорадки с вполне прогнозируемыми кровавыми последствиями? Сие было трудно предугадать, и не дай бог, если «дядя Сэм» захочет погреть руки на возникшем кризисе, затеяв какую-нибудь закулисную игру. Подобное развитие событий требовалось пресечь в зародыше. Например, посредством превентивного обвинения США в том, что еще не произошло — в попытке дестабилизировать советский режим. Громкое, с трезвым на весь свет разоблачение антикремлевского заговора с явным проамериканским следом вынудило бы Белый дом начать оправдываться, обелять себя и, что важнее всего, поостеречься вмешиваться во внутренние дела Советского Союза при их осложнении. По версии К. Писаренко ситуация развивалась следующим образом.

«2 июля 1951 года чекист М.Д. Рюмин, сам того не сознавая, подал Сталину идею, поведав в жалобе на Абакумова о выбитом им у скончавшегося весной доктора Этингера признании «в подлом убийстве товарища Щербакова», секретаря МК и ЦК ВКП(б) в мае 1945 года. А действительно, почему

бы не увязать работу части именитых кремлевских врачей, в первую очередь еврейского происхождения, с деятельностью очень авторитетной в США еврейской диаспоры? Окрестить под разными предлогами врачебную практику светил медицины преступной, приписать смерть и заболевание ряда членов советского правительства злему умыслу эскулапов и добавить, что координировало вредительские деяния врачей-убийц американская разведка через различные еврейские организации. Заманчивая идея, не так ли?! Американцам долго придется публично отмываться от клеветы в глазах мирового общественного мнения, и тогда они при всем желании не посмеют встревать в наш кризис, дабы не подкрепить голословные обвинения Советов реальными фактами. Ведь наблюдение за ними после скандала приобретет всеобщий и пристальный характер.

Сталин, конечно, надеялся, что за год до созыва XIX партсъезда МГБ успешно раскрутит дело врачей, и оба процесса — судебный и политический — стартуют синхронно, осенью 1952 года. Однако следствие продвигалось вперед еле-еле, не шибко радуя инициатора положительными результатами. Отсюда и вынужденная отсрочка в ликвидации коллективного руководства, о чем свидетельствует формирование внутри Президиума ЦК странной, не предусмотренной Уставом структуры — Бюро Президиума из девяти членов Президиума ЦК.

Бюро Президиума избрано на Пленуме ЦК 16 октября. Это — аналог прежнего Политбюро. Задача Бюро — временно, пока дело врачей не окажется в суде, поддерживать дееспособность высшей инстанции на досъездовском уровне, то есть когда существовало обычное Политбюро из десяти человек. Потом оно и образовано Пленумом, а не съездом. Пленум легче собрать, чем съезд. На любом ближайшем заседании Пленума неуставной орган можно без труда распустить и тотчас замкнуть право решения всех текущих вопросов непосредственно на двадцатипятиголовый Президиум»¹.

---

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923—1953. М., 2006. С.237.

Как видим, здесь высказывается иная, отличная от вышеизложенной точка зрения на роль Бюро Президиума ЦК КПСС в задуманной Сталиным процедуре отстранения от власти высшей партноменклатуры. Но в данном случае этот факт не имеет решающего значения при рассмотрении феномена «Дела врачей».

К 16 октября 1952 года следственной группе М.Д. Рюмина подготовить для защиты предстоящей акции надежный пропагандистский заслон по-хорошему (методами психологического давления на арестованных и криминалистических экспертиз) не удалось. Посему сразу же после Пленума группы врачей, выбранных для ритуальной жертвы, без проволок взяли под стражу и перепоручили другой команде, которая с 12 ноября по личному распоряжению Сталина принялась безжалостно выбивать из несчастных самооговоры. Те были получены в кратчайшие сроки (к 24 ноября), и, ссылаясь на них, 1 декабря вождь проинформировал Президиум ЦК КПСС о раскрытии чудовищного заговора врачей, убивших Щербакова и Жданова, покушавшихся на Андреева, Булганина и многих иных видных советских, партийных работников и военных, нити которого уходят за кордон, к еврейским общинам США, в частности к организации «Джойнт». Именно во время трехдневного заседания Президиума ЦК (1, 3 и 4 декабря), судя по черновику доклада Хрущева на XX съезде, Сталин произнес в сердцах загадочную фразу: **«Вот вы какие — слепцы, котятя! Не видите врага! Что будет без меня? Погибнет страна! Потому что вы не можете распознать врага!»**.

Фраза двусмысленна. Все поняли ее прямо, с переводом на личности. Между тем Сталин, очевидно, имел в виду врага не явного, врага незримого, сидящего в каждом из нас, — сильную веру в эффективность коллективного управления, проистекающую из недоверия и подозрительности людей друг к другу. В этом контексте слова Иосифа Виссарионовича звучат поистине пророчески. Страна и вправду погибнет, и погибнет, как и предрекал вождь, потому что никто так и не сможет распознать подлинную причину ущербности советской власти.

Сталин спешил. Чувствовал, что срок, отпущенный ему, стремительно тает. Оттого и торопил, даже опережал события. Еврей Вовси, невзирая на усилия экзекуторов с Лубянки, еще продолжал отрицать свою связь с ЦРУ через «Джойнт». Русский Виноградов упрямылся повиниться в преднамеренном убийстве Жданова, а врач-кардиолог Софья Карпай, та самая, которая летом 1948 года снимала кардиограммы у Жданова так ни в чем и не призналась, несмотря ни на моральное давление, ни на пытки, испытал на себе «равное право» на экзекуцию с мужчинами. Как мы уже раньше отмечали, 13 января 1953 года «Правда» обнародовала данные признания. Сталин всячески подгонял подчиненных с организацией суда над врачами. Но прежде, чем устраивать американцам публичную обструкцию, следовало нейтрализовать волну антисемитизма, закономерно поднявшуюся благодаря соответствующей шумихе в прессе (большинство врачей, мнимых агентов американской разведки были из числа евреев). Поэтому Сталин повелел написать для «Правды» открытое обращение от имени пятидесяти восьми деятелей науки и культуры еврейской национальности. Документ напоминал обществу об опасности деления людей по национальной принадлежности, о наличии среди евреев такого же классового расслоения, как и в любом другом народе. Фактически петиция озвучивала официальную позицию по обострившейся проблеме, позицию, осуждающую разжигание национальной розни под благовидными политическими предложениями.

Письмо было подготовлено обозревателем газеты «Правда» Я.С. Хавинсоном (печатался под псевдонимом М. Маринин) при участии академиков М.Б. Митина и И.И. Минца. Они же и собирали подписи под письмом видных ученых, литераторов, артистов, конструкторов, врачей и военных еврейского происхождения. Некоторые фигуранты, чьи подписи предусматривались под документом, подписывать его решительно отказались. В частности, отказались поставить свои подписи генерал Яков Крейзер, профессор Аркадий Ерусалимский, писатель Вениамин Каверин¹.

---

¹ Я. Рабинович. Илья Эренбург. Портрет на фоне времени. М., 2011. С. 453.

Публикация данного обращения была приурочена к началу скандального судебного процесса и экстренного Пленума ЦК КПСС, на который выносился вопрос о реорганизации коллективных органов управления страной, которые планировались на первую половину марта 1953 года. Конкретная дата должна была быть утверждена на заседании Президиума ЦК КПСС, которое было запланировано провести 2 марта 1953 года. Как уже отмечалось выше, Сталин принял решение данное обращение не публиковать, и, как полагает Я. Рабинович, на это его решение в значительной мере повлияло письмо И. Эренбурга Сталину¹.

В субботу 28 февраля Сталин работал над документами, проекты которых предстояло утвердить или, как минимум, обсудить 2 марта. Воскресный день он планировал провести в кругу своих детей, которых пригласил на обед, о чем Светлана Аллилуева писала в воспоминаниях. Однако обед с детьми и планируемый отдых накануне решающего события перед предстоящим Пленумом ЦК КПСС и иными «мероприятиями», приуроченными к Пленуму, волей судьбы не состоялись, о чем красноречиво поведал в своих мемуарах и Н.С. Хрущев. Правда, по его версии Сталин собирался якобы отметить выходной день 1 марта 1953 года снова в компании членов «четверки», куда приглашены были также Светлана и Василий. Такую «компанию», по словам Хрущева, Сталин собирал якобы для того, чтобы обсудить какие-то важнейшие для судеб страны вопросы. Но случившийся со Сталиным удар «сорвал» намеченное мероприятие. Хрущев, как мы уже это отмечали ранее, так упорно муссирует это событие, что возникает сомнение по поводу того, планировалось ли вообще совместное воскресное застолье. Действительно, с какой стати Сталин будет доводить до членов «четверки» нечто важное для судеб всей страны в присутствии своих детей, один из которых вечно «полупьяный», а другая по горло «загружена» своими амурными проблемами. Им (детям Сталина) это надо?!

---

¹ Там же. С. 454—455.

Своими рассуждениями типа: «ждал вызова — не обещал», «не дождался — поел», он явно старается скрыть другое, имевшее место событие, которое реально случилось в этот воскресный день.

Действительно, еще раз продумав все вопросы, связанные с предстоящим заседанием Президиума ЦК КПСС (напомним читателям, что это было бы первое заседание после учреждения этого органа XIX съездом), Сталин вспомнил, что чисто по формальным признакам эти вопросы следует обсудить сначала с членами Бюро Президиума в полном составе. С «четверкой» все говорено-переговорено, но ведь есть еще одна «четверка», которая пока ни сном, ни духом. Это Ворошилов и Каганович (представители «старой» гвардии), Сабуров и Первухин — «молодогвардейцы». И Сталин дает команду срочно пригласить основную «четверку» на Ближнюю дачу, чтобы с ними решить процедурные вопросы, связанные с проведением заседания Бюро Президиума, которое необходимо провести... 1 марта 1953 года, то есть в воскресенье, другого времени для этого уже не было.

Дальше все хорошо известно. Ближе к полуночи «четверка» прибыла, и были оперативно решены все вопросы, где-то за полтора-два часа. Чего было тянуть до 5—6 часов утра, тем более что никакого застолья не было, поскольку оно и не планировалось: виноградный сок и фрукты — пожалуйста, и ни капли спиртного. Это уже потом, спустя годы и десятилетия, стало известно, что соратники славно «повеселились» до 5—6 утра и расходились в хорошем подпитии. Да тут и 2 часов многовато было, но возникли дополнительные предложения по завтрашнему мероприятию, и их следовало основательно обсудить. Что за предложения, о которых Сталин узнал только сейчас?

Во-первых, предлагалось провести заседание Бюро Президиума в несколько расширенном составе, пригласив на него Молотова и Микояна из когорты старейших соратников Сталина, ныне находящихся в опале, но являющихся членами Президиума ЦК КПСС. Поскольку они все равно будут присутствовать на мероприятии, запланированном на 2 марта, то не лучше ли заранее знать их точку зрения на выносимые на

Президиум вопросы. С этим предложением выступил Л.П. Берия, другие члены «четверки» его единодушно поддержали. Другое предложение касалось двух преемников Сталина — Пономаренко и Брежнева. Г.М. Маленков предложил пригласить их на Бюро Президиума, чтобы они, раньше других участников предстоящего заседания Президиума, ознакомились с программой широкомасштабной модернизации системы власти в стране, поскольку им в первую очередь эту программу практически реализовывать, разумеется, под мудрым руководством товарища Сталина.

Это предложение Сталину понравилось, и он тут же огласил процедуру оповещения участников заседания Бюро Президиума.

— Поступим так, — вслух размышлял вождь. Поручим товарищу Берия пригласить на Бюро т.т. Молотова, Микояна и Кагановича. А тт. Ворошилова, Сабурова и Первухина оповестит тов. Булганин. Назначим «кураторами» товарищей Пономаренко и Брежнева, соответственно, Маленкова и Хрущева. «Кураторы» вместе с «подопечными» прибудут на ближнюю дачу немного раньше намеченного срока заседания Бюро, скажем к 21 часу. Я хотел бы «посекретничать» с ними отдельно.

А само заседание Бюро Президиума проведем в Кремле, в зале заседаний Политбюро и начнем его в 23.00. Согласны, товарищи?

Никто против этого, естественно, не возразил, только Берия что-то буркнул про себя: «Тайная вечеря — 12 апостолов во главе с Иисусом Сталиным».

У Сталина был тонкий слух, он услышал ворчание Берии, быстро уловил смысл сказанного и громко расхохотался.

— Получается, действительно по Евангелию... — И Сталин перечислил в алфавитном порядке фамилии «12 апостолов»: — Берия, Брежнев, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Пономаренко, Сабуров, Хрущев. — Придя в хорошее расположение духа, он сквозь смех продолжил рассуждение о «Тайной вечери». — Интересно, а кто же среди перечисленных «апостолов» окажется Иудой?

Вопрос сначала как бы повис в воздухе, но тут же все присутствующие почти в унисон заговорили, что такого предателя дела Ленина — Сталина среди названных лиц нет и быть не может.

На этом обсуждение вопроса, ради которого члены «четверки» были приглашены на экстренное судьбоносное совещание, было завершено. Сталин предложил на той же шуточной волне тост: «За успех нашего дела» и все дружно осушили фужеры с... виноградным соком.

На следующий день, в 23 часа все «12 апостолов» сидели за длинным столом по шесть человек напротив друг друга, на председательском месте сидел И.В. Сталин, который объявил повестку дня заседания, не удержавшись при этом от шуточного тона, назвав это собрание «тайной вечерей».

Перед ним лежала папка с бумагами, но он, практически не заглядывая в нее, начал свой доклад в форме беседы, предупредив участников совещания, что они могут в ходе его сообщения задавать уточняющие вопросы, тем самым определив формат совещания в виде застольной беседы. На столах в богатом ассортименте были поданы фрукты и соки, обещан был легкий ужин с последующим чаепитием. Сталин был в хорошем настроении, все располагало к конструктивному обсуждению вопросов, выносимых на совещание.

Прежде чем перейти к главному вопросу о предстоящей реформе политической системы страны, Сталин представил присутствующим П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнева в их новом качестве, как кандидатов на два высших руководящих поста: Председателя Совета Министров и Генерального секретаря ЦК КПСС, соответственно.

Доклад вместе с ответами на вопросы участников совещания занял около 2 часов, после чего Сталин предложил сделать короткий перерыв, пригласив участников собрания поужинать, оставаясь всем на своих местах.

После ужина первым слово для выступления попросил В.М. Молотов, сославшись на недомогание, он действительно выглядел не совсем здоровым, часто кашлял. Похоже, был простужен, позже выяснилось, что у него началось воспаление легких.

Следом выступили «ветераны» бывшего Политбюро, дол­голетние соратники Сталина: Берия, Маленков, Ворошилов, Булганин, Микоян. Сталин внимательно слушал выступления, что-то помечал в своей знаменитой тетради в коленкоровом переплете, но с какого-то момента почувствовал, что не все слова выступающих, он четко улавливает.

Вот слово взял Л.М. Каганович, но Сталин не сразу понял, о чем тот говорит, ему кажется, что оратор как бы удаляется от него и его слова где-то по пути пропадают. Тут он поймал себя на мысли, что его голова низко опускается к столу и по­тому он не улавливает, о чем говорит Каганович. Встряхнув головой, как это делает вдруг задремавший человек, он об­вел взглядом присутствующих и уловил какую-то тревогу в их взглядах. В этот момент, словно преодолев какое-то препят­ствие на своем пути, до него донеслись слова эмоциональ­ной речи Лазаря Моисеевича. Он говорил, как всегда, громко, особенно когда ругал каких-то невидимых врагов. Он говорил о сионистском международном заговоре, о проникновении ядовитых зерен сионизма на нашу землю. О разгромленном ЕАК, лидеры которого вынашивали планы о переселении со­ветских евреев в Крым и, само собой разумеется, о «деле вра­чей». О том, как весь советский народ клеймит этих «убийц в белых халатах», требуя их сурового наказания. Сталин отме­тил про себя, что Каганович сильно перегибает в своих обви­нениях еврейской диаспоры, сбивается на антисемитские по­зиции. И вдруг он услышал совсем неожиданные обвинения в адрес всей еврейской нации, которая является, якобы, ино­родным телом в дружной семье советских народов. Сталин начал подниматься, чтобы пресечь поток ругательств, доно­сившихся с трибуны, резким взмахом правой руки в сторону оратора. Но взмаха не получилось, и в этот момент он услы­шал слова с трибуны:

— Я предлагаю поддержать идею товарища Сталина о пе­реселении всех евреев Советского Союза на Дальний Восток, преобразовав Еврейскую автономную область в автономную республику со столицей в г. Биробиджане, увеличив ее тер­риторию за счет Хабаровского края и Амурской области. Они

хотели получить автономию в Крыму, так пусть получают ее на Дальнем Востоке.

Он продолжал говорить, но Сталин уже ничего не слышал, повалившись на руки окруживших его со всех сторон соратников. Только сейчас, оторвав глаза от текста своего выступления, Каганович понял, что со Сталиным случился удар, и «виновником» этого события, похоже, является он. Но ведь он хотел сделать своего рода сюрприз вождю, поскольку был убежден, что слухи о переселении евреев в Сибирь, на Дальний Восток инспирированы Сталиным, хотя на словах тот всегда поругивал «безродных антисемитов», предупреждая своих соратников, что борьба с сионизмом, никоим образом не должна свалиться в антисемитизм, который был чужд Сталину, как и любое проявление шовинизма и ксенофобии.

Сталина подхватили сидящие рядом с обеих сторон председательского кресла Берия и Маленков. Правая рука, которой он хотел как бы согнать с трибуны Л.М. Кагановича, безжизненно повисла, но голова его по-прежнему была устремлена в сторону уже замолчавшего оратора, и он перекошенным ртом пытался произнести какие-то грозные слова в адрес Кагановича. Но связанных слов не выходило, были всего лишь какие-то звуки: «и...и...дзз», «и...и...и...дза» и что-то близкое к тому. Надо полагать, что вождь бросил страшное обвинение одному из своих долголетних соратников: «ИУДА»!

Было ли выступление Л.М. Кагановича предательским по отношению к кумиру, которого он боготворил всю свою сознательную жизнь? Нет, конечно! Вот как косвенно оценивает роль «Иуды» на этом трагическом совещании сам Каганович. В уже упомянутом нами ранее сочинении В. Пятницкого «Заговор против Сталина», посвященном посмертной реабилитации своего отца, — видного революционера-интернационалиста Иосифа Пятницкого, приводится следующее, весьма многозначительное признание Кагановича.

Близкий друг автора книги взял интервью у Кагановича в пятидесятых годах, где-то после XX съезда КПСС, одним из заданных вопросов был следующий: «Как вы, будучи евреем, могли помогать Сталину в деле врачей?»

На что Каганович ответил: «Вы все ничего не поняли! Он, Сталин, был великий комбинатор (я не помню это слово буквально, записал Володя, что-то в смысле Великого Конструктора, Стратега. Но, во всяком случае, очень уважительно, вроде Мастера с большой буквы). Сталин задумал великое дело, и если бы он остался жив, вот тогда полетели бы головы»¹.

Комментируя это признание Кагановича, автор книги поясняет: «Здесь Володя (друг В. Пятницкого, который брал интервью у Кагановича. — А.К.) поднял руку указательным пальцем в потолок и сказал, он даже повторил: «Он потянул руку вот так и как бы выдавал прекрасную тайну, торжествовал от того, что «полетели бы головы». Владимир говорил, что ему даже стало не по себе...

Потом Владимир перевел разговор на Пятницкого, рассказав Кагановичу, что хочет писать книгу о нем для Политиздата.

Каганович спросил Владимира, почему он выбрал для своего труда такого героя, сказал, что эта тема очень трудная и ему она не по зубам. А затем разговорился, охарактеризовал моего отца как очень дельного работника. Он сказал, что Пятницкий, так же как и он сам, Каганович, не принадлежал к этим трепачам-теоретикам, что оба они прекрасные практики и это в то время было главным»².

Что-то, а «теоретиком» Лазарь Моисеевич действительно был никаким. Будучи «задвинутым» в тень вождя еще задолго до XIX съезда ВКП(б), он, подобно Валечке Истоминой, начисто перепутал развернувшуюся в стране шумную пропагандистскую кампанию, направленную своим острием против международного сионизма, с «доморощенным» антисемитизмом и, похоже, всерьез верил в то, что Сталин задумал создать на Дальнем Востоке процветающую Еврейскую республику, наподобие государства Израиль, к созданию которого «вождь мирового пролетариата» приложил немало усилий.

Так что, выступая с таким жаром в «поддержку» «сталинской идеи» о переселении советской еврейской диаспоры на

---

¹ Цит. по: В. Пятницкий. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 63.

² Там же.

Дальний Восток, он ни сном, ни духом не помышлял, что может вызвать столь негативную реакцию вождя, эмоциональным эхом которой явился сосудистый криз головного мозга.

Сталин падает на руки своих соратников, все остальные участники совещания вскочили со своих мест, повернувшись в его сторону, и на какой-то миг в зале воцарилась «немая сцена». Однако тут же все ринулись к беспомощному вождю, стараясь предотвратить его падение, поскольку удерживать его вдруг обмякшее и отяжелевшее тело Берия и Маленков были не в состоянии. Каганович «заменяет» Берия, видимо осознавая, что только он, единственный из присутствующих может взять ситуацию под контроль. Берия понял этот жест и, освободившись от печальной нагрузки, рванулся к двери, распахнув которую, буквально заорал: «Дежурного врача». Дежурный личный врач Сталина Смирнов вместе с медсестрой Лечсанупра Моисеевой уже бежали со своими чемоданчиками, застегивая на ходу разметавшиеся полы медицинских халатов.

Сталина положили на стол, и медики преступили к своим обязанностям. На какой-то миг остальные участники разыгравшейся трагедии, словно провинившиеся школьники, устремили свои взоры на Берия, ожидая от него каких-то указаний. В.М. Молотов, будучи больным и потрясенный случившимся, беспомощно опустился на стул, некоторые из присутствующих последовали его примеру, в ожидании распоряжений со стороны Берия.

Без какого-либо вступления с комментариями по поводу случившегося, поскольку все были свидетелями апоплексического удара, произошедшего с вождем, Л.П. Берия стал отдавать четкие и всем понятные распоряжения, суть которых заключалась в следующем.

Нужно срочно сформировать бригаду из лучших медицинских специалистов для организации лечения Сталина. Эту работу возглавит Г.М. Маленков, который срочно связывается с министром здравоохранения СССР А.Ф. Третьяковым и начальником Лечсанупра Кремля И.И. Купериным. Ставит им задачу по сбору специалистов-медиков высшей категории.

Врачей необходимо собрать на Ближней даче, где вернуть филиал Кремлевской больницы со всем необходимым оборудованием для диагностики и лечения болезни И.В. Сталина. Врач Смирнов, хлопотавший около больного, услышав, что Сталина потребуется перевозить на Ближнюю дачу, высказал сомнение по этому поводу. Больной требует абсолютного покоя и перевозка ему противопоказана. Берия, имея свои соображения по поводу лечения больного именно на Ближней, уточнил задачу Маленкову, в том плане, что санитарная машина для перевозки больного должна быть оборудована таким образом, чтобы перевозка не могла осложнить состояние больного.

Хрущеву предлагалось немедленно связаться с министром Госбезопасности С.Д. Игнатьевым и его заместителем В.С. Рясным и вместе с ними организовать мероприятия по обеспечению охраны больного и сопровождавших его лиц по пути следования от Кремля до Ближней дачи и по прибытии на дачу. Обеспечить строгую конфиденциальность этих мероприятий и провести необходимый инструктаж с сотрудниками охраны всех категорий о соблюдении режима конфиденциальности.

Всем присутствующим также предлагалось соблюдать этот режим, поскольку случившееся со Сталиным, до особого решения Бюро Президиума, составляет государственную тайну. Всем присутствующим предлагалось передислоцироваться на Ближнюю дачу и до особого распоряжения никуда не отлучаться без права ведения телефонных разговоров. Организация и контроль за осуществлением этих мероприятий возлагается на Н.А. Булганина.

Таким образом, члены «четверки» взяли под свой контроль и личную ответственность за организацию, и проведение срочных мероприятий по оказанию медицинской помощи И.В. Сталину.

Сколько времени потребовалось на то, чтобы осуществить вышеприведенные мероприятия с тем, чтобы уже в 7 часов утра 2 марта консилиум врачей приступил к своей миссии, и в рукописном медицинском журнале появилась первая

запись о состоянии больного и о начале проведения необходимых медицинских процедур?

Ответ на этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение, поскольку лишь из этого ответа может последовать заключение о том, сколько времени Сталин находился под наблюдением только лишь личного врача Сталина — Смирнова. Разумеется, при этом необходимо учесть, что именно Смирнов поставил верный диагноз болезни, и он же вместе с квалифицированной медсестрой уже принимал меры по облегчению состояния больного. Ответом на этот вопрос снимаются всякие спекуляции по поводу того, что Сталину умышленно, по коварному и негласному сговору его соратников длительное время не оказывалась медицинская помощь: от нескольких часов до суток. Конечную точку интервала времени «по неоказанию» мы знаем — 7 ч. 00 мин. 2 марта. Вычислить «начальную точку» этого интервала, а вернее время удара, мы можем только по каким-то косвенным признакам.

Здесь нам неоценимую услугу окажут рукописные воспоминания академика А.Л. Мясникова, умершего в 1965 году. После его смерти рукопись была изъята и хранилась в секретном архиве ЦК КПСС. А.Л. Мясников с опозданием прибыл на Ближнюю дачу вместе с профессорами Н.В. Коноваловым (невропатолог) и Е.М. Тареевым, когда там уже находились другие члены комиссии, в том числе министр А.Ф. Третьяков, который и ввел в курс вновь прибывших:

«Министр рассказал, что в ночь на второе марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг, с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер из охраны еще в 3 часа ночи видел его за столом (он смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате, в кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в замочную скважину и увидел Сталина расprostертым на полу между столом и диваном. Был он без сознания. Больного по-

ложили на диван, на котором он и пролежал все дальнейшее время»¹.

Ясно, что министр «озвучил» официальную версию случившегося, принятую по решению «четверки», но в этой версии «зашифрованы» реальные временные параметры, означающие следующее. Если Сталин в 3 часа ночи «работал» за письменным столом, чему, якобы, есть свидетельство охраны, то это и означает ту самую начальную точку отсчета, до которой вождь был однозначно здоров.

На самом деле оно так и было. Совещание членов Бюро Президиума началось в 23 часа в ночь с 1 на 2 марта. Доклад-беседа Сталина — 2 часа, затем перерыв на «легкий ужин». Положим, это еще полчаса, то есть выступления участников совещания начались в половине второго ночи. Выступили пять человек. Даже если каждый выступающий в среднем «говорил» по 20 — минут — итого один час 40 минут.

Следовательно, Каганович появился на трибуне где-то в 3 часа 10 мин., а удар случился в интервале 3 часа 10 мин. — 3 часа 20 мин. Некоторая заминка, и Берия начинает отдавать четкие распоряжения, скажем, в 3 часа 30 мин., то есть в половине четвертого раннего утра 2 марта 1953 года. Поскольку, согласно принятой версии событий, министр говорит, что «в седьмом часу охранник ... увидел в замочную скважину Сталина распростертым на полу...», то это в «зашифрованном» виде означает, что в это время больной уже доставлен на Ближнюю дачу и лежит на диване в ожидании медицинской помощи.

Что означает «в седьмом часу»? Так говорят обычно, когда минутная стрелка часов еще не достигла цифры «5» и тем более «6», ибо в противном случае говорят «в половине седьмого». Возьмем крайний случай — 6 часов 30 мин. Значит, на все про все, начиная от начала отдачи распоряжений Берии и до момента, когда больной оказался на диване на Ближайшей даче, прошло — 3 часа! В условиях глубокой ночи оповестить и собрать нужных людей, подготовить транспорт для «щадающей» (то есть с малой скоростью движения) перевоз-

---

¹ Цит. по: Ю. Мухин. Убийство Сталина и Берия. М., 2002. С. 392.

ки больного, доставить его на Ближнюю дачу, максимально соблюдая меры предосторожности, перенести его из рениавтомашины в зал большой столовой, уложить на диван — это просто рекорд! Не нужно забывать, что на протяжении всего пути следования рядом с больным находился врач и медицинская сестра высокой квалификации (надо полагать, что в клиниках Лечсанупра Кремля иных не держали), а рениавтомашина оборудована всем необходимым для оказания экстренной помощи (кислородные подушки, капельница с необходимым набором лекарств для внутривенного вливания и т.д.), а посему можно сделать заключение, что больной ни на минуту не оставался без медицинской помощи. И все спекуляции по поводу «неоказания» следует отбросить, как ненужный хлам.

Теперь к вопросу — во что одет был больной? В рукописном журнале медицинских наблюдений записано, что больной был «в костюме». Под «костюмом» в быту понимают пару: брюки-пиджак (китель, френч и т.п.). А в чем еще мог быть одет больной, если до удара он проводил официальное совещание? Повседневным «костюмом» Сталина была либо маршальская форма, либо полувоенный френч, то есть тот же маршальский китель, но без погон. А все другие варианты «прикида» больного, о которых вещал в своих многочисленных вариантах баек «дедушка Микита» — это плод его воображения, равно как и воображения авторов «легенды Лозгачева», основная цель которых увести читателя (слушателя) подальше от реальных событий той ночи.

Спрашивается, а зачем надо было уводить читателя (слушателя) от реальных событий? Вот здесь-то и зарыта собака, вот здесь-то и зародилась некая тайна, которую нужно было любыми способами скрыть от широкой общественности, а вернее, от всего мирового сообщества. С одной стороны, в официальном правительственном сообщении от 3 марта 1953 года «О болезни Председателя Совета Министров Союза СССР и Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина», опубликованном в газете «Правда» 4 марта 1953 года, утверждается, что: «В ночь на

2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания». Заметим, что в правительственном сообщении говорится лишь о начальном этапе заболевания и ни слова о том, где осуществлялись реанимационные мероприятия с больным, тогда как в многочисленных публикациях «исследователей» утверждается, что уже на кремлевской квартире наступила, якобы, смерть вождя. Это к слову. Но, с другой стороны, начиная с 1953 года, после расправы с Берией, Хрущев переносит начало событий той ночи, даже на сутки раньше и уже на Ближнюю дачу, в ночь с 28 февраля на 1 марта. Это же утверждается и в «легенде Лозгачева» спустя 24 года после трагических событий. Спрашивается, зачем было столько лет (да и поныне) наводить тень на плетень? Тем более что правительственным сообщением была сказана правда? Если хотели эту правду скрыть, то нужно было уже в правительственном сообщении указать, что удар у вождя случился на Ближней даче, где практически безвыездно находился Сталин, начиная с 17 января 1953 года.

Вот в том-то все и дело, что никто и не собирался эту правду скрывать. Где случилось, о том и сообщили, тем более, как мы видели, вся инициатива была в руках у Берии, а у него не было абсолютно никаких причин вставлять в историю заведомую ложь. Лгать начал Хрущев уже после смерти (а вернее после убийства) Берии, и эту ложь поддержали абсолютно все бывшие соратники Сталина, будучи повязаны Хрущевым круговой порукой, то есть, своим соучастием (кто прямо, а кто косвенно) в убийстве Берии. И на первом этапе этой большой лжи, как Хрущеву, так и остальным участникам «тайной вечери» хотелось сохранить в тайне сам факт проведения в Кремле совещания членов Бюро Президиума и приглашенных на него лиц.

Хоть и говорит народная мудрость, что на миру и смерть красна, и казалось бы ничего такого крамольного не было в

том, что инсульт у Сталина случился на виду его самых близких соратников — болезнь не выбирает ни место, ни время. Но! Как бы не пошли досужие вымыслы, что удар был спровоцирован неадекватным поведением окружающих, вызвавших эмоциональный стресс у вождя, который уже и раньше переносил несколько инсультов различной степени тяжести. Что именно эта причина послужила поводом к сокрытию правды о начальном этапе смертельной болезни Сталина, (что, по большому счету, тоже не было крамолой), ибо не сказать всей правды, это еще не значит соврать. В медицинской практике сколько угодно случается подобной «лжи» во спасение.

О том, что о месте смертельного удара у вождя задним числом лгал именно Хрущев, говорит сам факт обнародования после XX съезда (но до событий июня 1957 года, когда «сталинисты» попытались свергнуть новоявленного «диктатора»), хотя и в весьма искаженном виде, полуправды о «тайной вечери» в версии Эренбурга — Пономаренко. После развенчания Сталина на закрытом заседании XX съезда, когда на него свалили вину и все грехи за организацию и проведение «необоснованных репрессий», уже не было смысла скрывать события «тайной вечери». Напротив, с версии Эренбурга — Пономаренко Хрущев начал длительную дезинформационную кампанию, согласно которой Сталин, якобы, погиб «от топора», т. е. принял насильственную смерть от рук «освободителей» страны от тирана. О мотивах, которыми руководствовались Каганович (непосредственный автор версии Эренбурга) и Пономаренко, обнародовавшие события «тайной вечери», немного ниже, а сейчас обратимся к воспоминаниям свидетеля тех событий, у которого не было никаких резонов исказить истину о трагедии тех дней. Речь идет о воспоминаниях писателя К. Симонова, который весьма эмоционально описал тягостную атмосферу, в которую погрузились свыше 300 человек в ожидании сообщения о последних часах жизни вождя: «Я пришел в зал за сорок минут, но уже собрались все. Мы все знали, что где-то рядом в Кремле лежит Сталин, который никак не может прийти в сознание. Все сидели совершенно молча ... Я никогда бы не поверил, что в

течение сорока минут так могут молчать триста тесно сидящих людей. Никогда в жизни не забуду этого молчания ...»¹

То есть, в течение этих трех с половиной дней (2—5 марта 1953 года), когда врачи боролись за жизнь вождя, у этих людей, собранных со всех концов страны на совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, а значит у всего советского народа, равно как и всей мировой общественности, не было никаких сомнений, что борьба за жизнь Сталина идет где-то здесь, в Кремле, неподалеку от зала, где сидели участники предстоящего заседания. Ни у кого не могло возникнуть даже тени сомнения, что правительственное сообщение о месте наступления смертельной болезни Сталина сфальсифицировано.

А вот после XX съезда, когда можно было совершенно безбоязненно пинать мертвого льва, многие бывшие «соратники» Сталина, уподобляясь Хрущеву, «осмелели» и пустились во все тяжкие, обвиняя Сталина во всех мыслимых и немыслимых грехах, подтверждая собственный прогноз вождя: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет ее».

Так что версия Эренбурга — Пономаренко о событиях, случившихся на «тайной вечери» в ночь с 1 на 2 марта — это всего лишь одна из корзин мусора, высыпанного на могилу вождя. Каганович, на наш взгляд, явно не по собственной инициативе исказил свою собственную роль, «сыгранную» на этом совещании. Он, конечно, действовал по указке Хрущева, который в своей деятельности часто руководствовался нехитрым принципом, когда правая рука не знает, что делает левая. Три года в разных вариациях убеждал мировую общественность, что события тех трагических дней с самого начала происходили на Ближней даче, а тут вдруг раскрыл загадку о «Тайной вечери». Неудивительно, что мало кто поверил Эренбургу, который не был участником этих событий и не сообщил, от кого получена эта сенсационная информация. Тогда Хрущев подключает к «делу» П.К. Пономаренко, которого после смерти Сталина он, как только мог, преследовал и унижал, медленно но вер-

---

¹ Цит. по: Э. Радзинский. Три смерти. М., 2007. С. 404—405.

но опуская его ниже плинтуса за то, что тот по воле Сталина едва не стал его преемником. К чести Пономаренко, он не стал «развивать» и углублять эту версию, а лишь подтвердил то, что поведал миру Эренбург со слов Кагановича.

Агония у вождя длилась без малого четверо суток, и в 21 час 50 минут 5 марта 1953 года он скончался, так и не успев завершить главное дело своей жизни — ликвидировать коллегиальную систему управления великой страной. И в этот же день 5 марта около половины девятого вечера на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР соратники Сталина сократили Президиум ЦК КПСС с двадцати пяти до привычных одиннадцати членов. А еще через час коллегиальная система — Президиум ЦК КПСС, Секретариат ЦК КПСС и Совет Министров СССР (экономическая коллегия) — вновь заработала в полную силу (впервые после декабря 1925 года), медленно, но верно поведя Советское государство к гибели.

Глава 8

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ НЕСОСТОЯВШИХСЯ ПРЕЕМНИКОВ И.В. СТАЛИНА

Круто поступил Н.С. Хрущев с кандидатами в преемники Сталина. На совместном заседании высших органов власти 5 марта 1953 года оба сталинских фаворита были освобождены от обязанностей секретарей ЦК КПСС, в связи:

— П.К. Пономаренко — с переходом на руководящую работу в Совете Министров СССР;

— Л.И. Брежнев — с переходом на работу начальником Политуправления Военно-морского министерства.

Одновременно Пономаренко переводится из членов Президиума ЦК КПСС в кандидаты, а Брежнев выводится из состава кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС. В качестве члена Правительства Пономаренко назначается на пост министра культуры, главой министерства, созданного на базе 14 бывших министерств, комитетов и ведомств.

Расчет у Хрущева был простым: не имея опыта работы в сфере культуры, Пономаренко быстро свернет себе шею на этом посту, потеряет авторитет среди строптивых кинорежиссеров, писателей, художников и артистической братии. При Сталине с их мнениями, настроениями и даже капризами считались — вождь прощал людям искусства многое, лишь бы только они создавали произведения, помогающие воспитанию нового человека, реализации поставленных партией идеологических задач. Один кинорежиссер Иван Пырьев, лауреат нескольких Сталинских премий, чего стоил. Считая себя крупной фигурой в киноискусстве, он и с партийными руководителями разговаривал свысока. Один раз даже нагрубил самому Хрущеву, который, как руководитель Мос-

ковской партийной организации, пытался найти подходы к творческой интеллигенции.

На этом посту Пономаренко проработал немногим более года, сумев завоевать авторитет у своих строптивых подопечных. Он любил искусство, прекрасно знал художественную литературу и кинематограф, причем не только отечественный, но и зарубежный и, главное, умел ладить с творческими людьми. С тем же И. Пырьевым, пришедшим к нему с жалобами на своих начальников, Пантелеймон Кондратьевич нашел общий язык и тот ушел от нового министра в хорошем настроении. И потом не раз повторял своим друзьям, что новый министр, в отличие от партийных дураков и невежд вроде Хрущева, разбирается в искусстве и понимает его специфику. Авторитет Пономаренко как умелого и знающего руководителя на новом посту только возрос. В творческих, да и партийных кругах стали говорить о том, что новое руководство во главе с Маленковым и Хрущевым сознательно затирают более способных и грамотных деятелей.

Пономаренко невольно становился фигурой, вокруг которой начинало концентрироваться глухое недовольство новым руководителем страны. Чувствуя это, Хрущев, легко заручившись согласием других членов Президиума ЦК, направляет Пономаренко на периферию — в Казахстан. Там планировалось крупномасштабное освоение целинных земель — мероприятие, по замыслу Никиты Сергеевича, весьма перспективное для быстрого и окончательного решения проблемы обеспечения страны зерном, но в то же время крайне сложное и рискованное. Пономаренко направляли в республику для избрания Первым секретарем ЦК компартии Казахстана, под чьим руководством и должно было осуществляться освоение целинных земель.

Пока Пономаренко «руководил» культурой, Л.И. Брежнев, снова надев генеральский мундир, возглавил Политуправление Военно-морского флота. Это назначение было встречено в кругах военных моряков негативно. Многие адмиралы вспоминали, что, когда в Кремль вызвали военноморского министра адмирала Н.Г. Кузнецова и предложили ему в заместители кандидатуру Леонида Ильича, он сухо от-

ветил: «Брежнев? Я такого моряка не знаю!» И все же назначение состоялось. Это было унижительное для кандидата в члены Президиума ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС назначение, а по существу, низвержение с политического Олимпа, куда его занесла нелегкая по воле Сталина пять месяцев тому назад. Это была расплата «молодому выскочке» со стороны партийных корифеев, переживших смертельный страх своего неминуемого падения, не случись внезапной смерти Сталина.

Из всех сталинских выдвиненцев, которые лишились своих должностей в ЦК, «падение» Брежнева было самым сокрушительным. Действительно, из четырех освобожденных секретарей ЦК один был назначен Первым секретарем Горьковского обкома (Игнатов), другой — секретарем Президиума Верховного Совета СССР (Пегов), третий, как уже отмечалось выше, — министром культуры СССР (Пономаренко), оставаясь при этом кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. По логике вещей Брежнева можно было бы вернуть обратно в Молдавию — мол, рановато взлетел на такую высоту. Ан нет, его, «сухопутного» генерала-политработника, отправляют в заместители к морскому асу, который весьма неласково встречает новоиспеченного «моряка», будущая служба которого обещает быть малоприятной и безрадостной.

Или взять «сокращенных» кандидатов в члены Президиума ЦК, коих оказалось одиннадцать персон. Все, кроме Л.И. Брежнева, были неплохо трудоустроены. Пятеро стали (или остались) министрами, двое — первыми секретарями обкомов, двое послами, а вышеупомянутый Пегов перешел на парламентскую работу.

Брежнев тяжело переживал эту явную несправедливость со стороны новых руководителей, о чем он впоследствии с горечью вспоминал, как о самом тяжелом периоде в своей карьере. Сам он объяснял случившееся тем, что не успел наладить должных отношений с новыми коллегами, которые воспринимали его как личного выдвиненца Сталина, а этим все сказано.

«Связи и окружение наверху иногда гораздо важнее личных заслуг и качеств, — признавался он в минуты откровенности своим подчиненным по Президиуму Верховного

Совета в 1960 году. Так вот, не хватало их у меня. А тут новое руководство, Маленков — аппаратчик, у него собственные подходы к кадрам. Я его расположением не пользовался. Был молод и горяч»¹.

В этом признании, на наш взгляд, ключевые слова «молод» и «горяч». Видимо по молодости сталинский выдвиженец «горячо» взялся за дело, чем и вызвал недовольство партийных корифеев. За свою «горячность» он еще легко отделался, а ведь мог поплатиться и жизнью. Так, А. Хинштейн, сумел «раскопать», что уже под старость Леонид Ильич вспоминал, как после смерти Сталина он сидел три дня, запершись в квартире, напропалую пил горькую вместе с парой таких же лишенцев и ждал, когда же за ним придут. Эту историю ему поведал внук Брежнева — Андрей².

Однако с назначением в заместители к адмиралу Н.Г. Кузнецову злоключения опального сталинского выдвиженца не закончились. Вскоре военно-морское министерство было упразднено и влилось в состав Министерства обороны. При этой реорганизации военных ведомств о Брежневе просто забыли, и он целых два месяца находился в «подвешенном» состоянии. Все, что составляло смысл его жизни, в одночасье пошло под откос. В отчаянии он пишет слезное письмо своему главному гонителю, Председателю Совета Министров Г.М. Маленкову, где, в частности, кается в несуществующих грехах:

«Если я допускал в работе какие-либо недостатки или ошибки, прошу их простить... Доверие, которое Вы мне окажете, я всем своим существом буду оправдывать». По состоянию здоровья он просит направить его на любую партийную работу в Украину:

«Теперь, когда возраст приближается к 50 годам, а здоровье нарушено двумя серьезными заболеваниями (инфаркт миокарда и эндартериит ног), мне трудно менять характер работы или приобретать новую специальность. Прошу Вас,

---

¹ Цит. по: А. Хинштейн. Почему Брежнев не смог стать Путиным. (Сказка о потерянном времени). М., 2011. С. 116.

² Там же. С. 122.

Георгий Максимилианович, направить меня на работу в парт-организацию Украины...».

Это верноподданническое письмо возымело действие, и ровно через 20 дней он получил новое назначение, став заместителем начальника Главного политуправления Советской армии и Военно-морского флота. Этому назначению в немалой степени поспособствовал начальник Главпура Алексей Сергеевич Желтов, который был назначен на эту должность в апреле 1953 года. Желтов хорошо знал Брежнева со времен войны, став уже в июне 1941 года корпусным комиссаром и пройдя всю войну в войсках. Так Брежнев стал заместителем Желтова, а в качестве утешительного приза ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Брежневу была совсем не по душе его новая работа. Поутру, когда ему приносили деловые бумаги, он морщился и ворчал:

— Опять эти ЧП, учения, собрания и портянки... Надоело.

Позднее Леонид Ильич говорил, что с ним «после Сталина неправильно и несправедливо поступили — по существу, выбросили за борт». В начале 60-х его однажды стали спрашивать про историю этого «падения»:

— Кто это вас подсадил так?

— Мало вы понимаете нашу структуру, — отвечал Леонид Ильич. — Все закономерно. Слишком рано я стал секретарем ЦК, да и связывали мое выдвижение с личностью Сталина. Опасное это дело — зависеть от его расположения, но мне повезло, побывал в Президиуме ЦК ... но, видно, не имел еще достаточных связей.

«Тут он интригуяще посмотрел на окружающих», — вспоминал его сотрудник Юрий Королев.

— Порядок я в армии и на флоте наводил недолго, около года, но авторитет у военных заработал, а это иногда, при определенных ситуациях, очень много значит.

— А как вы оттуда выбрались? — продолжали спрашивать его слушатели. — Видно, нелегко это было?

— В политике все нелегко. И вверх, и даже вниз. Главное, стойкость и целеустремленность. И повезло мне: попал в Казахстан, на целину, лучшую школу для приобретения опыта труд-

но найти. Да и недоброжелатели там меня достать не смогли. А главное, ближе к народу, к его взглядам и привычкам, быть попроще, не задаваться, как у нас говорят. Помните песню: «А слава тебя найдет»? Ну и самому поработать надо...»¹

Таким образом, по воле Н.С. Хрущева оба сталинских выдвиженца одновременно оказались в Казахстане.

Много позже, уже на склоне лет, Леонид Ильич тепло вспоминал об этом периоде: «Целина прочно вошла в мою жизнь. А началось все в морозный московский день 1954 года, в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС. Сама проблема была знакома, о целине узнал в тот день не впервые, а новостью было то, что массовый подъем целины хотят поручить именно мне. Начать его в Казахстане надо ближайшей весной, сроки самые сжатые, работа будет трудная — этого не стали скрывать. Но добавили, что нет в данный момент более ответственного задания партии, чем это. Центральный Комитет считает нужным направить туда нас с П.К. Пономаренко»².

Но прежде, чем поведать о «целинной эпопее» тандема Пономаренко — Брежнев, несколько слов об отдаленных последствиях неласкового приема руководителем военно-морского ведомства, своего нечаянного заместителя, для самого адмирала Н. Г. Кузнецова. Замечательный флотоводец, Герой Советского Союза, адмирал флота Советского Союза — Николай Герасимович Кузнецов был человеком нелегкой судьбы. За годы своей военно-морской карьеры он дважды попадал в опалу, скатываясь с вершины своей карьеры на несколько ступеней вниз. В первый раз это случилось через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны, когда, будучи обвиненным в содействии утечки за рубеж секретной информации, он был снят с должности руководителя министерства Военно-морского флота, разжалован в воинском звании с адмирала флота Советского Союза до контр-адмирала и направлен на Дальний Восток в качестве зам. командующего Дальневосточной армией по военно-морским делам. Однако, через два года Сталин вернул контр-адмирала

---

¹ А. Майсурия. Другой Брежнев. М., 2004. С. 112—113.

² С. Семанов. Брежнев. Правитель «Золотого века». М., 2004. С.70.

на прежнюю должность и Кузнецов вновь стал сначала вице-адмиралом, а затем и адмиралом флота. Воинское звание адмирал флота Советского Союза он вновь получил уже при Хрущеве в 1955 году.

Однако в начале 1956 года он попал в немилость уже Хрущеву, был разжалован до вице-адмирала и отправлен в отставку в возрасте 52 лет с мизерной пенсией, не учитывающей его воинских заслуг, как имеющий... партийное взыскание. После ухода с политической арены Хрущева командование военно-морского флота и боевые адмиралы-сослуживцы флотоводца неоднократно возбуждали вопрос о реабилитации незаслуженно обиженного Героя Советского Союза, и о восстановлении ему воинского звания адмирала флота Советского Союза, все безрезультатно.

В 1974 год Н.Г. Кузнецов ушел из жизни, однако Л.И. Брежнев не захотел вернуть ему это звание даже посмертно. И лишь в 1988 году, уже при М.С. Горбачеве, справедливость была восстановлена и имя этого отважного, кристально честного человека, отдавшего все свои силы служению Родине, было возвращено из политического небытия.

Вот чего стоило Н.Г. Кузнецову, опять же таки совершенно честное, признание: «Не знаю такого моряка»¹.

Однако, вернемся к «целинной эпопее» двух бывших сталинских выдвиженцев. Почему именно в таком составе направил Хрущев в Казахстан будущих руководителей республики? Никита Сергеевич, почувствовав амбициозность и, вместе с тем, угодливость своего бывшего подчиненного, предпринял хитрый маневр — приставил Брежнева к ненавистному ему Пономаренко с тем, чтобы он присматривал за действиями своего прямого начальника. А заодно и дал понять, что положение Пономаренко не так уж прочно, и что Брежнев вполне может рассчитывать на его место. Леонид Ильич при всей своей кажущейся мягкости и уступчивости был человеком угодливым и тщеславным — другой бы в начавшуюся хрущевскую оттепель высоких постов не достиг. Сохраняя внешне лояльность своему непосредственному начальнику, он в

---

¹ В. Булатов. Адмирал Кузнецов. М., 2006, С. 348.

то же время передавал в Москву информацию, которая могла ему навредить. Очень уж хотел Леонид Ильич стать первым, да и вообще подняться как можно выше по ступеням карьерной лестницы.

С Брежневым, кстати, Пономаренко работал довольно слаженно. «Леонид Ильич, — вспоминал он, — считался тогда человеком с открытой душой, был компанейским: на охоту — пожалуйста, на рыбалку — пожалуйста, по бабам — пожалуйста... Вот только, я никогда не видел, что он что-нибудь читал...»¹ Пантелеймон Кондратьевич пытался приобщить его к чтению серьезной, в том числе научной литературы, но все было бесполезно. Брежнева интересовало совсем другое — он любил комфорт, красивые безделушки, стал первым в Казахстане, у кого в квартире появилась большая ванна, где он нежился после напряженного рабочего дня. Короче, любил пожить в свое удовольствие и давал также пожить и другим. Душа-человек. Только вот часто его личная доброта вредила интересам дела. Но на это хрущевское руководство обращало все меньше внимания, так что путь к вершинам власти Леониду Ильичу был открыт.

Несмотря на то, что «посланцы Москвы» для казахстанской партийной элиты были «варягами», П.К. Пономаренко сумел произвести на участников Пленума ЦК Компартии Казахстана благоприятное впечатление, и они прошли на планируемые посты благополучно.

Таким образом, Пономаренко стал первым, а Брежнев вторым секретарями ЦК Компартии Казахстана. Когда об этом сообщили Хрущеву, он долго не мог поверить и, несмотря на свои известные чувства к Пономаренко, был вынужден поздравить его с большим успехом. Однако своих попыток расправиться с ним не оставил.

Вскоре по ряду безошибочных признаков Пантелеймон Кондратьевич понял, что из высшего партийного руководства его убирают. Дело в том, что телефонные звонки членов Президиума из Москвы стали идти напрямую второму секретарю республиканского ЦК Брежневу, что было явным нарушени-

---

¹ В. Добров. Тайный преемник Сталина. М., 2010. С. 82.

ем сложившейся субординации и означало, что Пономаренко впал в немилость. Вскоре ему уже напрямую позвонил Молотов и сказал, что Пантелеймону Кондратьевичу предстоит заняться зарубежной работой, связанной с Варшавским договором. Это было непонятно: ведь в Варшавском договоре верховодили военные, и не ясно было, какую ему там должность могли предложить.

2—6 августа 1955 года состоялся пленум ЦК КП Казахстана, на котором был заслушан доклад Л.И. Брежнева о задачах партийной организации республики и рассмотрены организационные вопросы. П.К. Пономаренко был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КП Казахстана «в связи с переходом на новую работу». Новым руководителем Компартии Казахстана был избран Л.И. Брежнев.

На какую «новую работу» переводился П.К. Пономаренко?

Все прояснилось, когда в Москве Хрущев сообщил Пономаренко о решении партийного руководства назначить его послом в Польшу. Это было фактически «тихой» отставкой. Но, понимая это, он все-таки поблагодарил Никиту Сергеевича за назначение, чем несказанно удивил его. Хрущев ожидал протеста или, по крайней мере, просьбы оставить его на партийной работе. Но Пантелеймон Кондратьевич прекрасно понимал, что изменить уже ничего не сможет. Новая же работа давала возможность отстаивать интересы государства на крайне важном для Советского Союза направлении, да и быть подальше от Москвы, где Хрущев всюду раскручивал свои бестолковые реорганизации и реформы, он счел за благо.

После Польши, где Пономаренко сумел установить дружеские связи с руководством этой страны и особенно с В. Гомулкой, его направили Чрезвычайным и Полномочным послом Советского Союза в Индию, затем в Непал и, наконец, в Голландию. Здесь и произошел инцидент, который поставил крест на его дальнейшей дипломатической карьере. В этой стране остался советский гражданин, врач по профессии. А его жена пришла в наше посольство и сказала, что хочет вернуться на Родину. Был самый разгар «холодной войны», и в дело вмешались влиятельные антисоветские полити-

ческие силы. Голландские официальные лица и, естественно, печать этой страны подняли страшный шум, утверждая, что женщину насильственно удерживают в посольстве и что ее надо присоединить к мужу.

И хотя сама она несколько раз заявляла о нежелании оставаться в Голландии, ей оттуда просто не давали выехать.

Как раз в это время должен был состояться Пленум ЦК, и за Пономаренко, как членом Центрального Комитета, прислали самолет. Он посадил в свою машину женщину и доставил ее на борт самолета. Однако голландские полицейские во главе с руководителем ворвались туда, на что, кстати, не имели права — самолет все же советская территория — и попытались силой высадить отчаянно сопротивлявшуюся женщину. Пономаренко вступился за нее и в возникшей потасовке сломал палец полицейскому начальнику. Голландцы вынуждены были убраться восвояси, но шум вокруг этого инцидента был поднят невероятный. Пономаренко отозвали из Голландии. Хотя в том, что произошло, советского посла было трудно упрекнуть. Он не относился к числу тех, кто думал о себе, своей карьере, когда нужно было оказать помощь человеку, попавшему в беду, тем более женщине. Сильный, цельный по натуре человек, он напоминал в чем-то Сталина, который мог возмутиться и вспылить, одергивая зарвавшегося наглеца.

Некоторое время Пономаренко работал в международном агентстве по атомной энергии — МАГАТЭ. Он хорошо разбирался в научных и технических вопросах, так что приносил там немалую пользу. Ну а потом преподавательская работа, с которой ушел незадолго до смерти. Биограф Пономаренко — Владимир Добров пишет: «Когда Пантелеймону Кондратьевичу назначали пенсию, Хрущев «позаботился» о том, чтобы она была минимальной. В военной же пенсии ему отказали, хотя как начальнику Центрального штаба партизанского движения ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Человек скромный, непритязательный в личной жизни, но отягощенный заботой о родственниках, которых очень любил, он испытывал значительные материальные трудности

и был вынужден продать свою личную библиотеку, которую собирал всю жизнь»¹.

В то же время, карьера другого несостоявшегося преемника Сталина развивалась совсем по другому сценарию. Мягкий по натуре не имевший твердой опоры на кремлевских вершинах власти, Леонид Ильич на первых порах оказался в довольно рискованном положении. Капризный и сумасбродный Хрущев слишком многое поставил политически на целину. Он требовал успехов любой ценой и немедленно. Работать в такой обстановке было тяжело, тем более, что 1955 год выдался на редкость засушливым и целина практически ничего не могла дать стране, она как бы сопротивлялась, сжигала хлеба и людей своим степным жаром засыпала тучами земли, поднятой в непрерывных бурях.

Вдова Л.И. Брежнева вспоминала: «Леонид Ильич назвал 1955-й — годом отчаяния». Солнце выжигало посевы, площадь которых увеличилась вдвое. Ветры срывали крыши домов, рвали линии энергопередачи, засыпали дороги и пашни поднятой в небо землей. Осенью Леня поехал в Москву на совещание, сказал: «Еду с чувством вины, хотя ни в чем не виноват». На совещании уверял — целина еще себя покажет. А Хрущев сердито упрекал: «Из ваших обещаний пирогов не напечешь!» Вернулся с опущенной головой»².

Расправы, однако, не последовало, поскольку, с одной стороны, Хрущев и сам видел, что натворила природная стихия, а, с другой стороны, он хорошо знал Брежнева по работе в Запорожье и Днепропетровске и не мог упрекнуть его в бездеятельности. Наконец, Хрущев весь конец 1955-го и начало 1956 года был занят подготовкой XX съезда партии, где он намеревался обновить руководство КПСС, а также низвергнуть непоколебимо сохранявшийся в стране, народе и партии авторитет Сталина. Последнее сделать ему удалось — память Сталина была опорочена и надолго. Однако честолюбивый Хрущев от этого скандального мероприятия свой собственный авторитет в партии и народе не повысил.

---

¹ В. Добров. Тайный преемник Сталина. М., 2010. С. 83—84.

² Цит. по: С. Семанов. Брежнев. Правитель «Золотого века». М., 2004. С. 74.

Даже напротив, что вскоре ему и аукнулось — впереди был октябрь 1964 года.

Однако кадровые перемены в партийном аппарате Хрущеву удалось только в самой малой степени. Сталинские «старрики», имевшие огромный авторитет в партии, все остались на своих местах в Президиуме ЦК. Зато в кандидаты Хрущев провёл популярнейшего маршала Жукова, Фурцеву и Шепилова. Здесь он вспомнил про послушного и обаятельного покорителя целины: имея в виду далеко идущие планы борьбы со сталинскими сторонниками, он ввел Брежнева не только кандидатом в Президиум, но и сделал его Секретарем ЦК КПСС.

Итак, через три с половиной года Брежнев оказался на той же самой ступени карьерной лестницы, что и после сталинского XIX съезда: он кандидат высшего органа партии и ее Секретарь. Но если в первом случае его обязанности в Секретариате так и не были толком определены, то отныне он должен был контролировать как Секретарь ЦК работу оборонной и тяжелой промышленности, развитие космонавтики, капитальное строительство. Вскоре после XX съезда был создан специальный орган для руководства партийными организациями РСФСР — Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Это была новая партийная инстанция с неясно определенными функциями. Председателем Бюро стал сам Хрущев, но он почти никогда не только не председательствовал, но и не участвовал в его заседаниях. Эти заседания проходили под руководством заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которым с 1958 года был Брежнев, сохранивший при этом и свой пост Секретаря ЦК.

В ответ на «заботу» со стороны Н.С. Хрущева, который вернул Брежнева из казахстанских степей в высший ареопаг партноменклатуры страны, Леонид Ильич активно выступал на стороне Хрущева в его борьбе с «антипартийной» группой Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова летом 1957 года. В это время он уже полноправный член Президиума ЦК КПСС. Само собой разумеется, что он полностью разделял курс Хрущева на дискредитацию Сталина, своего прежнего кумира.

С 1960-го по 1963 год Л.И. Брежнев занимал достаточно бутафорскую в то время должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР, однако в июне 1963 года снова возвращается в высшую руководящую коллегию в качестве Секретаря ЦК КПСС.

Теперь его властные полномочия чрезвычайно расширены. По сути, он становится вторым человеком в партийном аппарате, а поскольку Никита Сергеевич был в вечных разъездах по стране и за рубежом, то тихий Брежнев вскоре прибрал партаппарат к своим рукам.

Новые обязанности по руководству оборонной промышленностью были для Брежнева как раз не новы, он получил тут хорошую практику еще в Днепродзержинске и Днепропетровске, знал многие вопросы, знал отчасти и кадры, работавшие в отрасли. Как всегда, находил общий язык с людьми, а люди на этот раз были поистине выдающиеся. Космическим конструкторским бюро уже тогда руководил С.П. Королев, а в Государственную комиссию входили министр вооружения СССР Д.Ф. Устинов, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев и генерал-полковник М.И. Неделин. Когда Брежнев стал секретарем ЦК, в Южном Казахстане полным ходом шло строительство космодрома Байконур, возглавляемое генералом Г.М. Шубниковым. В это же время в армии создавались подразделения ракетных войск, производились первые единицы советских межконтинентальных ракет. Брежнев включился в эту работу, и, верный своему стилю, он не стал ничего перестраивать или менять, но старался помочь таким людям, как Королев, Шубников или Неделин. Правда, Брежнев никогда не брал на себя ответственность, когда надо было одобрить или отклонить тот или иной проект, и всегда в таких случаях обращался к Хрущеву, и тот решал сложные вопросы.

На посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, несмотря на его второстепенность в ту пору, Л.И. Брежнев быстро, но главное сравнительно легко, набирал очки публичного харизматичного государственного деятеля. Для всякого государственного или политического деятеля значительную роль играет внешняя сторона дела — публичность. Трудно добиться, чтобы о ком-либо слышали, как говорится,

«все». Так вот, на новой своей должности Брежнев оказался в положении, когда его фамилия чуть ли не каждый день появлялась на страницах советских газет — или под Указами Президиума Верховного Совета СССР, или в приветствиях зарубежным государственным и общественным деятелям, или в «трудовых рапортах» республик и областей. Мелькает Брежнев все чаще и чаще и на фотографиях в газетах — вместе с Хрущевым или один. Брежнев должен был принимать, пусть только для протокола, большинство зарубежных политиков и глав государств, приезжавших в СССР. Он и сам все чаще и чаще выезжал с такого рода визитами. Пусть они были пустыми, но имя опять мелькало — у нас и за рубежом. Так партия и народ постепенно привыкали к тому, что Брежнев — крупный государственный деятель.

Кроме всего прочего, Л.И. Брежнев производил вполне благоприятное впечатление на руководителей иностранных государств, иностранных журналистов, которые также помогали «раскручивать» имидж молоджавого и обаятельного «президента» Советского Союза.

Так, американский журналист писал: «Если Брежнев чем-либо отличался от круга одетых в мешковатые костюмы аппаратчиков Хрущева, так это была портняжная отточенность, отделка. Фой Д. Колер, бывший послом Соединенных Штатов в Советском Союзе, обычно говорил, что Брежнев «должно быть, имеет лучшего портного в Москве». Когда в зале приемов Кремля за Хрущевым выстраивались небольшой компактной группой иерархи, грубо красивое лицо Брежнева и его военная выправка выгодно контрастировали с унылым видом других лидеров. Он выглядел намного менее скованным, выделяясь сильно выраженным профессиональным обаянием. Временами он проявлял что-то из манер человека, хлопающего по спине и трясущего за руку, тех манер, которые ассоциируются с американскими политиками. По советским стандартам он был до некоторой степени покорителем женских сердец и, когда надо, мог обращать свое обаяние на посещавших его высших сановников»¹.

---

¹ С. Семанов. Брежнев. Правитель «Золотого века». М., 2004. С. 87.

Казалось бы, чего еще нужно было Хрущеву от Брежнева? Охотно и добросовестно выполняет свои обязанности, производит в стране и за границей хорошее впечатление, а главное — лично предан, никаких интриг не плетет и даже не замышляет. На XXII съезде КПСС, который состоялся в октябре 1961 года, делегат Брежнев в своей речи многократно восхвалял «верного ленинца» и «выдающегося государственного и партийного деятеля Никиту Сергеевича Хрущева». Казалось бы.... Но метроном уже отсчитывал последние дни всевластия Никиты Сергеевича. И одним из первых, у кого «хранился камень за пазухой» против «кукурузника», был Л.И. Брежнев, который подобострастно и весьма публично первым начинал аплодировать на любую банальность, а то и пошлость, порой произносимые Хрущевым с высоких трибун.

Сумасбродный Никита в конце своего правления надоел буквально всем — и партии, и народу, и своим соратникам в первую очередь. Верхом его административных нелепостей стало разделение областных и районных комитетов партии на два — по промышленности и сельскому хозяйству. Нелепость этой меры была очевидна всем, а на практике привела едва ли не к параличу партийного аппарата: огромная перетряска кадров, непродуманный передел полномочий, неясность поставленных новых задач. Ко множеству старых анекдотов о Хрущеве добавились новые, очень ядовитые. Например: прибегает мастер в обком и жалуется, что его в цехе ударили молотком по голове... «Вам, товарищ, нужно в промышленный обком, а у нас сельский, вот если бы вас серпом по яйцам, тогда уж к нам...» Или вот еще один: приходит мужик в храм, просит разрешения побеседовать с батюшкой, а его спрашивают: «Вам какого батюшку, по промышленности или по сельскому хозяйству?»¹

Перед свержением Н.С. Хрущева с властного Олимпа его соратники организовали в апреле 1964 года пышное мероприятие по поводу его семидесятилетия. На грудь трижды Герою навесили четвертую Звезду Героя Социалистического Труда (три предыдущих он тоже получил за годы своего

---

¹ Там же. С. 89.

правления — в 1954, 1957 и 1961 годах). «Соратники» превозносили его льстивыми речами, переслащенными похвалой. Особенно отличился тут, как нетрудно догадаться, Леонид Ильич. В народе этот звездопад вызывал острое раздражение, все еще помнили, что Иосиф Сталин имел всего лишь одну-единственную Звезду Героя...

Впрочем, недовольство народа стало даже принимать открытые и массовые случаи, чего не наблюдалось в Советском Союзе с двадцатых годов. В июне 1962 года в Новочеркасске забастовка на крупном локомотивостроительном заводе выплеснулась в уличные демонстрации с экономическими требованиями. По приказу Хрущева командующий Северокавказским военным округом генерал Плиев ввел в город войска с приказом применять оружие. Было много жертв, а потом скорый и неправый суд над «зачинщиками» с расстрельным приговором. Происходили и иные подобные случаи, хоть масштабом и поменьше.

То были грозные признаки растущего народного недовольства, но Хрущев ничего не хотел замечать. Вокруг него в самых верхах партийного руководства зрело недовольство, нашлось некоторое число решительных деятелей, которые поняли: сумасбродного Никиту надо снимать, пока он не вызвал массового движения снизу.

Итогом этой своеобразной ситуации, возникшей в стране по вине непредсказуемого в своих поступках «дорогого Никиты Сергеевича», которую можно было бы по-ленински охарактеризовать, как «революционную», стал Октябрьский (1964 год) переворот.

В результате этого переворота для многих очень неожиданно на вершине политического Олимпа оказался Л.И. Брежнев, который не только сам не ожидал такого взлета своей карьеры, но даже не хотел этого, несколько раз порываясь вполне искренне отказаться от «короны». Вот как об этом вспоминал один из участников этого скандального Пленума ЦК КПСС. «Когда на Президиуме ЦК решался вопрос об избрании Первого секретаря, Брежнев снова, в который уже раз пытался «отказаться от короны». Он предложил избрать

другого вождя заговорщиков — Николая Подгорного. За того вряд ли бы проголосовали, и сам он это понимал. Он сразу возразил:

— Нет, Леня, берись ты за эту работу.

Так и было решено...

Момент выдвижения Брежнева в первые секретари в стенограмме Пленума ЦК отражен так: «Голоса из зала. Предлагаем избрать Первым секретарем ЦК нашей партии т. Брежнева. (Продолжительные аплодисменты). Уже после выкриков с мест это предложение поддержал Н. Подгорный. Но и здесь выдвиженца подстерегали разные неожиданности. Об одной из них писал участник пленума Нуриддин Мухитдинов: «Когда Подгорный назвал его (Брежнева) кандидатуру, сидевший рядом со мной маршал С. К. Тимошенко недоуменно спросил своим басом:

— Кого? Лёню Первым секретарем? Ну и дела ....

И поднял руку, прося слова, но именно в этот момент уже приняли решение не открывать прений»¹.

Удивительно, но в жизни нередко случаются знаковые, как по времени, так и по месту, встречи между людьми, судьбы которых кажется, разошлись навсегда. 14 октября 1964 года, когда Брежнев возглавил страну, у его бывшего начальника по Казахстану — П.К. Пономаренко — сгорела дача. Он вспоминал:

«Поздно вечером, весь прокопченный, в спортивном костюме я приехал в Москву и у своего дома внезапно встретился с Брежневым. Ведь мы живем в одном подъезде. Он выглядел каким-то возбужденным. Мы поздоровались:

«Что у тебя за вид?» — удивился Леонид Ильич.

Тот рассказал о своем несчастье. Брежнев успокоил, обещал помочь. Затем сообщил:

— Сегодня мы Хрущева скинули!

Предложил прогуляться по Шевченковской набережной.

— А кого же избрали Первым? — спросил его собеседник.

— Представь — меня, — засмеялся Брежнев. — Все прошло довольно гладко. Неожиданно сопротивление оказал

---

¹ А. Масурян. Другой Брежнев. М., 2004. С. 138—139.

только Микоян: он возражал, чтобы Хрущева освободили сразу с двух постов ...

И добавил:

— Ведь, чуть что, все могло сорваться.

Возражения Микояна создавали весьма серьезное препятствие: ведь он был главой государства. «Я предложил, — писал он, — сохранить его (Хрущева) на посту Председателя Совета Министров хотя бы на год, а там видно будет... Между прочим, Брежнев сказал, что это предложение он понимает, и его можно было бы принять, если бы не характер Никиты Сергеевича. Его поддержали...»¹

Уже возвращаясь обратно в дом на Кутузовском проспекте, где они жили еще со сталинских времен, Брежнев еще раз подбодрил своего бывшего начальника: «не беспокойся, теперь твое положение изменится». И не удержался, чтобы не похвастаться: «Смотри, что мне подарили». Леонид Ильич с явным удовольствием показал Пономаренко массивный дорогой перстень с драгоценными камнями на пальце своей руки. Тот не выдержал: «Опять ты за старое, Леонид! Сколько раз тебе говорил еще там, в Казахстане — страсть к этим побрякушкам до добра не доведет». Брежнев промолчал и быстро прошел к себе в квартиру².

На ответственную руководящую работу Пономаренко так и не пригласили, хотя он был еще полон сил и энергии и мог принести немалую пользу. Наверно, потому, что не изменил железному правилу сталинской школы — говорить в лицо правду всем, в том числе и партийным вождям.

Ничего не прибавилось также к его скудной пенсии, и Пантелеймону Кондратьевичу пришлось практически до самой смерти (1984 год) подрабатывать чтением лекций в дипломатической академии и других вузах Москвы. За восемнадцать лет с той памятной встречи, Брежнев больше ни разу не заговорил со своим соседом по подъезду (Пономаренко пережил его на два года), лишь сухо отвечал на приветствия Пономаренко, в том случае, если они все-таки случайно сталкивались. Разные судьбы!

---

¹ Там же.

² В. Добров. Тайный преемник Сталина. М., 2010. С. 85.

В нашу задачу не входит описание «эпохи Брежнева», отметим лишь некоторые вехи его «героической» биографии. В 1961 году, еще при Хрущеве, он становится Героем Социалистического Труда, между прочим, за дело: участие в восстановлении индустриальных гигантов в Запорожье и Днепропетровске, возрождение сельского хозяйства в Молдавии, целина! А вот дальше «дорогой Леонид Ильич» получает звания Героя Советского Союза в аккурат к юбилейным датам: в честь 60-летия со дня рождения (1966 год), через десять лет — в честь 70-летия (1976 год), ну а дальше — за 2 года жизни сверх 70-ти лет (1978 год), за 5 лет (1981 год). Хрущев по «героизму» догнал и перегнал, а вот с Жуковым только сравнялся (Герой Соцтруда — не в счет), став Маршалом Советского Союза (1976 год), а пятую Звезду Героя получить не успел и тихо скончался в 1982 году. Что еще успел и не успел получить Леонид Ильич за свои «ратные подвиги» и мирные труды на благо Отечества?

Орден «Победы» в 1978 году получить успел, а вот догнать И.В. Сталина, единственного маршала Советского Союза, ставшего генералиссимусом, не успел. Нужна была победоносная война, а военная кампания, начатая летом 1979 году вводом «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан, на молниеносную никак не тянула и сокрушительных побед не обещала.

Однако в многогранной деятельности Л.И. Брежнева следует отметить «особый период» — это семидесятые годы, когда он медленно, но верно нарабатывал авторитет политического деятеля мирового масштаба, как «архитектор» политики разрядки международной напряженности.

25 октября 1971 года он впервые в качестве Генерального секретаря приехал в Париж, где его ждал довольно теплый прием, а в мае следующего года он принимает в Москве президента США Р. Никсона, который впоследствии положительно отзывался о дипломатических способностях советского лидера. Во время этого визита был подписан договор по ПРО (противовоздушной обороне) и соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), а также подписан важный документ, регламентирующий дальнейшее

развитие отношений между двумя государствами: «Основы взаимоотношений между СССР и США».

Через год, 18—22 мая 1973 года Л.И. Брежнев посетил с визитом ФРГ, где у него завязываются теплые, почти «дружеские» отношения с социалистом В. Брандтом. А буквально через месяц он совершил поездку в США, где вместе с Р. Никсоном подписал «Соглашение о предотвращении ядерной войны». На приеме в «Коса Пасифика» («Дом мира») он познакомился со звездами Голливуда, в том числе беседовал с будущим президентом США Рональдом Рейганом. Итогом его политической международной активности за прошедшие два года стало получение международной Ленинской премии мира, которая была вручена Л.И. Брежневу 11 июля 1973 года.

Летом следующего (1974) года он снова принимает в Москве американского президента Р. Никсона, а 23—24 ноября во Владивостоке состоялась встреча с новым президентом США Джеральдом Фордом, которого Брежнев хорошо знал как бывшего вице-президента США до отставки президента Р. Никсона.

Апофеозом внешнеполитической деятельности Л.И. Брежнева в семидесятые годы стало подписание 1 августа 1975 года в Хельсинки заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и получение им 27 ноября «Золотой медали мира» имени Фредерика Жолио-Кюри.

Кроме того, в ходе своих многочисленных встреч с главами европейских государств и правительств, с президентами Соединенных Штатов Америки, Брежнев воочию убедился в ущербности своего положения, как лидера великой державы. Его с почестями принимали, отдавая дань уважения Советскому Союзу, но Брежнев улавливал, конечно, фальшивые нотки в этих признаниях к лидеру КПСС, конечной целью которой является построение бесклассового общества в мировом масштабе, то есть уничтожение капитализма, как мировой системы. Именно в этот период он положительно оценил политический шаг своего предшественника, который в 1958 году помимо партии возглавил Правительство страны.

То есть, как в свое время Н.С. Хрущев, Брежнев осознал тупиковость политики коллегиального управления страной и

начал борьбу, как в свое время Сталин, за воссоздание монархии в советском варианте. Медленно, но верно в стране Советов складывалась своеобразная коллегиально-монархическая система. За коллегиями сохраняется приоритет, поскольку Президиум (Политбюро) ЦК КПСС и Секретариат по-прежнему решают все, что смогут, а что не смогут, оставалось на откуп генсекам — Н. Хрущеву, Л. Брежневу, а впоследствии — Ю. Андропову, К. Черненко, М. Горбачеву, как когда-то члены СТО передоверяли дела председательствующим на заседании Совета.

Особенностью послесталинского периода функционирования коллегиально-монархической системы явилось то, что высшая партноменклатура осознала пагубность борьбы за лидерство в высшей коллегии (Президиум; Политбюро ЦК), подобно той, что Сталин вел на протяжении целых 30 лет.

Многих негативных политических последствий, в том числе и кровавых, удалось избежать простым политическим решением, а именно, путем «назначения» лидера главной коллегии, т. е. избрания демократическим путем (голосованием) Генерального секретаря ЦК КПСС. Удачным или не очень удачным, а возможно и ошибочным, мог оказаться этот выбор — вопрос другой. Главное, что на какой-то период (в «эпоху» Хрущева на 11 лет, а в «эпоху» Брежнева на 18 лет) времени в стране воцарялась стабильность, что позволяло заняться делом, а не растрачивать силы в борьбе за лидерство.

То есть, этот политический механизм отсрочивал кризис системы коллегиального управления страной, однако полностью исключить этот кризис не мог, что и случилось в конце 80-х годов.

Итак, уже в начале 1976 года, готовясь к выступлению с докладом на XXV съезде КПСС Л.И. Брежнев стал зондировать вопрос о своем назначении на пост Председателя Совета Министров СССР, который со времен «Октябрьского переворота» 1964 года занимал А.Н. Косыгин. Это решение подстегивалось еще и тем, что между Брежневым и Косыгиным всегда сохранялись достаточно напряженные отношения.

Успешно отчитавшись 24 февраля 1976 года перед делегатами съезда, Брежнев посвятил почти весь год укреплению

своего имиджа как успешного государственного и военного деятеля.

Еще в марте 1974 года ему было присвоено воинское звание генерала армии, через одну ступень, а уже 7 мая 1976 года он получает звание маршала Советского Союза, большую «Маршальскую Звезду», а 8 мая на его родине в г. Днепродзержинске был торжественно открыт бронзовый бюст дважды Героя (Советского Союза и Социалистического Труда). А 18 декабря в день своего семидесятилетия он станет «полноправным» дважды Героем Советского Союза с получением Почетного оружия.

Брежнев пытался заручиться поддержкой Н.В. Подгорного, бывшего в то время Председателем Президиума Верховного Совета СССР, в своем стремлении удалить с властного Олимпа Н.А. Косыгина, заняв затем его место. Подгорный стал отговаривать Брежнева от такого шага, напомнив ему, что он сам осуждал на Октябрьском пленуме за это Хрущева. Однако Генеральный настаивал на своем. Не устояв, Подгорный «провел определенную работу» — склонил многих членов Политбюро к решению это вопроса, но все держалось в строгом секрете от самого Председателя Совмина А.Н. Косыгина. Осуществить этот замысел помешала болезнь Брежнева (в это время он сильно заболел), к тому же Подгорный сказал ему, что Совмин — это исполнительная власть, надо много работать, а за недостатки в работе придется нести ответственность.

Столь двусмысленное поведение Подгорного стоило ему карьеры, поскольку, согласившись с его мнением, что в качестве Предсовмина Брежневу пришлось бы нести ответственность за работу правительства, он тут же решил занять должность самого Подгорного. И вот вскоре на одном из пленумов ЦК КПСС выступает секретарь Донецкого обкома КП Украины Качура и вносит предложение: соединить пост Председателя Президиума Верховного Совета с постом Генерального секретаря ЦК КПСС. И вновь знакомый прием: внезапность, быстрота и натиск. До того момента с Подгорным никто не обмолвился об этом ни единым словом. Ну а дальше пошло по заведенному порядку: пленум одобрил такое предложение,

а заодно, на этом же пленуме, совершенно неожиданно для Подгорного его освободили от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС.

На сессии Верховного Совета СССР формально освободили Н.В. Подгорного от обязанностей Председателя, даже не сказав ему нескольких слов благодарности за 12 лет работы. Но зато когда Сулов внес предложение избрать Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР, то это «вызвало бурю восторга». После ухода в «отставку» Н.В. Подгорный неоднократно пытался связаться по телефону или встретиться, поговорить с Брежневым, но каждый раз это откладывалось под «благовидными» предлогами. В последний раз Подгорный звонил Брежневу и разговаривал с его помощником Цукановым, просил организовать встречу с Генеральным. Через несколько дней Цуканов передал Подгорному: «У Леонида Ильича нет к вам вопросов»¹.

Итак, 16 июня 1977 года Леонид Ильич Брежнев избирается главой Советского государства, обеспечив тем самым относительную стабильность политической системы на предстоящие 10 лет. А впереди еще предстояли такие эпохальные события, в центре которых должен стоять глава государства, как принятие новой Конституции СССР (Брежневской) в октябре 1977 года и ввод ограниченного воинского контингента в Афганистан.

И надо же такому случиться, что накануне свершения всех вышеперечисленных событий, поднимавших имидж советского руководителя на высочайший уровень признания в качестве успешного международного деятеля, произошло, на первый взгляд, совершенно незначительное событие, которое могло при определенных условиях сильно навредить карьерному взлету Л.И. Брежнева, особенно в глазах западного истеблишмента.

Речь идет об издании на Западе книги А. Авторханова «Загадка смерти Сталина». Систематизировав в своей книге все имевшие место за двадцать с лишним лет версии о насильственной смерти И.В. Сталина, автор вновь возбудил ин-

---

¹ С. Семанов. Брежнев. Правитель «Золотого века». М., 2002. С. 230—231.

терес мировой общественности к этому, уже изрядно подзабытому вопросу. Несмотря на то, что книга в основном предназначалась для зарубежного читателя, о ней заговорили также в диссидентствующих кругах советской интеллигенции, возбуждая интерес также и у простых советских людей. Идеологическое окружение Л.И. Брежнева обеспокоилось, как бы возникший вокруг книги Авторханова ажиотаж не коснулся политического имиджа лидера КПСС и советского государства. А как он мог его коснуться? Очень просто, по версии Эренбурга — Пономаренко выходило, что в момент апоплексического удара, случившегося у Сталина во время заседания Президиума ЦК КПСС в воскресенье 1 марта 1953 года, в зале заседаний присутствовал и Л.И. Брежнев в качестве кандидата в члены Президиума. Почему столько лет молчал и не высказал своего отношения к случившемуся, как очевидец? Мало того, дотошные журналисты и добросовестные историки могут докопаться и до таких подробностей, что это было вовсе и не заседание Президиума ЦК КПСС, которое намечалось на понедельник 2 марта, а предшествующее ему расширенное заседание Бюро Президиума, то есть засекреченная «тайная вечеря». Дальше — больше, узнают, что Л.И. Брежнев присутствовал на «тайной вечери» в качестве опять же «тайного» преемника Сталина, а значит он, в качестве свидетеля скандальной дискуссии, возникшей после антисталинского демарша Кагановича, Микояна и других участников скандала, косвенно виноват в том, что со Сталиным случился тяжелейший инсульт, окончившийся смертельным исходом. И не важно, если в ходе возникшего интереса к этой истории выяснится, что все происходило вовсе не так, как якобы поведал в свое время миру Эренбург (читай Каганович) и подтвердил Пономаренко, важно что «процесс пошел». Для имиджа Л.И. Брежнева все варианты трактовки тех событий были убийственными, поскольку он за столько лет своего молчания не только не «заступился» за своего тогдашнего кумира, но поначалу даже поддерживал подлую акцию Н.С. Хрущева по дискредитации вождя всех народов. Вспомним хотя бы его эмоциональное выступление на Октябрьском (1964 год) Пленуме ЦК КПСС, когда обрушившись на своего, уже сле-

дующего кумира, Брежнев говорил: «...я твердо убежден, что если бы Вы, Никита Сергеевич, не страдали бы такими пороками, как властолюбие, самообольщение своей личностью, верой в свою непогрешимость, если бы Вы обладали хотя бы небольшой скромностью — Вы бы тогда не допустили создание культа своей личности — а Вы, наоборот, все делали для того, чтобы укрепить этот культ». Участники Пленума этот выпад Брежнева против культа личности Хрущева комментировали так, что Брежнев якобы сказал: «Вот Никита Сергеевич развенчал культ Сталина после его смерти, а мы развенчиваем культ Хрущева при его жизни...» Сам же Хрущев упреки в культе категорически отвергал, простодушно парировав обвинения: «Разве я «культ?» Вы меня кругом обмазали г...м, а я говорю «Правильно». Разве это «культ?»¹

Однако нужно отдать должное Брежневу, что в дальнейшем он очень осторожно и весьма аккуратно высказывался о роли И.В. Сталина. Впервые он упомянул имя Сталина в докладе на торжественном заседании по случаю 20-летия Победы. Историк С. Семанов вспоминал: «Что началось в зале! Неистовый шквал аплодисментов, казалось, сотрясет стены Кремлевского дворца, так много повидавшего. Кто-то стал уже вставать, прозвучали первые приветственные клики...» Кажется, рядом с оратором, совсем как тень датского короля, появился призрак самого Сталина. Брежнев стал быстро читать следующие фразы, и взбудораженный зал невольно затих. «Привидение» неохотно удалилось.

Следующее упоминание Брежнев сделал в ноябре 1966 года, на родине Сталина — в Грузии. Он перечислил семь грузинских революционеров, Иосиф Сталин был назван в общем ряду, по алфавиту. Но только его имя слушатели встретили аплодисментами. Это была новая демонстрация любви к умершему вождю...

Что сам Брежнев думал о Сталине? По словам А. Бовина, «он относился к Сталину с уважением.... Он симпатизировал Сталину и внутренне не мог принять его развенчание». Леонид Ильич объяснял свою позицию: «Сталин очень много сде-

---

¹ Цит. по: А. Майсурян. Другой Брежнев. М., 2004. С. 139—140.

лал и, в конце концов, под его руководством страна выиграла войну — ему еще воздадут должное». «Как ни удивительно, — вспоминала Любовь Брежнева, — дядя предугадал, что после смерти его будут так позорить. Он, я помню, сказал: «У народа нет памяти». И привел пример Сталина». «Он (народ) быстро меня забудет, — заметил Леонид Ильич — и даст себя обмануть, как будто в первый раз. За Сталина шли на смерть, а потом топтали его могилу ногами». Как-то раз генсек сказал: «Чтобы поговорить с большим человеком на равных, маленькие пытаются поставить его на колени...» Но Брежнев и шутил над развенчанием культа: «Отец народов выплачивает Родине-матери алименты...»

В те годы Леонид Ильич, видимо, довольно часто размышлял над оценкой роли Сталина. Кремлевский врач-стоматолог Алексей Дойников рассказывал: «Леонид Ильич часто заходил ко мне просто побеседовать. Причем иногда наш разговор был довольно острым. Однажды, он спросил: «Как вы считаете, надо реабилитировать Сталина или нет?» Я ответил, что реабилитировать, конечно, надо, но не так, как все думают. Надо сказать, что было положительного и что отрицательного. И не говорить плохо о покойнике».

Однако Брежнев понимал, что полное «восстановление доброго имени» Сталина невозможно (так же, как и его главного противника — Троцкого!). Поэтому просто были, в духе новой эпохи, смягчены крайности прежнего развенчания. Сталин вернулся в исторические фильмы, романы, книги. Когда он появлялся на экране, в кинозале среди зрителей нередко вспыхивали аплодисменты. Некоторые водители стали прикреплять портреты Сталина к ветровому стеклу своих автомобилей. Вокруг его имени не утихали литературные споры, перешедшие в самиздат...

И самому генсеку пришлось однажды поаплодировать Сталину. Правда, он постарался сделать это спокойно, без особого пыла. Сотрудник генсека А. Черняев описывал эту сценку так: «5 декабря 1981 года в Кремлевском Дворце съездов в присутствии всего Политбюро отмечалось 40-летие битвы под Москвой. Разные выступления сопровождались кадрами кинохроники на большом экране за спиной президиума. Поя-

вился Сталин: бурные аплодисменты. Все встают. Брежнев не хотя приподнялся, хлопает».

Еще одним осторожным символическим шагом стало появление памятника Сталину на его могиле. Первый памятник Сталину после 1961 года! Да к тому же в столь священном месте — на Красной площади, у Кремлевской стены! Это событие произошло вскоре после 90-летия Сталина, в 1970 году. Бюст изваял скульптор Николай Томский.

Однако на этом оправдание Сталина приостановилось. Хотя многие ветераны войны требовали пойти дальше: вернуть Волгограду имя Сталина. Как вспоминал бывший руководитель столицы Виктор Гришин, в Кремль «часто шли письма от волгоградцев: верните нам славное имя Сталинград. Их даже на Политбюро показывали». На что Леонид Ильич «просто сказал: есть такие письма.... но не стоит, наверное. Хотя, вон в Париже есть и площадь Сталинграда, и улица». Впрочем, ветеранам все-таки сделали небольшую уступку: в городе на Волге появился новый проспект — Героев Сталинграда...»¹

Таким образом, в начале 1977 года ситуация, возникшая вокруг отношения к Сталину со стороны Генерального секретаря ЦК КПСС, складывалась весьма критическая. Нужно было, во что бы то ни стало сохранить по-прежнему в глубокой тайне сам факт проведения Сталиным «тайной вечера» в ночь с 1 на 2 марта 1953 года и участия в ней Л.И. Брежнева в первую очередь.

Помимо Брежнева из участников «тайной вечера» в живых к тому времени осталось семь человек (Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Пономаренко и Сабуров), все уже в преклонном и даже весьма преклонном возрасте (Каганович, Молотов, Микоян, Маленков) и обнаружения каких-либо «откровений» с их стороны вряд ли стоило опасаться. Однако, как заметил Ю.В. Андропов, который наряду с главным идеологом страны М.А. Сусловым, занимался этим вопросом, «угроза» раскрытия тайны могла исходить от осведомленных в этом вопросе людей из числа оставшихся в живых лиц медперсонала и охраны. Поскольку личный лече-

---

¹ Там же. С. 164—165.

щий врач Смирнов к тому времени уже умер, то «работать» с младшим медперсоналом (медсестры, санитары) сочли нецелесообразным, т.к. они никаких подробностей о случившейся тогда катастрофе с вождем не знали. Знали, что удар случился в «кремлевской квартире», а затем Сталину оказывали всестороннюю медицинскую помощь на Ближней даче, так об этом знала вся страна, поскольку об этом официально говорилось в правительственном сообщении. Оставалась охрана.

Одному из помощников Л.И. Брежнева было дано поручение изучить: кто из осведомленных лиц охраны жив, где проживают и что думают о событиях тех дней. Вышли, прежде всего, на полковника А. Рыбина, который «засветился» тем, что изредка публиковал свои воспоминания о Сталине в некоторых средствах массовой информации. Дальше было делом техники — отработать знаменитую версию событий, названную нами «легендой Лозгачева». Поскольку составителям этой легенды была хорошо известна версия Хрущева, который тщательно скрывал в своих мемуарах сам факт состоявшейся «тайной вечери», то ничего не стоило охранникам, с одной стороны, поддержать главную линию версии Хрущева, что все последующие события со Сталиным происходили, как продолжение веселой вечеринки членов «четверки» у Сталина на Ближней даче. А, с другой стороны, так «закрутить» свидетельские показания охраны, чтобы сбить с толку будущих исследователей явными противоречиями этих двух «свидетельских» версий. Нужно отдать должное несомненному таланту составителей «легенды Лозгачева» — вот уже спустя 36 лет после ее «рождения» исследователи никак не могут совместить несовместимое — версию Хрущева и «легенду Лозгачева». И на этой принципиальной несовместимости кто добросовестно, а кто явно издеваясь над добродушным читателем, наплодили столько собственных версий убийства (отравления) Сталина, что хоть святых выноси.

Однако, несмотря на принятые меры по предотвращению возможного скандала, который мог отрицательно сказаться на международном имидже главы советского государства, вводить в оборот «легенду Лозгачева» не спешили — авось пронесет и так. Пронесло. Никакого скандала не

последовало, и Брежнев благополучно избирается главой советского государства, 4 октября 1977 года выступает перед Верховным Советом СССР с докладом о проекте новой Конституции, в которой появляется знаменитая 6 статья о руководящей и направляющей роли КПСС в жизни государства. Так конституционно был закреплен принцип коллективного руководства страной.

16 ноября Л.И. Брежнев получает золотую медаль имени Карла Маркса Академии наук СССР, 28 февраля 1978 года он награждается высшим полководческим орденом Победы, а 19 декабря этого же года становится трижды Героем Советского Союза.

Приведем в заключение краткое, но очень точное наблюдение весьма осведомленного сотрудника партийно-государственного аппарата Ю. Королева, опубликованное много лет спустя после описываемых событий:

«Итак, в 1977 году президентом опять стал теперь уже семидесятилетний, довольно потрепанный жизнью Леонид Ильич Брежнев. Что-то в нем сильно изменилось, видно, не прошли даром годы политических баталий, напряженная работа на посту Генсека, разного рода излишества. Заматерел и обрюзг некогда привлекательный мужчина. Только, пожалуй, густые брови остались неизменными, что породило в народе выражение: «Бровеносец в потемках».

Правда, был он еще довольно энергичен. Председатель занялся делами сразу же: как большими государственными, так и партийными — беседы, встречи, совещания». (И именно в этот год, когда имидж «Президента» достиг самой высокой отметки, мог возникнуть международный скандал по поводу раскрытия «таинственных» обстоятельств, случившихся на «тайной вечери» в ночь с 1 на 2 марта 1953 года. — А.К.).

И именно в эту пору Брежневу довелось пережить неожиданное и никем не предвиденное испытание, которое легло на страну тяжким бременем, последствия которого, к несчастью, пережили самого Генсека. Речь идет о взрыве в соседней мирной стране Афганистан...»¹

---

¹ Цит. по: С. Семанов. Брежнев. Правитель «Золотого века», М., 2002. С. 241.

Весной 1978 года в Афганистане произошел государственный переворот и 27 апреля было объявлено об образовании Республики Афганистан во главе с лидером народно-демократической партии Н.М.Тараки. 5 декабря 1978 года был подписан советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который предусматривал, что СССР и Афганистан будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран, в интересах укрепления обороноспособности сторон продолжать развивать сотрудничество в военной области.

В соответствии с этим договором правительство Республики Афганистан обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать вооруженную поддержку афганской народной армии, отстаивавшей завоевания Апрельской революции.

Эта просьба взвешивалась в Советском Союзе долго и тщательно. В конце концов, Политбюро ЦК КПСС единогласно приняло решение об оказании такой помощи. При этом руководство Советского Союза действовало в соответствии с Уставом ООН, которым предусматривается право любого государства обратиться к любому другому государству с просьбой о помощи. Число обращений, направленных из Афганистана в адрес СССР тогда превышало десяток.

Дополнительную остроту обстановке придало убийство генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана Тараки, от правительства которого исходили просьбы о помощи. Этот кровавый акт произвел гнетущее впечатление на все советское руководство.

В конце концов, в такой обстановке и было принято решение о введении ограниченного контингента советских войск в Афганистан...»¹

Советские войска вошли в Афганистан в декабре 1979 года, и лишь в июне 1980 года Пленум ЦК КПСС полностью и единодушно одобрил решение Политбюро. Пик боевых действий в Афганистане пришелся на 1984—1985 годы,

---

¹ Там же. С. 242—243.

когда Л.И. Брежнев уже отошел в мир иной, успев получить 18 декабря 1981 года четвертую Звезду Героя Советского Союза, а также высшие ордена Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии и Румынии. Нет сомнения, что афганская война не только добавила седин в пышную шевелюру Брежнева, но и несколько рубцов на его сердце, что и ускорило его смерть 10 ноября 1982 года. Он не дожил немногим больше месяца до своего 76-летия, всего лишь на 3 года пережив И. В. Сталина, который не ошибся, когда избрал молодого и красивого «молдаванина» своим преемником на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.

И ныне, спустя 28 лет после смерти преемника И. В. Сталина, мы воочию убедились, что Брежнев как мог, продолжал линию Сталина на трансформацию смешанной коллегияльно-монархической системы управления страной, обеспечив стабильность и предотвратив страну от неминуемого распада в течение 18 лет. Не его вина, что эстафета набирающей силу тенденции перехода власти к монарху попала в физически слабые руки Ю.В. Андропова, а затем К.У. Черненко. Шанс был у М.С. Горбачева, но у него была совершенно иная задача, поставленная перед ним мировой закулисой — развалить Советскую империю, с чем он успешно справился, взяв себе в помощники громилу Б.Н. Ельцина.

Каким-то чудом распада избежало ядро Советского Союза — многонациональная Российская Федерация, а число жертв распавшейся на осколки Великой державы оказалось удивительно небольшим. Но более удивительным выглядит иное — итог трех контрреволюционных лет (1989—1991 годов): коллегия (Политбюро) уступила место монархии (президенту), то есть то, чего добивался, за что боролся И.В. Сталин, свершилось. Но свершилось по чистой случайности, ибо те, кто тогда митинговал и голосовал в пользу первого президента России, отстранили коллегия от власти не осознанно, а «за компанию» вместе с «бездарными» персонами, в ней заседавшими, и ненавистной партией, ею управляемой. Общество разочаровалось в членах Политбюро, в компартии, в социализме, но только не в коллективном руководстве. Принцип коллективного руководства, до сих пор при-

влекательный для миллионов, пострадал исключительно «по вине» благоприятного стечения обстоятельств. А мог и не пострадать... Мог бы и сейчас «успешно» функционировать под видом какого-нибудь патриотического Государственного Комитета или демократического Координационного Совета, исподволь готовя нас к новой смуте...»¹

А чем не коллегия — нынешний дуумвират Путин — Медведев со своеобразным Политбюро — Администрацией Президента? Так что у многострадальной России все еще впереди, и 30-летний Сталинский, а также 18-летний Брежневский уроки борьбы то явной, то скрытой с феноменом коллегиального руководства нашим либералам нипочем.

Сталин умер своей смертью, но дело его по собиранию великой Советской империи вот уже более 57 лет пытаются умертвить яростные сторонники горе-реформаторов Хрущева, Горбачева, Ельцина, дуумвирата Путин — Медведев и иже с ними коллегиальных органов, как-то: Президиум (Политбюро) ЦК КПСС, Администрация Президента. Это в центре, а на местах республиканских, краевых и областных коллегий Единой (и неповторимой) России, именуемой правящей партией, как будто опыта правления единственной партии в течение 70 лет существования СССР у нас не существовало.

Россия сполна испытала последствия коллегиальной (партийной) власти. А посему оптимальная организация государственной власти в России XXI века может быть найдена, прежде всего, на основе объективной оценки своей истории и менталитета своего народа, и без глубокого изучения опыта 30 летней борьбы Иосифа Виссарионовича Сталина с феноменом «коллективного руководства» не обойтись.

---

¹ К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро. (1923—1953). М., 2006. С. 241.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Еще одно, последнее сказание — и летопись окончена моя». Трудно расставаться с темой, в которой, в буквальном смысле, пришлось жить на протяжении 2 лет. Окончив основную работу над рукописью книги, я принес ее на суд Владимиру Михайловичу Жухраю, который, хотя и не «благословил» меня на этот труд, но и не возражал категорически против поиска «философского камня» в лабиринте многочисленных публикаций о болезни и смерти И.В. Сталина.

Прочитав рукопись в немыслимо короткие сроки, Жухрай попросил приехать к нему для «разбора полетов». Одобрив в целом авторскую версию о внезапном апоплексическом ударе Сталина на расширенном заседании Бюро Президиума ЦК КПСС и последующих событиях, связанных с реанимационными мероприятиями, он с какой-то лукавой улыбкой взглянул на меня и задал не менее лукавый вопрос:

— И Вы думаете этими двумя фактами, на которых построена версия о «тайной вечери», убедить читателя в ее жизнеспособности? Я имею в виду официальное правительственное сообщение от 3 марта 1953 года, что болезнь Сталина случилась на его «московской квартире», с одной стороны, и выступлений И. Эренбурга и П. Пономаренко, с другой. Не маловато ли аргументов в пользу столь хитроумно построенной версии? Мне ничего не оставалось делать, как сказать, что для ее подкрепления не мешало бы иметь под рукой протокол заседания расширенного Бюро Президиума ЦК КПСС от 1 марта 1953 года.

Вдоволь посмеявшись над моим ответом, Жухрай вдруг совершенно серьезным тоном произнес:

— А что, если вашу версию дополнить свидетельскими показаниями одного из активных участников тех событий?

На что я ответил:

— А где же взять этого «участника», если все фигуранты «тайной вечери» уже давно в мире ином. Самым последним покинул нас в 1991 году 98-летний Лазарь Моисеевич Каганович. Да и свидетели, толпившиеся вокруг смертного одра вождя, почти все последовали уже за 12 «апостолами», за исключением, разве что Светланы Иосифовны (на тот период она еще была жива и пребывала в каком-то благотворительном хосписе за границей).

— Я не имел в виду непосредственных участников «тайной вечери», но ведь достаточно большой круг людей, начиная от медперсонала и сотрудников охраны и кончая Василием Иосифовичем Сталиным, прекрасно знали, что ранним утром 2 марта 1953 года разбитый параличом И.В. Сталин был доставлен из Кремля на Ближнюю дачу в Волынском.

— Это так, но ведь из них тоже никого в живых не осталось, а живые свидетели из лиц охраны в 1977 году плели такие «турусы на колесах», что у историков и иных исследователей ум за разум заходит до сегодняшнего дня.

И вновь лукаво улынувшись, Владимир Михайлович произнес:

— А что, вы, похоже, и меня похоронили?

Эти слова пронзили меня словно ударом электротока, я мгновенно вспомнил содержание интервью, данного Жухраем корреспонденту «Московского комсомольца», опубликованного в газете 20 мая 2008 года, и буквально закричал;

— Новоафонский монах?!

— Так точно, — по-военному ответил Жухрай, и, подумав немного продолжал, — уже в 10 часов утра 2 марта мы с Василием Сталиным сидели в дежурке и охранники поведали нам, что больного вождя в половине седьмого привезли из Кремля, и уже более трех часов над ним «колдуют» медики. Согласитесь, — устремив в меня свой проникающий до глубины мозга взгляд, произнес Жухрай, — что одного этого свидетельства достаточно для того, чтобы Ваша версия обрела плоть и кровь, а все иные, которые так тщательно проанализированы в Вашей рукописи, можно без всякого сожаления отправить в урну.

— Позвольте, Владимир Михайлович, — не удержался я, — ведь и Вы являетесь, хотя и не ортодоксальным, но все же сторонником версии Лозгачева. Я сейчас зачитаю фрагмент Вашего интервью.

Достав из портфеля тот самый номер «МК», я зачитал нижеследующие строки из интервью корреспонденту:

«— Владимир Михайлович, вы верите в то, что Сталина отравили?

— Нет. Это невозможно. Потому что некому. Просто боялись войти, когда он упал. По инструкции, существовавшей в охране, никто без его разрешения в апартаменты заглянуть не мог. На всех стенах были звонки — вот позвонит, тогда можно. Одна только уборщица Матрена Бутусова пользовалась его безграничным доверием и могла ходить где угодно.

Лозгачев, заместитель коменданта Ближней дачи, и Старостин оставили мне свои докладные записки о случившемся. Они до хрипоты спорили о том, кому туда идти, — как смертники. Хотя уже знали, что он там лежит без помощи и без движения. Но это сейчас все распускают языки, что надо делать и как, а тогда Сталин был Чингисханом, ребятки, — при одном его виде все падали. И они войти не рискнули.

— И все-таки его любили...

— Любили. Но и боялись. И то, и другое было искренним и от всего сердца. Я в своей жизни два раза только переживал. Когда умерла моя мама, и когда не стало товарища Сталина. Такой жесткий у меня характер. Видимо генетика»¹.

— Уже из интервью следует, что Вы сторонник общеизвестной версии Лозгачева. Кроме того, в своем фундаментальном труде «Сталин» Вы воспроизводите эту версию по хранящейся у Вас магнитофонной записи рассказа самого Лозгачева.

— А что, я должен был на каждом перекрестке жизненных дорог кричать, что я знаю тайну расширенного заседания Бюро Президиума ЦК КПСС, происходившего в ночь с 1 на 2 марта 1953 года? Мне что, жизнь надоела, чтобы муже-

---

¹ В. Жухрай. Личная спецслужба Сталина. М., 2011. С. 14—15.

ственно разделить судьбу Василия Сталина, за несколько месяцев до своей смерти сменившего фамилию на Джугашвили? У меня семья, мне нужно было делать карьеру, начав все практически с нуля.

— Хорошо. В период правления Хрущева вы скрывали свою осведомленность, но после его свержения, при Брежневеве можно было выступить с разоблачением многочисленных версий о якобы неестественном характере смерти Сталина, которые наплодил Никита Хрущев?

— Во-первых, ничего мне скрывать от Никиты Сергеевича не пришлось, поскольку он все прекрасно знал, в том числе и о моей осведомленности. Видимо Василий все ему выплеснул в лицо, за что и загремел на восемь лет в места не столь отдаленные, а затем скоропостижно в мир иной. Сразу после смерти Сталина Хрущев пригласил меня к себе и в течение без малого пяти часов вел душеспитательную беседу о великой утрате, понесенной советским народом и всем прогрессивным человечеством. Кстати, его интересовало: знаю ли я, где находятся сталинские архивы?

— А Вы?

— Ответил, что я не архивариус и такие вещи мне не ведомы. Уже из этой беседы я уяснил, что за мной будет установлена тотальная слежка, впоследствии я понял, что Хрущев опасался меня, вернее моей осведомленности об истинной подоплеке болезни и смерти Сталина.

— Откуда Вам это стало известно?

— Когда председатель КГБ Шелепин сочинил на меня соответствующую справку, я пожаловался Никите, который тут же его и продал: «Это, — говорит — не я, это железный Шуррик по своей инициативе, а лично я Вас люблю и уважаю». Он действительно до самой своей кончины уважительно относился ко мне, следил за моими успехами на научном и литературном поприще. За несколько месяцев до своей кончины пригласил меня на дачу и, расчувствовавшись, попросил у меня прощения, а за что, так и не сказал. Прощаясь, он утирал слезу, выкатившуюся из его глаз, и многозначительно заявил: «Скоро мне предстоит встреча с «Отцом».

— Ну, а Брежнев?

— А что Брежнев. Он тоже неоднократно беседовал со мной, помогал по жизни, хотя я уже ни в чем не нуждался. В 1977 году один из его помощников (называть его фамилию не буду, он и ныне здравствует), очень дотошно выспрашивал меня, что я знаю о местонахождении оставшихся в живых офицеров личной охраны Сталина.

— А Вы?

— Ответил, что я не пастырь, чтобы на протяжении без малого четверти века сторожить рассеянных по стране агнцев божиих.

— А когда Вы узнали о «рождении» версии Лозгачева?

— В конце горбачевской перестройки. В начале 1990 года я пригласил к себе Лозгачева и вот на эту пленку записал его рассказ, который и воспроизвел потом в своей книге «Сталин» (при этом Жухрай показал мне бобину с магнитофонной лентой)¹.

— Владимир Михайлович, разрешите повторить вопрос, заданный Вам корреспондентом «МК» два с половиной года тому назад?

— Вы что, сговорились, — воскликнул гневно Жухрай, — опять муссируете эту нелепость про отравление Сталина! Не было и не могло быть никакого отравления! Вы что, хотите сказать, что кто-то из 12 «апостолов» во время ночного чаепития влил ему в бокал яд, подобно тому, как это якобы сделал Хрущев в разухабистом детективе Ю. Мухина?

На этом встреча была закончена, поскольку Владимир Михайлович, с трудом поднявшись из кресла, заспешил на кухню, откуда доносились аппетитные запахи жаркого. Вопреки традиции, он не пригласил меня на этот раз к столу, чтобы отведать мастерски приготовленного блюда с заковыристым грузинским названием, которое я не запомнил.

После столь неожиданного финала встречи, у меня отпала всякая охота продолжать работу над своей книгой, и я полностью сосредоточился на подготовке к печати рукописи

---

¹ В. Жухрай. Сталин (из политической биографии), М., 1999.

Жухрая, которую он мне вручил несколько месяцев тому назад с просьбой «откорректировать» текст и взять на себя заботы по ее публикации. Работа подходила к концу, и я был вынужден позвонить автору, чтобы согласовать все вопросы, связанные с изданием его книги. Надо сказать, что Владимир Михайлович до той размолвки каждый вечер звонил мне, видимо страдая от одиночества, и наши телефонные беседы порой продолжались по часу и более.

Мой звонок, похоже, обрадовал его. Захлебываясь от восторга, он стал подробно рассказывать о своем житие-бытие, о постигшем его горе в связи с арестом в Грузии его приемного сына — Владимира Вахания. Тут же пригласил меня к себе с рукописью своей книги.

Это была последняя встреча с В.М. Жухраем, а состоялась она 16 октября 2010 года — дата во всех отношениях памятная (вспомним 16 октября 1941 года, когда буквально на волоске висела судьба столицы — отстоим ли Москву? А памятный Пленум ЦК КПСС 1952 года?!). Жухрай даже обсуждать не стал вопрос об издании своей книги и, полностью доверившись мне, тут же написал на титульном листе машинописи: «В печать!»¹

— А как обстоят дела с публикацией Вашей книги? — спросил он меня.

— Без Вашего разрешения на публикацию информации, полученной от Вас при нашей последней встрече, я не имею права на ее обнаружение.

Немного подумав, он сказал, что материал книги очень интересен и публикацию ее можно осуществить в два этапа, а именно:

— Немедленно публикуйте Вашу исследовательскую часть без упоминания моих свидетельств.

— А дальше?

— А вот заключительную часть, которую мы ранее обсуждали, я разрешаю опубликовать только через два года после моего ухода.

---

¹ В. Жухрай. Личная спецслужба Сталина. М., 2011. (Подписана в печать 19 апреля 2011 года, уже после смерти автора.)

При этом он пристально посмотрел на меня и в его глазах я прочел глубокую печаль человека, который предвидит свой близкий уход из жизни. Расставание было грустным. На прощание он обнял меня и, к моему удивлению, оттолкнув от себя, трижды перекрестил меня. Глаза его при этом были полны слез.

— Не звоните мне больше, — это были его последние слова.

Через месяц его разбил паралич, но я узнал об этом не сразу, поскольку сам тяжело заболел и, уже находясь в госпитале, узнал печальную весть, что Владимир Михайлович Жухрай скончался 17 января 2011 года.

Памятуя о завещании Жухрая, я продолжил работу над книгой, и ровно через год после последней встречи вышла из печати первая книга триптиха: «Смерть Сталина. При чем здесь Брежнев?» Вслед за ней, примерно через год, была опубликована вторая книга: «Убийство Сталина. Все версии и еще одна». Что это за версия? Все друзья и знакомые засыпают меня вопросами, некоторые даже обижаются: «Что это еще за детективщина — давать ответ на поставленные интригующие вопросы в конце сочинения?» До поры, до времени я не имел права нарушить завещание Жухрая. Но вот уже приближается 2-я годовщина со дня его смерти и будет снят запрет на публикацию третьей, заключительной книги нашего исследования о таинственной болезни и смерти Иосифа Виссарионовича Сталина.

Итак, был ли отравлен Сталин? Если был, то кем, когда и при каких обстоятельствах?

Как следует из анализа публикаций академика А.Л. Мясникова и писателей Н.А. Добрухи и И.И. Чигирина, в крови Сталина утром 5 марта 1953 года были обнаружены признаки присутствия в его организме некоего токсического вещества — яда. Кроме того, в течение всего дня, вплоть до самой кончины вождя смертельная агония сопровождалась кровавой рвотой, анализ которой однозначно подтверждал, что на слизистую оболочку желудка также воздействует какой-то яд. Насколько убедительно эти признаки свидетельствовали

о наличии яда в организме Сталина, подробно описано в главе 7 первой книги-триптиха «Был ли отравлен И.В. Сталин?».

Смеем предположить, что в отношении смертельно больного вождя был совершен акт эвтаназии¹ в целях прекращения его страданий, поскольку консилиум знаменитых медиков установил, что кончина неизбежна.

Из воспоминаний академика Мясникова: «Третьего утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным: смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения, но тут же заявил, что он надеется, что медицинские мероприятия смогут если не сохранить жизнь, то продлить ее на достаточный срок. Мы поняли, что речь идет о необходимом фоне для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения. Тут же мы составили первый бюллетень о состоянии здоровья И.В. Сталина (на 2 часа 4 марта). В нем имелась заключительная фраза: «Проводится ряд терапевтических мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций организма». Тем самым в осторожной форме выражалась надежда на «восстановление», то есть расчет на некоторое успокоение страны. Тем временем всем членам ЦК КПСС и другим руководителям партийных и советских органов был послан вызов срочно прибыть в Москву для обсуждения положения в связи с предстоящей смертью главы государства»².

О причине сбора «руководителей партийных и советских органов» академик высказал, конечно, свое предположение, не более. Не мог же он знать, что на 5 марта был запланирован Пленум ЦК КПСС по обсуждению вопросов реформирования партии, а на 6 марта намечена Сессия Верховного Совета СССР для обсуждения предстоящей реформы самого государства. Следовательно, вызовы делегатам обоих форумов были сделаны заранее и на 4 марта многие делегаты уже прибыва-

---

¹ Эвтаназия, эйтаназия, эутаназия (от греческого «eu» — хорошо и «thanatos» — смерть), намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий. Вопрос о допустимости эвтаназии до сегодняшнего дня остается дискуссионным.

² А.Л. Мясников. Я лечил Сталина. М., 2011. С. 295.

ли в Москву, как это следует из воспоминаний К.М. Симонова, который был членом Верховного Совета: «Я пришел в зал за сорок минут, но уже собрались все. Мы знали, что где-то рядом в Кремле лежит Сталин, который никак не может прийти в сознание. Все сидели, совершенно молча... Я никогда бы не поверил, что в течение сорока минут, так могут молчать триста тесно сидящих людей. Никогда в жизни не забуду этого молчания. Из задней двери вышли они — те, кто был в Бюро Президиума ЦК, плюс Молотов и Микоян. Вступительную речь сказал Маленков. Смысл: товарищ Сталин продолжает бороться со смертью, но, даже если победит, состояние его настолько тяжелое... Нельзя оставлять страну без руководства. Поэтому необходимо сформировать правительство»¹.

Итак, в зал вышли «ОНИ — те, кто был в Бюро Президиума ЦК, плюс Молотов и Микоян» — так это же участники «тайной вечера», минус Брежнев и Пономаренко! Вот как выглядит эта «десятка» в алфавитном порядке: Берия Л.П., Булганин Н.А., Ворошилов К.Е., Каганович Л.М., Маленков Г.М., Микоян А.И., Молотов В.М., Первухин М.Г., Сабуров М.З., Хрущев Н.С. Попробуем «вычислить» тех членов «десятки», кто принимал решение об эвтаназии вождя, ведь не медики же, в самом деле, «догадались» прекратить его страдания. Можно сразу исключить тех участников «тайной вечера», кто не входил в элитную «четверку». Итак, кто из этой «четверки» (Берия, Булганин, Маленков и Хрущев) принимал решение об ускорении наступления смертельного исхода вождя, с тем, чтобы к исходу 5 марта можно было сформировать руководящие органы страны? И по тому, как еще при живом Сталине такие органы были сформированы, и по тому, как эти органы полностью соответствовали досъездовскому формату как партийного, так и советского руководства, можно с большой степенью вероятности предположить, что время введения в организм Сталина яда было рассчитано с поразительной точностью. Действительно, когда руководящая элита уже в новом качестве возвратилась на Ближнюю дачу

---

¹ Цит. по: З. Радзинский. Три смерти. М., 2007. С. 405—406.

Сталина, им оставалось лишь войти в зал, где умирал вождь, со снятыми головными уборами. Сразу нужно исключить из списка «кандидатов» Георгия Максимилиановича Маленкова (1902—1988 гг.), как человека верующего, поскольку христианская церковь (как православного, так и католического вероисповедания) является решительным противником эвтаназии. Исключается и Николай Александрович Булганин (1895—1975 гг.), поскольку именно в его «дежурство» у Сталина появилась кровавая рвота. И по тому, как отреагировал на это Булганин, надо полагать, что для него это стало полной неожиданностью. Впрочем, предоставим слово академику Мясникову:

«Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью; эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило: как объяснить? Для поддержки падавшего давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревогах и догадках.

От ЦК дежурил Н.А. Булганин. Я заметил, что он посматривает на нас подозрительно и, пожалуй, враждебно. Булганин блестел маршальскими звездами на погонах; лицо одутловато, клок волос вперед, борода — немножко похож на какого-то царя Романова или, может быть, на генерала периода Русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: «Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?» Я ответил: «Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера в связи с гипертонией и мозговым инсультом». «Возможно? — передразнил он неприязненно. — А может быть, у него рак желудка, у Сталина? Смотрите, — прибавил он с оттенком угрозы, а то у вас все сосудистое да сосудистое, а главное-то и про... (он явно хотел сказать «провороните» или «прошляпите», но спохватился и закончил «пропустите»)...

...Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час.

Наконец она наступила — в 9 часов 50 минут вечером 5 марта¹.

Итак, остаются Берия Л.П. (1899—1953 гг.) и Хрущев Н.С. (1894—1971 гг.). Значит, решение принимал ИЛИ БЕРИЯ, ИЛИ ХРУЩЕВ. Вряд ли такое смелое, по своей сути преступное решение мог принять один человек, скорее всего союз «ИЛИ» следует заменить на «И». Следовательно, решение принял «тандем» Берия и Хрущев. А теперь, уважаемый читатель, взгляните на линейно расположенный список фигурантов «десятки». Оба представителя «тандема» расположились на концах линейки. А если «согнуть» линейку в виде окружности, то словно по Евангелию, «последний» становится «первым», и возглавит этот «преступный» тандем Н.С.Хрущев.

Инициатором свершения акта эвтаназии, скорее всего, явился именно Н.С. Хрущев, исходя не столько из соображений гуманности, сколько из мазохистского стремления пнуть уже чуть живого льва за все те унижения, которые он испытал от «горячо любимого отца всех народов». Стоя у смертного одра вождя, он прокручивал в своей голове кадры жизненной хроники, в которых ярко были запечатлены эпизоды его унижительного положения перед «отцом».

Прежде всего, вспомнились тяжелые военные годы, оставившие в душе Хрущева глубокий след. Наиболее драматическими эпизодами его фронтовой жизни были сдача Киева в сентябре 1941 года и самоубийственное контрнаступление под Харьковом в мае 1942 года, в результате чего Хрущев попал в немилость у Сталина. Верховный главнокомандующий был категорически против сдачи врагу Киева, и на многочисленные сообщения Тимошенко и Хрущева о катастрофическом положении, сложившемся на Юго-Западном фронте, предлагавших оставить Киев, обвинял их в паникерстве и трусости. Тимошенко и Хрущев отдали устный приказ об отступлении без позволения Сталина, но время было упущено и свыше полумиллиона солдат и офицеров попали в плен. Лишь 150 тысяч военнослужащих из 653-тысячной группировки смогли вырваться из окружения.

---

¹ Цитированное сочинение А.Л.Мясникова, с. 299—300.

В тот момент, когда Хрущев со своими подчиненными покидали Киев, пришла телеграмма из Москвы, в которой Сталин «несправедливо обвинял нас в трусости и угрожал, что «будут приняты меры». Обвинял в том, что мы «намереваемся сдать Киев врагу». Однако арестовывать Хрущева Сталин не стал — лишь полностью игнорировал его во время следующего приезда в Москву.

В аналогичный Киевскому котел попали также войска Юго-Западного фронта в мае 1942 года под Харьковом. Командующий фронтом Тимошенко, начальник штаба Баграмян и начальник политотдела фронта Хрущев доложили в Москву, что они готовы нанести сокрушительный удар силами девяноста двух дивизий (свыше 640 тысяч человек, 1200 танков, 13 тысяч орудий и пулеметов, 926 самолетов) по группировке немецких войск из 64 дивизий (группа армий «Юг»). Несмотря на то, что начальник Генерального штаба маршал Шапошников возражал против этого неподготовленного контрнаступления, Сталин план одобрил (правда в урезанном виде — предложил для начала отбить у немцев только Харьков).

Однако немцы смогли разгадать план контрнаступления Красной армии и приняли необходимые меры по окружению советских войск. Отчаянные попытки командования фронта приостановить неудавшееся наступление наткнулось на непреклонное решение Сталина — продолжать наступление. Результат был трагичен: 267 тысяч человек погибли, более 200 тысяч были взяты в плен. К тому же, писал в своих мемуарах Василевский, именно победа под Харьковом дала немцам возможность прорваться к Сталинграду и на Кавказ.

За это крупное поражение Тимошенко и Баграмян были отстранены от командования фронтом, а Хрущев был вызван в Москву. «У меня было очень подавленное настроение, — рассказывает Хрущев. — Мы потеряли много тысяч солдат, утратили надежду, которой жили...» Но главное — Хрущева томила тревога за будущее. Ибо Сталин «на все пойдет, но никогда не признает, что допустил ошибку. Поэтому... я морально был подготовлен ко всему, не исключая и ареста».

Однако Сталин снова не стал наказывать Хрущева, видимо, осознал и свою вину, что поддался на заверения того же

Хрущева о необходимости проведения операции, не прислушавшись к мнению Генштаба. В отличие от Тимошенко и Баграмяна, Хрущев даже не был уволен: вместо этого он вскоре получил новое назначение в Военный совет Сталинградского фронта.

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы он все-таки не наказал «провинившегося» Хрущева. Тем же летом в присутствии нескольких командиров он выбил о лысую макушку Хрущева свою знаменитую трубку. «Это обычай, — объяснил Сталин потрясенным зрителям. — Когда в Древнем Риме командир проигрывал битву, он садился на кострище и посыпал свою голову пеплом. В то время это был для военного самый страшный позор».

Харьковская трагедия глубоко потрясла Хрущева. В своих воспоминаниях он писал: «И сейчас я все обдумываю события того, лично для меня, самого тяжелого времени, поворотного для положения дел в 1942 году».

Однако наиболее сильное потрясение испытал Н.С. Хрущев в марте 1943 года, когда при весьма загадочных и до конца не выясненных обстоятельствах, в воздушном бою погиб его старший сын, лейтенант Леонид Хрущев. Поскольку ни сбитого самолета, ни останков Леонида найдено не было, то возникли слухи, что он выжил, попал в плен к немцам и согласился сотрудничать с ними. Согласно этим слухам, Сталин якобы приказал советским десантникам выкрасть его и казнить, что было и сделано. При этом утверждалось, что Хрущев на коленях умолял Сталина сохранить сыну жизнь, но тот ему отказал. Авторы этих слухов объясняли, что именно по этой причине Хрущев выступал впоследствии против Сталина. Несмотря на то, что эту версию поддерживал известный историк и писатель В. Жухрай, с ней трудно согласиться. Если бы немцы взяли в плен сына Хрущева, они бы раструбили об этом на весь мир, — как и произошло, когда в руки к ним попал сын Сталина Яков Джугашвили.

Но, с другой стороны, Молотов утверждал, что сын Хрущева был «вроде изменника», «его сын попал в такое положение, что его расстреляли фактически», и Сталин «не захотел

его помиловать», за что Хрущев «лично возненавидел Сталина» и на все пойдет, «только бы запачкать имя Сталина».

В 1990 году «Военно-исторический журнал», активно муссировавший тему о предательстве Леонида Хрущева, провел исследование архивных документов, содержащих допросы русских военнопленных. Не было найдено ни единого документа, подтверждающего версию, что сын Хрущева попал в руки немцев, однако было обнаружено, что почти две тысячи страниц протоколов допросов бесследно исчезли. Настораживает исследователей этой драмы и тот факт, что Хрущев очень редко в беседах и весьма кратко в мемуарах упоминает о своем старшем сыне, который отличался бесшабашным характером, как в мирной жизни, так и на фронте.

«Леонид был пилотом и погиб в бою, — пишет Хрущев в мемуарах. — Была война, и много хороших людей погибло на войне». На более чем двух тысячах страниц мемуаров Леонид упоминается лишь дважды. Что же мешало ему вспомнить о пропавшем сыне? Возможно, ответ на этот вопрос очень простой, несмотря на свой сложный и противоречивый характер. Хрущеву, как любому отцу, слишком больно было поднимать и обсуждать эту тему. Однако интрига остается, и вот уже Н. Над — автор недавно вышедшей книги «Как убивали Сталина», — описывает неприглядную сцену, разыгравшуюся в кабинете Сталина, когда Хрущев просил помиловать его сына: «Говорят, Хрущев заплакал, а потом стал рыдать. Мол, сын виноват, пусть его сурово накажут, только не расстреливают.

Сталин встал с кресла. За ним — Хрущев. Сталин сказал: «В сложившемся положении я ничем помочь не могу». Хрущев упал на колени. Умоляя, он стал ползти к ногам Сталина, который не ожидал такого поворота дел и сам растерялся.

Сталин отступал, а Хрущев полз за ним на коленях, плача и прося снисхождения для сына. Сталин просил Хрущева встать и взять себя в руки, но тот был невменяем. Сталин вынужден был вызвать Поскребышева и охрану. Когда те влетели в кабинет, то увидели всю эту неприглядную картину.

Сталин попросил вынести Хрущева в одну из соседних комнат, пригласить врачей и привести Никиту Сергеевича в чувство, после чего сопроводить до места, где он остановился.

Когда сотрудники охраны и врачи приводили Никиту Сергеевича в чувство, он все время твердил: «Пощадите сына, не расстреливайте...»

Этот случай дал повод разговорам среди работников Кремля о трагедии в семье Хрущева и отказе Сталина в просьбе о помиловании сына.

Происшедший инцидент на встрече Хрущева со Сталиным до сих пор всплывает в разговорах сотрудников безопасности. В частности, утверждается, что в этом заключается главная причина нападок Хрущева на Сталина и одна из главных причин разоблачения культа личности. При этом делаются ссылки на неосторожное заявление Хрущева в присутствии своих приближенных, когда он сказал: «Ленин в свое время отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына». Хрущев до самой смерти не мог простить Сталину того унижительного положения, в котором он оказался на глазах всех по воле вождя»¹.

Следует отметить, что Хрущев затаил злобу на Сталина еще в довоенное время, когда, будучи первым секретарем компартии Украины, организовывал тотальный террор, повинаясь директивам, исходящим из Кремля, но больше по собственной инициативе, стремясь выслужиться перед Сталиным. Завидуя Сталину, он как мог, насаждал на Украине свой собственный культ, но в то же время испытывал животный страх перед ним, памятуя, что все его предшественники (Косиор, Чубарь и Постышев) были репрессированы. Погибли также их жены и дети, казнены были и братья Косиора. Вспоминается следующий эпизод, красноречиво характеризующий мстительную натуру Н.С. Хрущева.

«Во время своей поездки в Сталино в апреле 1938 года он навестил своего старого друга Илью Косенко, который в начале 20-х годов вступил в партию по рекомендации Хрущева. Однако в дальнейшем их пути разошлись. Не желая участвовать в раскулачивании, Косенко вышел из партии. Поскольку Хрущев приехал к старому другу в сопровождении целого

---

¹ Цит.по: А.Костин. Хрущев: лицо и маска. // Подвиг. №12. 2009. С. 210—214.

отряда охраны, Косенко не стал откровенничать с ним, лишь прошептал, наклонившись:

— Не о чем мне говорить. Будь ты один — рассказал бы. А так ты укажишь, меня заберут. И ты даже не узнаешь, что со мной стало.

Удивительно, но два года спустя Хрущев снова навестил Косенко, теперь уже в сопровождении всего лишь одного охранника, который остался за дверью.

— Брось дурить, — сказал он другу, — вступай в партию. Я возьму тебя с собой в Киев. Пора дать твоим ребятам образование.

— Нам с тобой никто образования не давал, — ответил Косенко. — Сами взяли. И они сами возьмут. А я никуда отсюда не уеду и в партию — такую, как сейчас, — вступать не стану. Это все равно, что в дерьмо вступить. Настоящую партию, ту, в которую мы оба вступали когда-то — партию Якира, Тухачевского, Кирова, — вы уничтожили.

Хотя двое старых друзей когда-то и были очень близки друг другу, такая откровенность могла дорого стоить Косенко. Однако Хрущев ответил:

— Ты меня этим не попрекай, я был к этому непричастен. Я, когда смогу, когда это будет в моей власти и силах, рассчитаюсь с этим Мудакшвили сполна. Я ему никого не прощу — ни Кирова, ни Якира, ни Тухачевского, ни самого простого работника и крестьянина.

Когда Хрущев уехал, дочь Косенко Ольга, которой в то время было 12 лет, спросила отца, о чем они говорили:

— Ты что, все слышала? Ну, смотри, если скажешь хоть одному человеку, хоть одно слово, и его (Хрущева), и меня расстреляют.

Ясно, что в разговоре со старым другом Хрущев стремился обелить себя и возложить всю вину на Сталина (Джугашвили-Мудакшвили), но поражает то, что он вообще счел нужным дважды встречаться с Косенко и оправдываться перед ним.

Этот эпизод убедительно свидетельствует о трагической двойственности природы Хрущева. С одной стороны, он, безусловно, лгал, что непричастен к репрессиям, но, с другой стороны, после этой встречи с головы Косенко не упал ни один

волос, значит, его упреки что-то сдвинули в душе матерого палача. И, наконец, он выполнил свое обещание, данное другу, по поводу расправы с «Мудақшвили». Через 16 лет после этого разговора он зачитал свой «закрытый доклад» с трибуны XX съезда КПСС, который лондонская «Телеграф» в день 50-летнего юбилея этого доклада в феврале 2006 года охарактеризовала его как «самую влиятельную речь XX столетия»¹.

И еще один эпизод, связанный с унижением Хрущева, промелькнул в его голове. Это было всего лишь два года тому назад, когда Хрущев уже работал в Москве, будучи кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), первым секретарем Московского горкома и обкома партии. Чтобы как можно ярче проявить себя на новом поприще, он решил осуществить свою заветную мечту — внедрить на подмосковных землях свой украинский опыт создания так называемых агрогородов. Его идеи по созданию агрогородов совпали с проводимой Кремлем с лета 1949 года политикой укрупнения колхозов, что, с одной стороны, должно повысить эффективность подневольного труда, с другой — позволяло усилить контроль над колхозниками. Хрущев, который уже занимался слияниями колхозов на Украине, увидел в этом прекрасную возможность выделиться и завоевать признание. Однако, как обычно, он перестарался, дав возможность «разгуляться» своим необузданным фантазиям. В марте 1950 года он призвал переселить колхозников из «маленьких и неудобно расположенных деревень» в «новые поселки с хорошими жилищно-бытовыми условиями», включающими в себя «удобное высококачественное жилье» — и все это «в самом ближайшем будущем». Приусадебные участки предполагалось отрезать от домов и разместить на отдельной территории, наподобие дачных участков. Здесь уже забеспокоился сам Сталин, который прекрасно знал, что приусадебные участки — это основной источник продовольственного обеспечения колхозников, фактически бесплатно работающих на колхозных полях и не имеющих возможности покинуть колхоз из-за отсутствия паспортов. Но Хрущев не уловил этого беспокойства вождя, поскольку

---

¹ Там же С. 205—206.

не видел в своей идее ничего особенного: «Просто отрежем кусок земли, огородим забором, и все»¹. Впоследствии он широко пропагандировал свое видение урбанизированной деревни. Так, в речи от 18 января 1951 года он подробно описал идею агрогорода: мелкие села сливаются в крупные поселки, в которых имеются: школа, больница, детские учреждения (ясли, сады), клуб, агрономический центр и другие учреждения, необходимые в колхозе. Вместо частных избушек — многоквартирные дома с водопроводом, центральным отоплением, электричеством, с уличным освещением и тротуарами. Для индивидуального огородничества всем колхозникам будут выделяться специальные земли вне территории агрогорода. Хрущев добился, чтобы его речь была опубликована в «Правде», надеясь, что так его идеи быстрее дойдут до Сталина. Однако Сталин понимал, чем грозят эти хрущевские фантазии, и позвонил в редакцию газеты, потребовав опровержения материала, занявшего целый разворот в номере от 4 марта 1951 года. 5 марта на первой странице газеты появилась коротенькая заметка «Исправление ошибки»: «По недосмотру редакции при печатании во вчерашнем номере газеты «Правда» статьи товарища Н.С.Хрущева «О строительстве и благоустройстве в колхозах» выпало примечание от редакции, где говорилось о том, что статья товарища Н.С. Хрущева печатается в дискуссионном порядке. Настоящим сообщением эта ошибка исправляется».

Несмотря на извинения, которые Хрущев принес Сталину на следующий день в весьма уничижительной для себя форме, Сталин назначил комиссию под председательством Маленкова, «чтобы покрепче дали Хрущеву». Комиссия подготовила секретную директиву на восемнадцати страницах для распространения в парторганизациях страны, в которой утверждалось, что Хрущев «поставил под угрозу всю систему колхозов». В апреле этот вопрос обсуждался на пленуме горкома партии, а на XIX съезде партии в октябре 1952 года с резкой критикой в адрес Хрущева выступил Маленков, кри-

---

¹ Речи Хрущева от 16 и 31 марта 1950 года были скомбинированы и опубликованы в «Правде» 25 апреля 1950 года.

тикуя «некоторых наших руководителей» за предложение «снести дома колхозников» и «возвести на новых местах агрогорода». Хрущев всячески старался скрыть свое огорчение. Выходя с совещания, на котором Сталин жестко его раскритиковал, он шепнул министру сельского хозяйства Ивану Бенедиктову: «Много он знает. Руководить вообще легко — а ты попробуй конкретно...» — однако, спохватившись, он тут же уточнил, что имел в виду только самого себя. Однако окружающие видели, что он был в отчаянии. «Он ужасно страдал, думал, что это конец, что теперь его сместят», — свидетельствовал его помощник Шевченко. «Это было ужасно, — подтверждал Петр Демичев. — Он был на грани. Перестал спать. На наших глазах постарел на десять лет».

Но все прошло без тяжелых для Хрущева последствий. Сурово осудив идею агрогородов, Сталин не изменил своего доброго отношения к самому Хрущеву. Прочтя черновик доклада комиссии Маленкова, он заметил Молотову: «Надо мягче, смягчить». А вскоре после этого, при встрече с Хрущевым шуточно постучал своей трубкой ему по лбу и с улыбкой проговорил: «Звук-то какой — пусто».

Эта история с агрогородами глубоко потрясла Хрущева, мучила его много лет спустя, и он добился в начале 1958 года, уже, будучи не только высшим партийным руководителем, но и главой правительства, отмены резолюции политбюро от апреля 1951 года, объявившей план создания агрогородов ошибкой. Это был один из эпизодов непростых взаимоотношений Хрущева и Сталина, когда, претерпев очередное унижение, он все больше укреплялся в своих тайных помыслах о мести Сталину. Кроме того, это событие добавило уверенности Хрущеву в том, что помимо Берии, которого он ненавидел смертельной ненавистью, другим врагом его является Маленков, с которым предстоит жестокая схватка в борьбе за наследство после ухода из жизни Сталина.

Хрущев сильно страдал от последствий ночных застолий, устраиваемых Сталиным после трудового дня на кунцевской даче. Бывший трезвенник, он сильно мучился от утреннего похмелья: «Стыдно было встречаться с людьми, потому что обязательно встретится кто-то, и ты станешь с ним гово-

ритель, а он увидит, в каком ты состоянии. Это было позорно». В своих воспоминаниях Хрущев уверяет, что он и другие просили официанток приносить вместо вина воду, подкрашенную соком, но Сталин, заметив эту хитрость, «взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал!» Хрущев полагал, что Сталин забавлялся, спаивая своих подчиненных, и тем самым ставил их в неудобное, порой неловкое положение, не говоря уже о розыгрышах, на которые он был большой мастак. Раздражала его необходимость плясать украинский гопак, равно как и парные танцы с другими членами политбюро: «Приходилось ходить вприсядку и выбивать такт каблуками, а это, откровенно говоря, мне было не так-то легко. Но я старался, как мог, да еще и улыбался. Как я потом сказал Микояну: «Когда Сталин велит плясать, умный человек отказываться не станет».

Умный человек был готов не только плясать по команде Сталина, но и петь соло. Однако Хрущев категорически отказывался петь в том случае, если делать это заставлял Берия, очень часто исполнявший роль тамады во время поздних ужинов на сталинской даче. «Я отказывался, а Сталин поглядывал на меня и на Берию, и ждал, чем все это кончится. Берия видел, что я не сдамся и отставал от меня, чувствовал, что Сталину нравится мое упрямство».

Трудно сказать, что больше поражает в этих эпизодах — пронизательность Хрущева, научившегося безошибочно «читать» мысли Сталина и Берии, или актерский талант, с которым он скрывал свое растущее интриганское мастерство под убедительной маской грубого, простоватого и ограниченного «мужлана». Скорее всего, и то, и другое, но, несомненно, второе превалировало, поскольку, как показали последующие события, он все-таки «отомстил» мертвому Сталину, да так, что не только заложил основы для развала сталинской империи, но и потряс фундамент мировой системы социализма, над строительством которой Сталин упорно трудился, добросовестно выполняя заветы В.И. Ленина.

На трибуне закрытого заседания делегатов XX съезда КПСС Хрущев совершил политическое убийство Сталина. Но этого было недостаточно для удовлетворения мстительного

вождения, копившегося на протяжении стольких лет. Вся сладость садистского наслаждения заключалось не в этом, а в том, чтобы еще при жизни тирана, пусть даже на ее самом краю, всадить в него меч возмездия и полюбоваться самой желанной картиной, когда твой враг, этот много раз втихую проклинаемый «Мудакшвили», испустит дух.

Но это будет потом, а сейчас нужно было стараться всеми силами прославлять Сталина, чтобы он ни на минуту не мог усомниться в лояльности Хрущева.

На праздновании 70-летнего юбилея вождя 21 декабря 1949 года Хрущев закончил свою хвалебную речь словами: «Слава нашему дорогому отцу, мудрому учителю, великому вождю партии, советского народа и рабочих всего мира, товарищу Сталину!» У Сталина не было причин не верить в искренность этих слов Хрущева, иначе он не посадил бы его за праздничный стол по свою левую руку (по правую сидел Мао Цзэдун) как официального хозяина торжества, поскольку Хрущев был первым секретарем Московского обкома и горкома партии¹.

Все эти мысли, сменяя одна другую, как картинки в калейдоскопе пронеслись в голове Хрущева, когда он услышал утром 3 марта доклад профессора Мясникова о прогнозе тяжелого заболевания Сталина.

— Значит, 5 марта все должно закончиться. И самое оптимальное время ухода вождя — к концу совместного заседания Пленума ЦК КПСС и Сессии Верховного Совета СССР. Это вечер, где-то 21.00. Нужно успеть провести «спецакцию», чтобы результат подоспел к этому времени. Когда? Сегодня (3 марта) рано, послезавтра (5 марта) поздно — может прожить более суток. Значит, завтра (4 марта), вернее в ночь с 4 на 5 марта, когда у смертного одра будет минимальное количество медперсонала. Где взять яд? Это не проблема, нужно только подключить Огольцова — человек надежный, «проверенный». Кому поручить провести «спецакцию?» Это решим совместно с Берией. Он согласится, не может не согласиться, поскольку боится и ненавидит Сталина не меньше моего.

---

¹Там же. С. 222—226.

Вот такой негласный «монолог» прозвучал в голове Хрущева, пока длился доклад профессора Мясникова, в «сухом остатке» которого значилось: «протянем лечение на столько, сколько потребуется. Но мы не боги».

С утра 4 марта ситуация осложнилась тем, что у Сталина, кажется, был обнаружен еще и инфаркт миокарда, значит, нужно спешить с проведением «спецакции», а то еще умрет тиран неотмщенным. И Хрущев немедленно стал готовить «материальную честь» «спецакции»¹.

Дело обстояло на самом деле именно так, как оценил обстановку Никита Сергеевич. Послушаем профессора Мясникова:

«На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы прибыла молодая врачиха, сняла электрокардиограмму и безапелляционно заявила: «Да, инфаркт». Переполух! Уже в «деле врачей-убийц» фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства. **Теперь, вероятно, мы у праздничка. Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта, а заключения уже известны всему миру. Жаловаться на боли, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно, не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта. Консилиум был в нерешительности. Я первый решил пойти ва-банк: «Электрокардиологические изменения слишком монотонны для инфаркта — во всех отведениях. Это мозговые псевдоинфарктные электрокардиограммы. Мои сотрудники по ВММА получали такие кривые в опытах с закрытой травмой черепа. Возможно, что они могут быть и при инсультах. Невропатологи поддержали: возможно, что они мозговые, во всяком случае, основной диагноз — кровоизлияние в мозг — им достаточно ясен. Несмотря на самоуверенный дискант электрокардиографички, консилиум не признал инфаркта. В диагноз был, впрочем, внесен новый штрих: воз-**

---

¹ Реконструкция «монологов» наша. — А.К.

можны очаговые кровоизлияния в мышце сердца в связи с тяжелыми сосудодвигательными нарушениями на почве кровоизлияния в базальные ганглии мозга»¹.

Как видим, профессор открытым текстом заявляет, что консилиум скрыл факт наличия инфаркта у Сталина, но ни у кого из членов «четверки» это не вызвало подозрения. А ситуация сложилась прямо-таки как зеркальное отображение событий 1949 года, когда в аналогичной ситуации академик В.Н. Виноградов² не признал факта наличия инфаркта миокарда у Жданова, несмотря на то, что врач Лидия Томашук, специалист по электрокардиографии, утверждала обратное. Как известно, именно эта «врачебная ошибка» послужила впоследствии стартовым сигналом для раскручивания «дела врачей». Здесь же преступное решение консилиума касалось самого Сталина, почти полубога — и ничего. «Молодая врачиха» (это своего рода «Лидия Томашук») не только диагностировала инфаркт миокарда, но и зафиксировала этот факт в своем письменном заключении, по которому современные специалисты однозначно подтверждают ее диагноз (об этом подробно говорилось в первой книге триптиха). Ведь стоило кому-то из «четверки» усомниться в справедливости заключения консилиума и пригласить из той же районной поликлиники еще одного специалиста для повторной расшифровки электрокардиограммы, так сразу же все члены консилиума, подписавшие это завиральное заключение, стройными рядами отправились бы в подвалы Лубянки, к своим коллегам — фигурантам по «делу врачей». Но ничего, пронесло!

Пронесло-то пронесло, но какова истинная причина столь крупного «везения для эскулапов», панически боявшихся оказаться в том самом подвале? Все просто объясняется, если представить, что «тандем» уже приступил к реализации своего замысла по проведению «спецакции». Мало того, уже был назначен непосредственный исполнитель, то есть «спе-

---

¹ А.Л. Мясников. Я лечил Сталина. М., 2011. С. 298—299.

² Виноградов В.Н. (1892—1964 гг.) — выдающийся советский терапевт, академик АМН СССР, главный терапевт Лечсанупра Кремля, лечил Сталина и других членов Политбюро. В ходе «дела врачей» был арестован, подвергся пыткам. После смерти Сталина освобожден и реабилитирован.

циалист», который в составе врачебного консилиума подписал это преступное заключение. Кто он? Но сначала нужно выяснить, каким образом в руках преступников оказался яд, который, скорее всего, дрожащей рукой в ночь с 4 на 5 марта этот «специалист» ввел в организм Сталина. Удивительное дело! Но нам даже не следовало напрягаться, чтобы проработать версию о процедуре получения Хрущевым ампулы с ядом (возможно двух), на случай какой-либо непредвиденной ситуации. Эту работу за нас проделал Ю. Мухин, отработывая свою, смахивающую на лихой детектив, версию отравления Сталина непосредственно руками Никиты Сергеевича Хрущева. Уважаемый читатель, откройте нашу книгу «Убийство Сталина. Все версии и еще одна» на стр. 118, где расписан сценарий этого «злодейства», и Вы убедитесь в том, насколько точно предугадал Ю. Мухин, милостью божьей прирожденный криминалист, нашу версию о приобретении Н.С. Хрущевым яда для совершения акта эвтаназии. Ничего не поделаешь, но нам приходится извиниться перед этим мастером криминального сыска за нашу критику его детективной версии отравления Сталина, которая, хотя и в весьма уважительном тоне, но все-таки не раз звучала на страницах триптиха.

С ответом на вопрос, когда конкретно была осуществлена «спецакция», нам также не пришлось долго ломать голову. На этот раз подсказку находим в итоговом заключении блестящего исследования Н. Добрухи, приведенном в седьмой главе первой книги триптиха: «Был ли отравлен И. В. Сталин?» на с. 240—243. Памятуя о том, что у некоторых читателей может не оказаться под рукой этой книги, ниже воспроизведен ключевой фрагмент заключения Добрухи:

«С часу до трех часов ночи (с 4-го на 5 марта 1953 года. — А.К.) дневник врачебных наблюдений почти не ведется. Вначале я думал, что это от полной безнадежности, но, когда вдруг обнаружил цитируемую ниже невзрачную бумагу, то... стало ясно, что это... от незнания, что делать, точнее от незнания, как поступить?! К этому времени (в ночь на 5 марта) пришли анализы крови и мочи, из которых следовал однозначный вывод: отравление(!), отравление(!!), отравление(!!!) Заключение консилиума на 1 час ночи 5 марта предельно ла-

конично: «... При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец до 17000, вместо 7—8 тыс. по норме, с токсической зернистостью в лейкоцитах (вот оно (!!!) — Н.А.Д.). При исследовании мочи обнаружен белок до 6 промилле (в норме 0)». Еще одно подтверждение! Все стало ясно. Но... как врачи это могли сообщить Берию? Сразу последовал вопрос: «Лучше сами признавайтесь, кто из вас отравил товарища Сталина?! Иначе всех...» Что делать? Решили, учитывая безнадежность положения и упущенное время, просто зафиксировать факт... *(Поэтому была такая длительная, без всяких процедур, пауза, нашедшая отражение в полном бездействии и первой записи лишь в 3 часа ночи... — Н.А.Д.)*»¹.

Исходя из этого заключения, почти со 100%-ной вероятностью можно утверждать, что «спецакция» была осуществлена в полночь, то есть в 24.00 4-го или в 00.00 5 марта 1953 года (все темные дела творятся в полночь). Сталину оставалось «прожить» еще 21 час 50 минут. Но было ли это действие актом эвтаназии? Об этом чуть ниже, а сейчас критически проанализируем вывод Н. Добрухи, подсказавшего нам практически точное время введения яда в организм Сталина.

Будучи пытливым исследователем, Николай Алексеевич, как и многие другие, тем не менее, оказался в плену «остроумной и глубокой» версии, что Сталин был отравлен во время того самого пресловутого не то ужина, не то затянувшегося обеда в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года. А вот анализ крови и мочи показал наличие яда лишь... в час ночи 5 марта! Логика, притом самая элементарная, указывает на две возможности: либо до этого времени НИ РАЗУ не проводилось исследование крови и мочи, либо отравление произошло не ранее как час тому назад. Альфой и омегой медицинской токсикологии является аксиома, что яд, попавший в организм человека, практически мгновенно проникает в кровь, и последствия его воздействия на состав крови обнаруживаются при первых же пробах, взятых у больного

---

¹ А. Костин. Смерть Сталина. Причем здесь Брежнев? М., 2011. С. 242—243.

для проведения общего анализа крови. Поскольку абсурдным было предположить, что, начиная с 7 часов 2 марта и до 1 часа ночи 5 марта ни разу не производилось взятие проб для общего анализа крови, то вывод напрашивается сам собой: яд в организм Сталина появился непосредственно перед взятием пробы в час ночи 5 марта.

Итак, «остроумная и глубокая» версия «отравления» Сталина в ночь на 1 марта 1953 года, о которой написаны горы исследовательской литературы, оказалась «глубоко ошибочной» (см. эпиграф ко второй книге триптиха).

Любознательный читатель:

— Все вышесказанное относительно отравления Сталина примерно за сутки до его смерти достаточно убедительно, в том числе и то, что «вдохновителем и организатором» проведения «спецакции» был именно Н.С. Хрущев. Но при чем здесь тогда Берия? — это во-первых? А во-вторых, кто именно тот «специалист» из состава врачебного консилиума, который взял на себя сомнительную миссию реально осуществить эту акцию?

Оба вопроса весьма интересны и своевременны, но прямого и точного ответа на них дать невозможно, причем по разным причинам в отношении каждого из них. Начнем со второго. Нам из далекого будущего, отстоящего от тех событий на 60 лет, легко рассуждать на тему о святости постулатов клятвы Гиппократата, которую, якобы дают медицинские работники, вступающие на стезю своей практической деятельности, и о канонах медицинской деонтологии¹, одним из краеугольных камней которой является принцип «Не навреди!» Но те врачи, что несли нелегкую вахту у смертного одра Сталина, поименно знали своих коллег, томящихся в подвалах Лубянки. Знали они и то, что любое их неосторожное действие обернулось бы тем, что они сами оказались бы в соседних казематах с последующими пытками. Кто мог осмелиться возразить тому же Берии, который предложил одному из

---

¹ Медицинская деонтология (от греческого «deontos» — должное и «logos» — учение) — учение о юридических, профессиональных и моральных обязанностях и правилах поведения медицинского работника, главным образом, по отношению к больному.

них под видом гуманного акта эвтаназии «помочь» смертельно больному Сталину избавиться от мучений? Тем более, что этого требовала сложившаяся политическая обстановка в стране, жизнь в которой замерла в ожидании любого исхода в борьбе медиков с тяжелым недугом вождя. Мало того, страна уже трое суток практически лишилась руководства, как центрального, так и на местах, поскольку вся руководящая элита страны сидела в кремлевском зале ожиданий, погружившись в трагическое молчание. Обо всем этом было сказано «специалисту», и что? Он начнет объяснять Берии, что давал клятву Гиппократа, что по соображениям медицинской деонтологии должен бороться за жизнь пациента до его самого последнего вздоха? Мы не имеем права судить этих людей по этическим канонам нашего времени. А посему не имеем также права назвать имя того «специалиста» уже потому, что он давно пребывает в мире ином, а в этом мире живут и здравствуют его потомки, родственные чувства которых мы просто обязаны уважать.

Что касается нашей версии, что в паре с явным преступником Н.С. Хрущевым мог оказаться Л.П. Берия, то по мере своих сил мы это уже выше пытались сделать. К уже сказанному разве что можем добавить следующий штрих, подробно описанный нами на с. 200 первой книги триптиха. Там речь шла о том, что когда «новые (старые)» руководители государства возвратились с «исторического» заседания Президиума ЦК КПСС Верховного Совета СССР в зал, где шла последняя стадия борьбы врачей за жизнь Сталина, они застали следующую картину, о которой пишет в своих воспоминаниях реаниматолог Г.Д. Чеснокова:

«Было видно, что сердце останавливается, счет шел на секунды. Я обнажила грудь Иосифа Виссарионовича, и мы с Неговским¹ начали попеременно делать массаж — он пятнадцать минут, я пятнадцать минут. Так делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце запустить уже не удаст-

---

¹ Неговский Владимир Александрович, патофизиолог, основоположник школы советских реаниматоров, академик РАМН (1975 г.), организатор и руководитель Института экспериментальной физиологии по оживлению организмов (с 1936 г.), лауреат Госпремии СССР (1952, 1970).

ся. Искусственное дыхание делать было нельзя, при кровоизлиянии в мозг это строжайше запрещено. Наконец, ко мне подошел Берия, сказал: «Хватит!» Глаза у Сталина были широко раскрыты. Мы видели, что он умер, что не дышит. И прекратили делать массаж»¹.

Этим властным окриком «хватит!» Берия дал понять всем присутствующим, кто здесь хозяин. Действительно, все было разыграно словно по нотам. Врачам была дана установка продлить агонию вождя до 22 часов — они это сделали с «помощью» Хрущева и Берии, ну а дальше: «Хватит!»

То, что эту команду дал именно Л.П. Берия — факт неопровержимый, ибо врачу Г.Д. Чесноковой незачем было писать заведомую ложь. Однако в своих мемуарах Н.С. Хрущев «вспоминает», что именно он дал такую команду: *«Послушайте, бросьте это, пожалуйста, Умер же человек. Чего вы хотите, к жизни его не вернуть»*. В своих мемуарах он продолжает эту мысль, якобы высказанную им в последние секунды жизни вождя: *«Он был мертв, но ведь больно было смотреть, как его треплют. Ненужные манипуляции прекратили»*².

Не здесь ли хранится разгадка преступного сговора «тандема». К моменту написания своих мемуаров Никита Сергеевич многое переоценил в своей жизни, его донимали муки совести по поводу совершенного преступления накануне встречи с «Отцом». Хотелось забыть как кошмарный сон все, что происходило тогда у смертного одра вождя: «Нет, этого не могло быть! Ведь это я дал команду прекратить терзать труп любимого мною вождя!» Возможно, он действительно и сам поверил в это на уровне подсознания — старина Фрейд тут как тут (реконструкция воспоминаний Н.С. Хрущева наша. — А.К.).

Возможно, он даже и произносил эти слова вполголоса, находясь далеко от смертного одра вождя в дверном проеме (как свидетельствует академик А.Л. Мясников), среди «людей рангом пониже». Ближе его не допустили, «не вышел ростом и лицом», опять же по свидетельству академика: «коротенький и пузатый человечек». По новой иерархии, сложившейся

---

¹ А. Костин. Смерть Сталина. При чем тут Брежнев, М., 2011. С. 200

² Н.С. Хрущев. Воспоминания. М., 2007. С. 267.

в последние часы жизни вождя, его опустили ниже плинтуса. Был «рядовым» Секретарем ЦК КПСС, им же и остался, а вот с должности «московского правителя» его сместили, вот и стоит он всего лишь в дверном проеме. Дорого они (те, кто у самого смертного одра вождя) заплатят за это унижение, дайте только срок. Особенно тот, его поделщик, который сказал: «Хватит!»

Конечно, у Берии не было «портфеля», полного ненависти к «Отцу», как это было у Хрущева, но «белым и пушистым» он выглядит лишь в сочинениях таких ортодоксальных «берияфилов» как Е. Прудникова и С. Кремлев. Сложный это был человек. Не было более загадочной и противоречивой фигуры в окружении Сталина, чем Берия. Нельзя забывать, что еще совсем недавно он ходил под дамочловым мечом «Мингрельского дела», а также о том, что активно продолжались поиски «главного мингрела». Знал он наверняка и то, что в списке «213-ти», составленном «сталинскими мальчиками», он шел под №2. Так что у него были причины, чтобы охотно присоединиться к «проекту Хрущева» о проведении эвтаназии, конечно же, под благовидным предлогом совершения «гуманной» акции.

Наконец, нельзя забывать о самопризнании Берии, что именно он «...убрал Сталина и всех вас спас...», которое он сделал, стоя на трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года, адресуя его В.М. Молотову. Чем он при этом руководствовался, непонятно. Не сработал ли на уровне подсознания синдром лягушки-путешественницы: «...это я придумала?» В конце концов, это наша «рабочая» версия, поскольку в подобных делах документальных свидетельств не оставляют.

Ну а то, что через 112 дней один из фигурантов «тангема» последовал за «отцом народов» по воле другого фигуранта, разве ни о чем не говорит? В таких делах оставлять в живых соучастника преступления дело опасное. А знаменитая сталинская формула: «нет человека — нет проблем», разве не явилась спасательным кругом для Хрущева, который после проведенной «спецакции», но уже в отношении своего поделщика, свободно и широко зашагал к вожделенному Олимпу абсолютной власти.

А теперь возвратимся к вопросу о том, была ли так мастерски проведенная «спецакция» актом эвтаназии? Медицинская эвтаназия законом запрещена, следовательно, является преступлением. Но на бытовом, житейском уровне она у большинства людей находит понимание, поскольку освобождает смертельно больного человека от мучений, а его родных и близких от страданий за близкого им человека. Но добровольный уход из жизни предполагает соблюдение следующих условий:

— во-первых, добровольное согласие больного, если он в трезвом уме и светлой памяти. В противном случае это решение непременно должно исходить от близких родственников;

— во-вторых, это таинство должно исключать присутствие или давление посторонних лиц и свершаться медицинским работником, который выбран больным (родственниками);

— в-третьих, акт эвтаназии не должен причинить больному дополнительных страданий, а посему действие яда должно происходить в минимально возможные сроки (мгновенно).

Были ли соблюдены эти условия в случае «эвтаназии» со Сталиным? Из вышесказанного следует, что они были грубо нарушены. Самые близкие люди Сталина — его дети, не только ничего не знали об этой акции, но сын Василий поплатился своей жизнью за то, что имел неосторожность подозревать соратников отца в его отравлении. Решение на проведение «спецакции» принимали посторонние люди, которые и назначили «специалиста» от медицины на ее проведение. Но самое главное, «спецакция» по своему замыслу предполагала дополнительные, весьма продолжительные страдания больного, окончание которых к определенному сроку и было исходной точкой при выборе категории яда, его дозировки и времени введения в организм. «Специалисты» лаборатории А.Г. Майрановского дело свое знали хорошо. Выбирая вид и рассчитывая дозу яда, они, конечно, не знали, для кого предназначается тот шприц, который был подготовлен по просьбе Огольцова. По «входным» параметрам (возраст, вес и состояние здоровья пациента), а также зная заранее пример-

ное время возможного введения яда и время окончания его действия, они математически точно рассчитали, сколько при этом должен дополнительно промучиться больной, то есть точное время начала операции.

Были ли работники лаборатории Майрановского, а также сам Огольцов участниками преступления? На этот вопрос, к сожалению, приходится ответить отрицательно, поскольку они делали «свою работу», находясь на государственной службе, а значит, государство заранее оградило их от уголовного преследования, взяв на себя ответственность за те преступления, которые будут совершены по итогам работы лаборатории. В равной степени не являются преступниками многочисленные категории людей, занимающихся производством оружия, предназначенного для убийства себе подобных. В этом случае ответственность за гибель людей по негласному договору взяло на себя само человеческое сообщество.

Таким образом, даже если бы вышеназванные условия были соблюдены, то есть врачи по просьбе детей сделали бы Сталину укол, мгновенно «усыпивший» его, то и это было бы преступлением. Что же тогда говорить о «спецакции», которая ни с какого боку, эвтаназией не является? Действительно, отравление Сталина, укоротившее жизнь его в состоянии комы возможно на несколько суток, является преступлением. И на сакраментальный вопрос: «Был ли отравлен Сталин?» — ответ однозначен:

— Да, был! Прав оказался руководитель Албании Энвер Ходжа, который высказал в свое время догадку, что Хрущев дважды убивал товарища Сталина: сначала физически в марте 1953 года, а затем политически в феврале 1956 года¹.

В заключение предоставим слово выдающемуся ученому, основателю научной школы советской кардиологии, академику Академии медицинских наук СССР (с 1948 г.), директору Института терапии АМН (с 1948 г.), а впоследствии Института кардиологии его имени (с 1967 г.), лауреату Международной премии «Золотой стетоскоп» (1964 г.) Александру Леонидовичу Мясникову (1899—1965 гг.), мемуары которого, изданные в полном

---

¹ Энвер Ходжа. Хрущев убивал Сталина дважды. М., 2010.

объеме лишь в 2011 году, позволили нам, наконец-то сформулировать в окончательном виде свою версию убийства Сталина, совершенного непосредственно на его смертном одре:

«Весь день пятого (марта 1953 года. — А.К.) мы что-то впрыскивали, писали дневник, составляли бюллетени. Тем временем во втором этаже собрались члены ЦК; члены Политбюро подходили к умирающему, люди рангом ниже смотрели через дверь, не решаясь подходить ближе даже к полумертвому «ХОЗЯИНУ». Помню, что Хрущев, коротенький и пузатый человечек, также держался дверей (чует кошка, чье мясо съела. — А.К.), во всяком случае, и в это время иерархия соблюдалась: впереди — Маленков и Берия, далее — Ворошилов, потом Каганович, затем Булганин, Микоян. Молотов был нездоров, гриппозная пневмония, но он два-три раза приезжал на короткий срок (как видим, пока Н.С. Хрущев никто, и звать его никак, но не пройдет и года!.. — А.К.).

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня (не дают покоя академику даже на момент написания мемуаров, эти самые желудочно-кишечные кровоизлияния». — А.К), когда больной еще дышал. Но смерть наступила в 9 часов 50 минут вечером 5 марта.

Это был момент, конечно, в высокой степени знаменательный. Как только мы установили, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось, в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю сколько — около 30 минут или дольше. Свершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушел из жизни вождь, перед которым трепетала вся страна, а, в сущности, в той или иной степени, — и весь мир. Великий диктатор, еще недавно всесильный и недосягаемый, превратился в жалкий, бедный труп, который завтра же будут кромать на куски патологоанатомы, а в дальнейшем он будет лежать в виде мумии в Мавзолее (впрочем, как оказалось потом, недолго), затем он превратится в прах, как и трупы всех прочих обыкновенных людей. Стоя в молчании, мы думали, вероят-

но, каждый свое, но общим было ощущение перемен, которые должны, которые не могут не произойти в жизни нашего государства, нашего народа.

В напечатанном на следующий день во всех газетах обращении ЦК, Совета Министров и Верховного Совета СССР было сказано: «Имя Сталина — бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ Сталин создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ Сталин был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ Сталин привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ Сталин привел нашу страну к победе над фашизмом во Второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ Сталин вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР... Смерть товарища Сталина, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тяжчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира... Весть о кончине товарища Сталина глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигенции и всех трудящихся нашей Родины»¹.

Вслед за академиком Евгением Ивановичем Чазовым, который ныне возглавляет Институт кардиологии имени академика А.Л. Мясникова, вспомним и мы прекрасное стихотворение великого советского поэта Расула Гамзатова, которое как нельзя лучше подходит к этому Человеку:

Он мудрецом не слыл,
И храбрецом не был.
Но поклонись ему –
Он Человеком был².

---

¹ А.Л.Мясников. Я лечил Сталина. М., 2011, С. 299—300.

² Там же. С. 4.

Мемуары А.Л. Мясникова в течение 45 лет после его кончины были фактически под запретом, и лишь в 2011 году были опубликованы отдельной книгой в первоизданном виде, хотя их отдельные фрагменты в весьма искаженном виде выходили и ранее. Но именно эти купюры в отношении девятой главы его мемуаров: «Общественные события. Смерть Сталина» послужили основанием для некоторых исследователей превратно истолковывать роль академика при лечении Сталина на его смертном одре. Дело дошло до того, что ему приписывали корректурные погрешности издателей его воспоминаний, что он якобы плохо знал своих коллег по врачебному консилиуму, называя Павла Евгеньевича Лукомского — Луковским, а профессора Анатолия Ивановича Струкова — А.И. Струновым¹.

Признаемся, что и нам явно не хватало некупированного издания мемуаров академика А.Л. Мясникова при обосновании нашей версии о причине смерти Сталина. Ныне мы готовы несколько скорректировать свой вывод, прозвучавший в заключительном абзаце главы седьмой второй книги триптиха:

«Ну а если не было заговора с целью убийства Сталина, хотя причины для подобного злодеяния, безусловно, были, то остается признать, что Сталин умер естественной смертью, будучи тяжело больным человеком»².

Да, конечно, он умер бы естественной смертью, возможно на день-два позже, не вмешайся в этот трагический процесс преступный «тандем» Н.С. Хрущев — Л.П. Берия, которому потребовалось приурочить уход вождя к заранее намеченному сроку. Так что правы оказались и те исследователи («берияфилы»), которые упорно отстаивали версию, что убийцей И.В. Сталина был Н.С. Хрущев, и те, которые «назначили» в качестве убийцы Л.П. Берия (берияфобы).

Сами того не желая, мы фактически «примирили» «враждующие группировки» и надеемся, что отныне всякие спеку-

---

¹ *И. Савельев*. Тайное — явное (как убивали Великого Сталина). // *Звезда*, март 2008, №10.

² *А.Л. Костин*. Убийство Сталина. Все версии и еще одна. М., 2012. С. 214.

ляции вокруг болезни и смерти Иосифа Виссарионовича Сталина канут в Лету.

Был ли совершен государственный переворот за несколько часов до смерти вождя, как утверждают некоторые историки и иные исследователи? Нет, конечно. Скорее, его соратники совершили «государственный доворот» политической системы Советского Союза к ее досъездовскому формату. Системный государственный переворот готовил как раз Сталин, но внезапная смерть помешала ему завершить дело всей своей жизни, и он в третий раз потерпел поражение в тридцатилетней борьбе с многоголовым монстром ленинского детища — «коллективным руководством». Напрасными оказались многомиллионные жертвы, возложенные на алтарь во имя победы над этим монстром.

Страна покатилась к своему неминуемому краху и уже ничто: ни брежневский застой, ни горбачевская перестройка не могли предотвратить катастрофу 1991 года.

17 января 2013 года

Приложение 1

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РЕЧЬ И.В. СТАЛИНА НА ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

16 октября 1952 года (по записи Л.Н. Ефремова)¹

«Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят, для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов,

---

¹ Ефремов Леонид Николаевич родился в 1912 году, член КПСС с 1941 года. Окончил Воронежский институт механизации сельского хозяйства. В 1933 году работал в ремонтно-тракторных мастерских, главным механиком завода. С 1944 года на партийной и советской работе. С 1952 года первый секретарь Курского, Горьковского обкомов КПСС. С 1962 года первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. С 1964 года первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, затем первый заместитель председателя комитета по науке и технике СССР.

стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, ее партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК — руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия немного выросла.

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под

«шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно было допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеет мы принять решение по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

(Симонов комментирует: «Говорилось все это жестко, а местами более чем жестко, почти свирепо... Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам, подумал, что ослышался или не понял... Он говорил о Молотове долго и беспощадно... В зале стояла страшная тишина... у членов Политбюро были окаменелые, напряженные, неподвижные лица...»)

Сталин продолжал:

— Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? Мужик — наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна...

(Симонов: «Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми. Такими же белыми и мертвыми эти лица оставались тогда, когда они — сначала Молотов, а потом Микоян — спустились один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин».)

А.И. Микоян на трибуне оправдывался, ссылаясь на некоторые экономические расчеты.

Сталин (прерывая Микояна):

— Вот Микоян — новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе.

В.М. Молотов на трибуне признает свои ошибки, оправдывается и заверяет, что он был и остается верным учеником Сталина.

Сталин (прерывая Молотова):

— Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Сталин предлагает решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии.

Вместо Политбюро образуется Президиум в значительно расширенном составе, а также Секретариат ЦК КПСС — всего 36 человек.

— В списке, — говорит Сталин, — находятся все члены Политбюро старого состава, кроме А.А. Андреева. Относительно уважаемого Андреева все ясно, совсем оглох, ничего не слышит, работать не может, пусть лечится.

Голос с места:

— Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин:

— Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

(Симонов: «На лице Маленкова (он стоял за столом и вел заседание пленума) я увидел ужасное выражение — не то чтобы испуга, а выражение человека, осознавшего смертельную опасность...»

Лицо Маленкова, его жесты, воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе...

Зал загудел:

— Нет! Нельзя! Просим остаться!»)

Маленков (на трибуне):

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин (на трибуне):

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

Тимошенко:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко.

Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел.

Примечания Ефремова: «Заявление Сталина об отсутствии полного единства в руководстве партии убедительно подтвердилось после его кончины. Возобладовавшая в нем группировка, не считаясь с нормами партийно-советской демократии, резко сузила состав руководящих органов и постаралась избавиться от выдвинутых XIX съездом КПСС высококвалифицированных молодых сил».

Примечание редактора газеты «Досье» Ю.П. Изюмова:
«Говоря о друзьях жены Молотова, П.С. Жемчужиной, Сталин имел в виду националистические еврейские круги, на которые большое влияние оказывала тогдашний посол Израиля в СССР Голда Меир.

Упомянутый Сталиным Фрумкин М.И. — член партии с 1898 года, после Октября заместитель наркома продовольствия, председателя Сибревкома, наркома внешней торговли, наркома финансов. Активный участник правой оппозиции»¹.

---

¹ «Досье», Спецвыпуск. 2003. С. 11.

Приложение 2

ПИСЬМО Л. БРЕЖНЕВА Г.М. МАЛЕНКОВУ
ОТ 3 мая 1953 года

Ваше письмо № 416
Дорогой Георгий Максимович!

46 10630
28330
ОБЛАСТЬ ЧИСТАЯ
ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ
ЧУВАШСКОЕ РЕСПУБЛИКА

В своем с удивлением явился к вам и
сейчас вчерашнюю минуту, я обращаюсь к
Георгию Максимовичу с большой про-
сью о том, чтобы вы могли в моей жизни и труде.
Моя жизнь своей трудовой деятельностью я
связан с работой в народном хозяйстве. До 1930 года
работал в Златоустском округе, после окончания
Института с 1936 года на советской и партийной
работе. Люблю эту работу, она для меня
второй родимый, я приобрел известный опыт.
Вскоре когда возрастной приближаться к 40 годам
о здоровье нарушено двумя серьезными заболе-
ваниями, (инфаркт миокарда и туберкулез лег-
ких) трудный характер работы или приобретать
новую специальность.

Почему Вас Георгий Максимович
каждый раз мне на работу в партийную
организацию вырывает, поскольку условия
работы на первом или хорошо знакомы, а
технические условия благоприятны.

Ваше и друзей в работе какие либо нефе-
табель или ошибки, прошу их мне простить
и дать возможность в работе их исправить.
Георгий Максимович, обитая своим
фактом заверить Вас, что я всегда был
безусловно предан нашей Великой Родине,
коммунистической партии и остаюсь верным
ей до конца моей жизни.
Довольно кой-где вы мне окажите
я всем своим существом буду
оправдывать.

3 мая 1953г.

Л. Брежнев

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. «Ленинский» этап борьбы И.В. Сталина с невидимой угрозой	8
Глава 2. Сущность и скрытые угрозы ленинской системы коллективного руководства	24
Глава 3. Тернистый путь к статусу «Второго Ленина»	64
Глава 4. Первый раунд борьбы И.В. Сталина за искоренение системы коллективного руководства»	82
Глава 5. Вторая попытка И.В. Сталина ликвидировать систему коллективного управления страной	133
Глава 6. Готовил ли И. В. Сталин преемников?	160
Глава 7. «Тайная вечеря» в Кремле 1 марта 1953 года. Крах иллюзий	221
Глава 8. Разные судьбы несостоявшихся преемников И.В. Сталина	261
Заключение	293
Приложение 1. Неопубликованная речь И.В. Сталина на Пленуме Центрального Комитета КПСС	328
Приложение 2. Письмо Л. Брежнева Г.М. Маленкову от 3 мая 1953 года	334

Научно-популярное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Костин Александр Львович

СТАЛИН ПРОТИВ ПАРТИИ

Разгадка гибели вождя

Редактор *С. Громов*
Верстка *А. Кувшинников*
Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 15.02.2013.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 2 000 экз. Заказ 5714.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс. (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0291-6

9 785443 802916 >

Вот уже прошло время после отчетно-выборного партийного собрания в Министерстве сельского хозяйства Литовской ССР. Была возможность еще раз осмыслить высказанные предложения, советы, критические замечания. Как лучше реализовать эти наказы товарищей? С такой заботой пришли на очередное заседание вновь избранного парткома его члены

Сотрудники его научных учреждений много хороших по вопросам экономики, особенно в республике. Однако специалисты нувшись в по ты, в так ня ку, зачастую этих рекомен по старинке жение в отчет штаба отрасли отдачу переда жет быть, с этот вопрос парторгани ях?

Смерть Сталина – загадка, которой уже более полувека. Но, несмотря на пристальное внимание многочисленных исследователей этого вопроса, она так и осталась неразгаданной до сих пор.

Эта книга завершает монументальное исследование А. Костина, который выдвинул собственную версию событий, как предшествовавших смерти вождя, так и последовавших непосредственно за ней.

Автор убедительно доказывает, что Иосиф Виссарионович пал жертвой многолетней борьбы с той партией, которую он возглавлял, а непосредственной причиной его смерти послужили попытки Сталина реформировать КПСС и систему государственного управления СССР.

В республи онов, который вую продукция ют от средни вы. По иенц партии респу на комплексн оказанию Коммунисты должны стать водниками э

Выступан ном собрании нер управле ке кадров М рил, что неко поднявшись вращают сво четы, при ла ки. Надо мог ся в причине считают член димо, полоу тикой в с смысл обеу

Идет засе Подытожива: ретарь парт Р. Валис др вить перспе боты на два печивающий ход к сам. просам.

«Каждо ского алтар видеть свою решения на зийственных рил на по: ЦК КПСС Брежнев И. нием опре главные

ISBN 978-5-4438-0291-6

9 785443 802916 >

скания, а накануне собрания был замечен в командировке нетрезвым, коммунисты главного управления совхозами пришли к выводу, что их товарищ «в принципе... соблюдает Устав партии».

Как повышать у каждого коммуниста чувство ответственности? Теперь, на заседании парткома, его члены сообща думают об этом. Деловитость и оперативность, творческий подход к делу — важнейшие качества современного организатора. Какие средства помогут развивать их у сотрудников аппарата управления? Товарищи единодушны: важно не оставлять без стро-

проблемы специализации, концентрации в кооперации об- суждались на двух собраниях коммунистов, но довольно по- верхностно. И, что особенно удивляет, — ход выполнения директив партии по магистральному направлению сель- скохозяйственной политики был снят парткомом с контро- ля. Явно преждевременной!

Теперь, после собрания, члены парткома ведут обстоя-